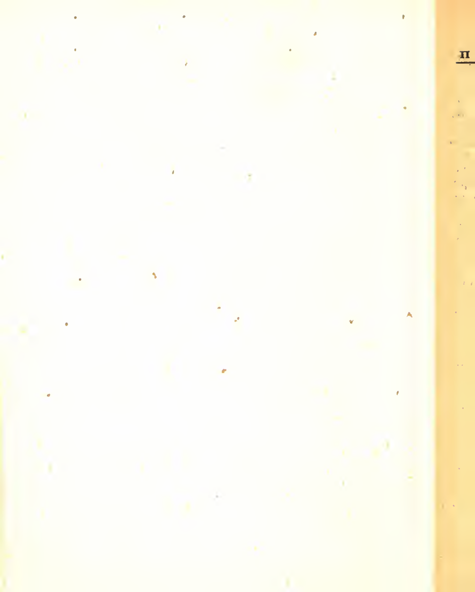
ПОВЕСТИ О ГЕРОЯХ ТРУДА

Елена Микулина

ТЫ ЖИВ, БОРИС

ПОВЕСТИ О ГЕРОЯХ ТРУДА

ПОВЕСТИ О ГЕРОЯХ ТРУДА

Елена Микулина

ТЫ ЖИВ, БОРИС

ПРОФИЗДАТ — 1971

32С5
М 59

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

В основе повести лежат реальные события, и герои ее не вымышленные, хотя фамилии их изменены. Журналистка Елена Микулина на протяжении многих лет не просто наблюдала за жизнью, работой Бориса Павленко и его бригады, но сама стала другом, советчиком своих героев, помощником в их делах.

Многое было в жизни Бориса — любовь, самоотверженность, дружба большого мужественного человека, тщеславие и мальчишество. Он проходил трудовую школу на великих стройках страны и испытание на зрелость на берегах Нила, в Асуане.

Нелепый случай оборвал его жизнь, но память о нем жива. Замечательно сказал Юлиус Фучик: «Придет день, когда настоящее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю. Я хотел бы, чтобы все знали, что не было безымянных героев, а были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды... Пусть же эти люди будут всегда близки вам, как друзья, как родные, как вы сами!»

Это второе издание книги.

7—3—2
151—71

ПУТИ ЖИЗНИ

> Умей открыть себя, да так,
> Чтоб люди честные поверили,
> Что ты — один из работяг
> И что труды твои — не меряны...
>
> **Е. Савинов**

I

С чего начать письмо, которое я так долго собиралась вам написать? Вот и сейчас, прежде чем взять перо, бродила по комнате, смотрела в окно, разглядывала Борины фотографии. Но сколько же можно молчать? Буду писать о Боре. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь не думать о нем. Не знаю. До сих пор не верю в его смерть, и снится мне он живой.

Я все передумала, вспомнила его отношение к людям, к товарищам. Он писал мне из Египта, что взял на экскаватор учеником мальчика Рамодана, отдавал ему свое молоко, договорился с бухгалтерией, чтобы выплачивали ему из его, Бориной, зарплаты деньги.

День за днем переживаю заново и те трудные дни, которые были у Бориса здесь, на стройке. Вспоминаю, как он все преодолел, не потерял себя. А зачем все это было нужно? Он всегда хотел делать больше других, всегда считал, что на его плечах должна лежать самая тяжелая ноша. Но пусть бы он был самым маленьким человеком, я все равно любила бы его, а у детей был бы отец, и у меня муж. А теперь я одна. Только несколько лет счастья! Но, может, этого и не мало? Ведь счастье было...

До сих пор не могу простить тем, кто, жалея меня, не сообщил сразу о катастрофе и гибели Бориса. В поселке все знали, а я — нет. Ходила по улицам, улыбалась людям, готовилась к отъезду, — вы ведь знаете, что я должна была ехать к Борису? А его уже не было.

Только через шесть дней Старицкий сказал мне, что надо ехать в Киев, что с самолетом, на котором летел Боря, неладно, что хотя еще толком ничего не известно, но ехать надо, надо непременно.

В Киеве мне отдали все, что осталось от Бориса, — цинковый запаянный гроб, обтянутый красным шелком и траурной лентой. Мы поставили этот гроб в автобус и повезли в Гребенки, где родился Боря, а затем в Яготин, на мою родину. Родные Бориса просили похоронить его в селе, но разве я могла лишить Борю последнего прощания с друзьями, с ГЭС, которую он строил?

Говорят, на похоронах было много строителей, стреляли из охотничьих ружей, сменяясь, несли гроб до самого кладбища на руках, играли траурные марши. Я помню только птиц — они вились над процессией — и какую-то собаку, бежавшую у кювета. Больше ничего не помню. Даже не знаю, где были дети — Наташа и Коля.

Несколько дней лежала, потом поднялась и поехала на место катастрофы. Меня тянуло туда, как магнитом. Это ведь недалеко от Киева. На месте падения самолета я нашла только пепел и обрывки обгорелой одежды.

Что я искала? Сама не знаю, но на коленях облазила всю площадку. Нашла корочки шоферских прав. Вспомнила, что у Бори были такие. Когда рассмотрела свою находку, увидела расплывшиеся буквы: «Пав... Бори... Егор...» Сомнений не было. Я нашла документ Бориса.

И все-таки сердце отказывалось верить. А может быть, он отдал удостоверение другому? Может быть,

не летел на этом самолете, и я похоронила чужого человека?

Я не спала, не ела, мне чудилось, что Борис жив, а в гробу лежит другой. Но и этого, чужого, мне было жаль. Я чувствовала, что схожу с ума. Стала просить товарищей Бориса отрыть гроб.

Может, это незаконно, но мы его отрыли. Долго смотрели на седого человека, завернутого в простыню. Я своими руками все перещупала, пересмотрела. И ничего, ничего не нашла своего, родного.

Одели мы его, подложили под голову вместо подушки зеленые сосновые ветки, закопали. Поставили памятник с фотографией. Хожу к нему каждую неделю.

21 декабря было десять лет нашей супружеской жизни. Так мало... И так, сразу, все оборвалось.

Вы спрашиваете, как идут мои дела? Живу, учу детей в школе. У меня шесть часов уроков в неделю, но и эти часы провожу с трудом. Что где положила — забываю, тетради проверяю по нескольку дней одну партию. Тоскую, реву, день до ночи, ночь до дня.

Останусь ли я в поселке? Думаю, буду просить начальство поменять здешнюю квартиру на квартиру в поселке строителей Киевской ГЭС. Там рядом будут товарищи Бори — Старицкий и другие. Мне с ними будет легче. Сейчас все из нашего поселка разъезжаются, и знаете, как мне от этого грустно. Старицкий и еще несколько ребят из Бориной бригады уже на новой стройке. Хочу и я туда. Там тоже найдется школа для меня и моих детей. А Борю мы в любое время перевезем. Братья мои, что в Киеве живут, помогут в этом, да и друзья Борины не захотят с ним расстаться.

Сима».

Листок письма в моей руке дрожит. Я невольно закрываю глаза. Кажется, вот откроется дверь и он войдет — широкоплечий, с выгоревшим клоком волос над загорелым лбом, в рубашке, раскрытый ворот которой обнажает бронзовую от солнца и ветра шею. Войдет и крикнет с порога: «Привет от волжских судаков!» И засмеется, заговорит громко, наполняя московскую квартиру шумом стройки и запахом дорогого трубочного табака: любил Борис щегольнуть хорошим табачком.

Чем больше делает человек, тем больше убеждается в своих силах. Короткая жизнь Бориса Павленко была так плотно заполнена свершениями и замыслами, что ее с избытком хватило бы на две-три человеческих жизни.

Несмотря на большую разницу в возрасте (а может быть, именно поэтому), мы с Борисом дружили несколько лет. Я знала все его дела и намерения. Его письма я храню.

Храню... Но вправе ли я не поделиться ими с другими? Вправе ли не рассказать о нем людям?

С чего же начать? Может, с этой странички, вырванной из блокнота? Почерк тороплив, размашист:

«КУЙБЫШЕВГИДРОСТРОЙ.
БРИГАДА ПАВЛЕНКО.

Год 1951-й

Монтаж экскаватора «Уралец». Норма — 38 дней.	*Сделали за 13 дней.*
Монтировали паровой копер для забивки шпунта. Норма — 40 дней.	*Справились за 11 дней.*

Год 1952-й

Создали комплексную. Вынули первые 105 тысяч грунта.	*Рекорд по «Уральцу». Было это в июле.*
В последующие годы: Боролись за право перекрытия Волги.	*Дали миллион кубов. Добились. Сбросили в Волгу 23 тысячи кубов камня. Первое место — наше.*
Создавали новый ковш для «Уральца». Четырехкубовый.	*Прижился ковш. Помог вырыть котлован раньше срока. Теперь на всех экскаваторах такие ковши.*
Всего вынули 2,5 миллиона кубов грунта.	*На кабину экскаватора прикрепили 25-ю звезду (100.000 кубов — одна звезда).*
Рацпредложений у бригады — 38».	

Цифры. Сухие цифры. Кое-кому они могут показаться скучными. Но за ними — большая жизнь. Я смотрю на последнюю строчку записки и улыбаюсь: *«Это было основное, но многое было другое — вели за собой массы».*

И подпись — размашистая, дерзкая: *«Все. Павленко Борис».*

Сразу вспомнился день в редакции газеты. Борис сидит за моим столом: низко склоненная голова, губы, шевелящиеся от напряжения, широкий жест, с которым он вырвал из блокнота исписанный листок.

— Вот, тут все! А я пошел. Дела.

...О Борисе я услыхала в первый же приезд на Волжскую стройку, тогда еще только разворачивавшуюся. Услыхала при обстоятельствах необычайных. Вместе со мной в одном номере городской гостиницы жила тогда молоденькая проектировщица. Она приехала из Москвы для согласования каких-то чертежей. Однажды, вернувшись поздно вечером, я застала ее очень взволнованной. Лариса стояла у окна и, прикрыв ладонью глаза, вглядывалась в темноту улицы.

— Посмотрите, он еще стоит, вон там, возле фонаря, — сказала она шепотом. — Видите?

В этот момент человек, на которого показала Лариса, надвинул кепку и повернул за угол.

— Кто он? — спросила я.

— Не знаю,— растерянно ответила Лариса,— говорит, экскаваторщик, работает на ГЭС, но так ли это, не уверена, знаю только, что зовут его Борис.

Она замолчала.

— Да что случилось?

— Я ужинала в ресторане, пошла в гостиницу. Какой-то пьяный схватил меня за руку, стал тащить в переулок... Потом все было, как в плохом фильме. Кто-то дал пьяному по уху, тот отлетел и ударился головой об забор, вскочил и кинулся на человека. Я закрыла глаза, но... ничего не произошло. Пьяный только выругался, драться не стал. А мы пошли. Человек этот проводил меня до гостиницы. У дверей сказал: «По ночам приезжим девушкам по ресторанам расхаживать не следует.

А если есть хочется, так у нас на стройке неплохая столовая имеется. Вы ведь на стройку приехали? Я вас там видел...» Я так растерялась, что даже не сказала ему спасибо. А теперь он ушел...

Слушая этот сбивчивый рассказ, я и представить себе не могла, что скоро познакомлюсь с загадочным защитником Ларисы.

Несколько месяцев назад Борис сидел в приемной начальника строительства и молча слушал, как секретарша с раздражением в голосе говорила:

— Начальник не принимает. У него совещание. Советую обратиться в отдел кадров.

В глазах секретарши недоумение. Странный парень. Из-под распахнутой куртки выглядывает морская тельняшка, на ногах — модные туфли, в глазах — насмешка. Словно бы и не ему она говорит пятый день подряд одно и то же. Выслушает — уйдет. А сегодня сел на стул возле стола, смотрит в окно.

— Пожалуйста, пройдите в отдел кадров, товарищ.

Молчит. Будто и не слышит. Вдруг возьмет да стукнет кулаком? С такими бывает...

Секретарша потихоньку передвигает мраморное пресс-папье на другой конец стола. Говорит по телефону, а сама нет-нет да и бросит взгляд в сторону посетителя. У него карие глаза, волосы светлые, кудрявые.

За окном пелена бурой пыли. Ветер. Управление совсем недавно перебралось в этот дом на бугре среди степи. Когда-нибудь здание окажется в центре города, а пока под окном широкая, перемолотая колесами самосвалов и тракторов грязно-бурая дорога. Где-то там,

вдалеке, река, зеленый лес. Здесь же все буро от пыли, даже вода в графине.

За дверью кабинета начальиика послышались громкие голоса. Оперативка кончилась. Из кабииета, переговариваясь, вышли люди. Схватив толстую папку, стуча каблучками, секретарша иаправилась к двери кабинета. Но войти ие успела, туда вошел, иет, влетел, кареглазый.

— Нахрапом хочешь взять? — Начальиик строительства Иваи Васильевич Комазов смотрел сурово. — Почему не пошел в отдел кадров?

— Был.

— Чего хочешь?

— Направляют в отдел сиабжеиия.

— А ты?

— Прошу экскаватор. Не дадите — буду ходить каждый деиь. Спать стаиу иа пороге коиторы. Все равио ие уйду.

— Да кто ты такой? Откуда?

Начальник встал, высокий, грузиый. Вышел из-за стола. Подошел к посетителю. Ничего, здоровый пареиь. Чуть-чуть помеиьше его ростом, а в плечах, пожалуй, шире. Стоит, по-морскому расставив иоги, видно, как напряглась шея, иа лбу — капли пота.

— Садись. Рассказывай. Куришь?

Подвииул к посетителю пепельиицу. Сел поудобиее, вытянул ноги, прикрыл глаза.

О первой встрече Комазова и Павленко мие рассказывали оба. Видио, запомнилась оиа им крепко. С этой встречи и заплелись нити, связавшие двух людей на всю жизнь, хотя были оии разиыми по своему положеиию, возрасту, житейскому опыту.

Миого лет спустя, когда был иапечатаи мой первый очерк о Борисе, мие говорили: «Ну, это, коиечио, ваш

домысел. Не мог начальник такой большой стройки столь глубоко вникать в жизнь рядового экскаваторщика. Ведь у него таких были тысячи!»

Верно, тысячи. Но в том-то и дело, что начальник строительства, под руководством которого Борис начинал свой путь строителя, был не только инженер, профессор, крупный организатор, но прежде всего — человек с открытым и чутким сердцем. Борис нашел отклик в этом сердце. Направив его в одну из бригад, Комазов не забыл о парне.

В тот первый приезд я так и не познакомилась с Борисом. Председатель постройкома Владимир Николаевич Гаврилин на вопрос о кадрах только замахал руками:

— Есть, конечно, костяк квалифицированных строителей, приехавших с других строек. Они у нас и работники, и учителя, и организаторы масс... Ну, а новички, новички, они, конечно, тоже есть во множестве. Но это еще сырой материал, о них говорить рановато. Вот приезжайте через полгодика, тогда мы вам покажем молодую гвардию. Ручаюсь, что покажем. Такая стройка! Да ведь это университет!

Гаврилин был озабочен, деловит и раздираем на части тысячами неотложных дел, возникающих от неустроенности быта строителей. Ничего другого, как распрощаться с ним до новой встречи, не оставалось.

Зал, где проходило заседание бюро обкома партии, выглядел необычно. На столах — схемы, чертежи, макеты. Обсуждение генерального плана застройки города длилось второй час, но конца его еще не было видно. Среди присутствующих я увидела Ларису. Она

была здесь самой молодой и казалась растерянной. С удивлением слушала я выступления проектировщиков. Большинство из них критиковали предложенный главным проектировщиком план застройки центра города пяти- и четырехэтажными домами, по которому сохранялись старые бульвары, исторически сложившиеся транспортные магистрали. Мне это решение казалось верным. И я никак не могла уловить, почему оно вызывает такой протест у архитекторов, представляющих разные проектные организации.

Ораторы подходили к схемам, тыкали в них указками, горячились. Одни говорили: город надо строить по предложенному генеральному плану, смело идти на снос старых зданий, другие, будто нарочно, настаивали на строительстве отдельных поселков вблизи будущих предприятий.

— Это ужасно! — услыхала я шепот за спиной и обернулась. К моему плечу наклонилась Лариса.— Ведь они хотят разорвать город на несколько частей!

— Надеюсь, вы выступите? — также шепотом спросила я. — Ваш институт поддерживает генерального проектировщика?..

Щеки Ларисы покрылись красными пятнами. Нет, ее институт тоже запроектировал порученный ему квартал самостоятельно, не увязывая его с общим планом застройки. Лариса вспомнила, как убедительно говорил руководитель мастерской, что строители — народ временный, незачем удорожать стоимость зданий «большим благоустройством», затрачивать на это огромные средства. Значительно лучше и выгоднее построить двухэтажные дома, микрорайон, «привязанный» к месту работы строителей. Сейчас Лариса поняла, что не сможет защищать этот проект.

— Прошу слова, — вдруг услыхала я ее дрожащий голос.

Присутствующие повернули к ней головы. Лариса встала.

— Наш институт рассчитывает выстроить свой квартал для строителей прямо в степи, на голом месте. Вот наши схемы, — она махнула рукой на один из стендов.— Но мы, — Лариса передохнула и выговорила очень четко и громко, — мы совершили ошибку. Нелепо селить людей в голой степи, когда в городе есть река, зелень. Нелепо обрекать их на жизнь в отдаленном от города поселке. Уйдут строители, придут другие рабочие. Разве они скажут нам за это спасибо? Я прошу записать мое мнение: проект нашего института принимать нельзя. Жилые дома гидростроителей надо вписать в общий ансамбль будущего города.

Она замолчала, но продолжала стоять. На нее смотрели с недоумением.

— Хватит. Будем заключать! — решительно поднялся со своего места секретарь обкома партии.

С самого начала заседания он сидел на стуле както бочком. На смуглом, бровастом лице его упорно держалось выражение легкого, чуть уловимого раздражения. Теперь он поднялся во весь рост, говорил громко и резко.

— Решать будут те, кому здесь жить. И мы не дадим разорвать город на несколько поселков, не дадим его увести от реки. А раз так,— тут он глянул на притихших архитекторов и проектировщиков и, видимо, стремясь смягчить резкость своих слов, широко улыбнулся,— а раз так, то вы все вместе с нами будете осуществлять строительство города по единому плану.

Поискав глазами Ларису, секретарь обкома продолжал с улыбкой:

— Мы выполним вашу просьбу, товарищ...

— Мостовая, — подсказал кто-то.

И секретарь обкома повторил:

— Выполним. Запишем в протокол, что вы, товарищ Мостовая, не согласны с представленным вами проектом. — Закрывая лежащую перед ним папку, секретарь обкома закончил: — Итак, до завтра, товарищи архитекторы.

Я хотела выйти вместе с Ларисой. Но она, не дождидаясь остальных, быстро выбежала на улицу. Видно, решила на сегодня избегнуть встречи с коллегами, не возвращаться в гостиницу.

Миновав городскую набережную с гипсовой девушкой, держащей весло, как винтовку, по узкой, протоптанной людьми дорожке Лариса спустилась к воде. По реке среди разноцветных пятен нефти плыли щепки, обрывки бумаги. Но трава возле берега была сочно зеленой. Скинув туфли, Лариса потихоньку пошла к кустам ольшаника. Там присела, обхватив руками колени, задумалась.

Что-то большое и важное произошло в ее жизни сегодня. И как бы ни обернулись события в дальнейшем, сейчас она чувствовала себя удивительно легко, словно ей развязали затекшие руки.

Но что скажет отец, когда она вернется в Москву? Обрадуется? «Надо быть мужественной,— любил говорить он.— Надо уметь добиваться заданной цели».

Жаль, что его здесь нет. Они бы посидели на берегу. Отец молча курил бы папиросу, и от этого молчания обоим было бы хорошо...

Когда я наутро встретилась с Мостовой и хотела расспросить ее о дальиейших событиях, оиа только махиула рукой:

— После!

Но я уже собрала все нужные мне для газеты материалы и уехала в Москву.

Следующий мой приезд иа стройку совпал со слетом строителей, иа котором оглашались месячиые итоги соревиования экскаваторщиков. Первое место заняла бригада Виктора Старицкого. Председатель постройкома Гаврилин, увидев меия в зале, во время перерыва потащил к стеиду с портретами передовиков. Ои ткиул пальцем в фотографию молодого человека с иахмурениыми широкими бровями:

— Помиите иаш разговор о кадрах? Вот ои, иовичок, — Борис Павлеико. Совсем зеленый, а иачииает перегонять опытных механизаторов. Вы ие смотрите, что он тут такой хмурый, это у иас фотограф — любитель серьезиых выражеиий на лицах. Павлеико веселый. Да зачем говорить, я вам сейчас его в иатуре покажу!

Владимир Николаевич оглянулся, поискал глазами, потом хитро прищурился, словио его осеиило, сказал:

— Сейчас мы его иайдем. Пожалуйте в буфет, сегодня там пивом свежим торгуют. Наши экскаваторщики — большие любители этого иапитка. Уверяют, что это профессиоиальиое, глотка-де у иих пересыхает.

Гаврилин провел меня в коиец фойе, к двери буфета.

— Ну вот, — сказал он, остаиавливаясь возле группы парней, окруживших столик с бутылками пива. — Вот ои, Борис Павлеико.

Широко расставленные карие веселые глаза парня смотрели на меня удивленно и чуть-чуть насмешливо. Протянутая рука была широка и крепка.

— Чем заслужил внимание корреспондента? — спросил Гаврилина, немного бравируя.

— Ну, ты давай посерьезней, — сказал тот, нахмурившись. — Расскажи, как успеваешь в работе, как пришел на стройку. А я пошел, у меня дела. — И исчез.

— Может, выпьете? — предложил Павленко, стоя передо мной со стаканом пива. — Разговаривать-то здесь не с руки. Да и хвалиться мне пока еще нечем. Я ученик. Ну, а насчет прошлой жизни моей, так кому это интересно?

Так началось наше знакомство с Борисом. В тот вечер, понятно, никакого разговора у нас с ним не получилось. После короткого перерыва Борис с товарищами ушел в зал, как показалось мне, очень довольный тем, что избавился от корреспондента.

Не удалось мне побеседовать с ним и в последующие дни. Бригада Бориса работала на левом берегу, меня же дела удерживали на правом. Но то, что рассказал мне об этом парне Гаврилин, заинтересовало меня, и я во что бы то ни стало решила встретиться с Павленко, расспросить подробнее о его жизни.

Уже перед самым отъездом я разыскала Бориса в общежитии. Протягивая ему свой московский адрес, попросила написать. Испытующе посмотрев на меня, Павленко сказал задумчиво:

— Может, и напишу. Только не о процентах. Про это я могу и на словах рассказать. А вот написать, наверное, про другое нужно. Если, конечно, интересно вам будет...

Так завязалась наша переписка.

II

Жизнь на стройке шла своим порядком. Наступила зима. По степи носилась поземка. Она скрывала от людей, работающих на одном берегу, другой берег, накрывала его белой пеленой. Раздавались взрывы. Свистки паровозов объявляли тревогу. Мчались по дорогам самосвалы с отвальной породой. Вспыхивали голубые огни сварки.

Начальник строительства привычным глазом окидывал знакомую картину площадки. В хаосе разных звуков, движения он прекрасно улавливал четкий ритм стройки.

Много дорог прошел Комазов. Совсем молодым человеком начинал свою жизнь строителя на Магнитке, там получил аттестат зрелости, затем прочно вошел в орбиту руководителей строек, тех руководителей, которых партия всегда посылает на самые трудные участки, которым редко приходится жить в больших городах, а всегда — осваивать необжитые места, оставляя за собой заводы, фабрики, города...

Иван Васильевич никогда не подсчитывал, сколько отмеряно ему права вершить человеческие судьбы. Ему всегда казалось, что ответственности, которую партия возложила на него, он не заслуживает. Чванство, самоуверенность ему были совсем несвойственны. Влюбленный в свою профессию строителя, он сам с огромным уважением относился к тем, у кого подмечал неуемную тягу к созиданию. Потому так внимателен был к людям, так чуток к порывам их души.

Пытливым, быстрым взглядом начальник строительства примечал на стройке все. Вот его внимание

привлек неработающий экскаватор. Остановив машину, Комазов пошел к нему. Еще издали узнал он в невысоком человеке, стоявшем возле экскаватора, бригадира Виктора Старицкого. Тот стоял, повернувшись спиной к ветру, раскуривал папиросу. А рядом — Борис Павленко в полурасстегнутой, несмотря на ветер и снег, теплой куртке, привалился спиной к экскаватору и рассеянно смотрел на приближающегося начальника стройки.

— Поломка?

— Нет, — не спеша ответил Старицкий, отбросив спичку и с наслаждением затягиваясь. — Самосвалы задерживаются. Не поспевают, черти, за нами. Простаиваем. Закрепить бы за экскаваторами машины надо: в одну бригаду включить и шоферов и экскаваторщиков. Это вот он придумал,— Виктор кивнул головой в сторону Бориса. — Мне кажется, прав он. Комплекс требуется по всей форме.

Комазов внимательно посмотрел на худощавого, невысокого бригадира.

— Подумаем. А как Павленко? — Иван Васильевич в упор взглянул на Бориса.

— Рычагами двигать — нехитрое дело. Да чего двигать-то, когда грунт девать некуда? — дерзко ответил сам Борис.

Комазов насупился:

— Ты не задирайся. Больно прыток. Рычагами тоже надо двигать умеючи.

Старицкий сказал примирительно:

— Моряк. Все шутит. Только, честно вам говорю, Иван Васильевич, голова у него варит. Может уже самостоятельно работать, справится.

Скрипя тормозами, к экскаватору приближался самосвал. Старицкий быстро затушил папиросу, полез в кабину.

— Зайдешь после смены в контору, — бросил Комазов Борису.

Рабочий день Управления строительством закончился. Шаги Бориса гулко отдавались в пустом коридоре. Осторожно приоткрыл дверь в приемную: место секретаря пустовало, из открытой двери кабинета Комазова струей несся холодный воздух. Борис остановился посреди приемной.

— Кто там? — раздался голос Комазова.— Павленко? Заходи.

Начальник строительства показался Борису другим, не таким, как при первой встрече. Перед ним, грузно провалившись в кресле, совсем по-домашнему сидел пожилой, усталый человек.

— Сколько зайцев настрелял в выходной?

Любого вопроса ждал Борис, только не такого. А Комазов уже стряхнул с себя усталость, нагнулся к нижнему ящику стола, вытащил коробку с патронами:

— Смотри...

Борис подошел к столу.

— А что, если пойти на лыжах? — Иван Васильевич посмотрел в окно. — Закат-то какой! Махнем сегодня в ночь?

Глаза Бориса блеснули. Он представил себе белую степь, двойной след лыжни и дымок костра в морозном воздухе.

— Да, я...— и осекся.— Никак нельзя мне сегодня, товарищ начальник. Завтра заступаю в утреннюю смену.

Оглаживая горстью подбородок, Комазов, прищурившись, смотрел на парня:

— Нельзя, говоришь? А если я скажу бригадиру?

— Испытываете? — Борис, тоже прищурившись, взглянул на Комазова. — Ох! Так хочется пойти, — сказал вдруг совсем по-детски. — Но... Давайте лучше, Иван Васильевич, в другой раз.

Комазов раскатисто захохотал, перегнувшись через стол, протянул Борису руку.

— Ладно, пойдем в другой раз. Уговорил. Ну, а теперь садись, рассказывай. Не жалеешь, что на стройку пришел? Что жизнь переломил? Что от жены убежал?..

III

«Так больше жить не могу. Хочу все начать сначала. Вернусь, когда стану человеком.

Борис».

Эту записку Сима нашла на столе.

Разбудил ее будильник. Он звонил настойчиво, долго. Обычно Борис движением руки унимал назойливый звук. Сейчас будильник не умолкал. Сима открыла глаза. Подушка рядом была не смята.

— Борис! — крикнула она испуганно.

Никто не ответил. Она прислушалась. В коридорчике, где стоял умывальник, тоже было тихо. Сима бросилась к двери, распахнула ее. Никого не было. Из-под входной двери просачивался тоненький лучик света. Сима потрогала дверную ручку. Заперто.

Недоуменно пожимая плечами, вернулась в комнату. Где же Борис? И вдруг испугалась. Где он?

И вот тогда увидела на столе записку. В пепельнице горкой лежали окурки, видно, много ночных часов провел Борис в раздумье. Под столом валялась газета. Крупными буквами выделялся заголовок: «Комсомольцы — на стройку!»

Сима подняла газету, машинально, не глядя, сложила, задумалась.

На забор под окном взлетел голенастый, красногрудый соседский петух. Он повертел головой, словно подсчитывая слушателей, и, высоко задрав голову, громко закукарекал. Сима встала. И вдруг покачнулась, оперлась рукой о стену. С трудом добралась до кровати. Легла на спину, сжимая в руке записку Бориса. Закрыла глаза и молча лежала. Осторожно провела рукой по животу. Ей показалось: ощутила какое-то движение.

— Маленький, — тихо сказала Сима. И заплакала.

Сима и Борис встретились случайно, всего за год до этого разрыва. Летние каникулы она проводила у матери, в деревне. Два месяца ходила босиком по росистой траве, купалась в речке, на том самом месте, где когда-то плескалась вместе с подружками.

Мать вздыхала и говорила с жалостью:

— Двадцать восемь тебе, а все в девках. У нас в роду такого не бывало...

Сима краснела. Девчонки, которых она помнила босоногими, теперь щеголяли в туфлях на каблуках. Бывшие подруги появлялись в клубе с мужьями.

Скоро Сима уехала. В синем сатиновом платье в белый горошек, с кошелкой, полной яблок и груш, она стояла в коридоре купированного вагона, готовясь к выходу. До Киева оставался один перегон.

Сухо щелкнула дверь купе. В распахнутом кителе, с полотенцем через плечо из купе вышел человек в форме железнодорожника и, пошатываясь, двинулся к туалету.

Сима испуганным и в то же время брезгливым движением прижалась к окошку, давая дорогу.

— Вам т-т-ребуется м-место? Это м-мы м-можем, — сказал человек, с трудом нанизывая непокорные слова. — Контролеру все м-можно! Куда едете, гражданочка? — Тяжелая рука опустилась на узкое плечо.

— Стыдно, как стыдно, — тихо сказала Сима. — Оставьте меня, вы пьяны... — На ясном выпуклом лбу ее появились морщинки, белесые бровки нахмурились.

Борис стремительно двинулся в конец коридора, к крану с холодной водой. Но когда спустя несколько минут, застегнутый на все пуговицы, гладко причесанный, подобранный, он вышел в коридор, девушка исчезла. А поезд уже замедлил ход, потом остановился. Соскочив на перрон, Борис напряженно вглядывался в толпу, искал синее в горошек платье. И увидел.

— Да куда же вы? О, господи! — взвизгнула пассажирка, чуть не сбитая им с ног. Потом чьи-то спины закрыли синее платье, только еще раз мелькнула фигурка девушки у выхода на площадь.

— Ничего, найду... Подумаешь, город Киев! На дне моря отыщу!

До этого часа жизнь Бориса Павленко шла неровно. Раннее детство провел он в украинском селе, в семье отца. Когда подрос, перебрался в Донбасс, к старшему брату — шахтеру.

Рос Борис мальчишкой неспокойным, непокорным. Вечно его тянуло вдаль. Как только наступала весна, Борис был таков! Первый попавшийся «товарняк» увозил его то на юг, то на север. А осенью как ни в чем

не бывало он снова появлялся в шахтерском поселке и садился за школьную парту. Где был, как жил эти месяцы? Никто не знал.

Когда началась война, парню было всего пятнадцать лет. Он пробрался к морю. Стал юнгой торгового флота. Потом школа мотористов-дизелистов и в 1946 году — Дальний Восток, Сахалин. Может быть, Борис так и остался бы моряком, но простудился, заболел воспалением легких, врачи распознали признаки туберкулеза. Пришлось списаться на берег.

Некоторое время пробыл в деревне у овдовевшей матери. Кто-то посоветовал поступить на железную дорогу, там нужны контролеры.

От неустроенности, недовольства самим собой Борис начал выпивать. Компания находилась.

И вот встреча с Симой. Как, где найти ту девушку в синем платье с горошками? Он искал. И нашел.

Через два месяца Сима стала женой Бориса Павленко. Он совсем не был похож на героя ее мечты, казался большим ребенком, которого надо вести по жизни, крепко держа за руку. К тому же Борис был на шесть лет моложе ее. Сима об этом думала со страхом. Но она любила его.

Поселились молодые в маленькой комнатке на окраине Киева. Сима уговорила Бориса оставить работу:

— Посиди дома, подыщем другую.

Сима мечтала:

— Может, удастся пристроить тебя поначалу в школьные мастерские. Главное, ты сможешь учиться. Тебе необходимо учиться.

Борис молча кивал головой. Конечно, хорошо бы сесть за парту. Он даже не закончил семилетку. Но ведь он глава семьи.

А Сима говорила:

— Сама буду с тобой заниматься. Помогу. А потом ты поступишь на завод. Станешь мастером. А может, поедем в деревню, к родным. Я стану преподавать в школе, и для тебя дело в колхозе найдется.

Конечно, и на заводе, и в колхозе дел много. Борис соглашался с Симой, но что-то в душе его протестовало: не против завода или колхоза, а против тона, которым с ним говорила жена. Хотя, если разобраться, тон правильный, она ведь хотела как лучше.

Борис это понимал, но протест оставался. Чего хотелось ему, он и сам не знал. Только решение должен был принимать он сам. Без указки. Сам, только сам!

По вечерам они гуляли в приднепровском парке. Сима, прижимаясь головой к плечу Бориса, говорила:

— Директор школы сказал вчера: «Правильно вы поступаете, Серафима Георгиевна, что мужа от старых приятелей отстранили. Главное для него сейчас — быть подальше от дурной компании. А там...»

Борис молча усмехался.

— Ты не слушаешь меня, Боря?

— Умница ты моя, — говорил Борис, — слушаю я. Вот возьму сейчас и поцелую при всех!

— Что ты! — пугалась Сима, и маленькие уши ее краснели.

И вот вдруг — записка...

Сима осталась одна в маленькой комнатке на окраине города. Сжав губы, подняв голову, проходила сквозь строй насмешливых взглядов соседок. Поначалу плакала.

А Борис очутился на Волжской стройке, стал учеником в бригаде Виктора Старицкого. Однажды сбивчиво рассказал бригадиру о своем уходе из дому. Тот спросил:

— Интересно, какой срок назначил ты себе, чтобы стать человеком?

Борис исподлобья посмотрел на Старицкого. Промолчал.

Больше тот не задавал вопросов. Но в первую же получку, когда Борис поехал в город, решительно навязался ему в попутчики.

— Мне тоже надо на почту. Хочу сестренке деньги перевести.

Они стояли рядом за старинной, неудобной конторкой, и бригадир, скосив глаза, старался запомнить адрес на переводном бланке Бориса. По дороге на стройку зашли в ресторан, пили пиво и говорили про разное, только не о Симе.

Но уже на следующий день Старицкий написал письмо жене Бориса. А через неделю получил ответ и написал еще. Всякий раз, тайком прочитав письмо, бережно складывал его в конверт и прятал на дно деревянного сундучка.

— Часто же тебе пишут, — говорил Борис.

— Интересуются, — усмехался Старицкий, стараясь держать конверт так, чтобы не виден был адрес. — Женский пол, ничего не поделаешь...

Без ведома Бориса бригадир говорил в постройкоме о том, что Павленко нужна отдельная комната, что скоро к нему приедет жена с ребенком, учительница. Осенью в поселке строителей откроется школа, надо ведь и кадры подбирать. Настаивал, чтобы Борису дали возможность работать самостоятельно.

Настал срок, когда Сима приехала на стройку. Порозовевшая от смущения, отвернувшись к стене, она кормила грудью Наташку. Шагая взад-вперед по узкому проходу между кроватями общежития Борис говорил:

— Комнату нам дадут. Ей-богу! Не веришь? Дадут! Ты не жалей, что уехала из Киева, Сима. Здесь тоже будет настоящий город. Будет! Осенью новую школу откроют. Вот тебе и работа рядом. А для ребенка — воздух тут что надо!

Осторожно, сдерживая дыхание, он нагнулся над дочкой. Капелька молока пузырилась в уголке ее рта. Бережно обняв жену, спросил:

— Останешься?

— Пусти, глупый, — Сима изо всех сил старалась казаться строгой. — Разве ты уже стал человеком?

На какое-то мгновение руки Бориса ослабли, лоб нахмурился. Потом он крепче обнял ее, поцеловал.

Нагнувшись, вытащил из-под кровати чемодан, выбросил на пол тельняшку, носки, порылся на дне, протянул жене номер многотиражки:

— Читай!

«На выемке котлована отличились экскаваторщики третьего участка: бригада В. Старицкого выбрала за эту декаду на двадцать процентов больше грунта, чем было намечено планом. Среди отличившихся — Борис Павленко...» — пробежала Сима глазами газетный текст.

«Какой он муж и отец, — подумала, — мальчишка, хвастун». И улыбнувшись сквозь слезы, сказала:

— Я тебя люблю.

IV

Прошло два года. Теперь Павленко знал свой «Уралец» до каждого винтика. Знал и умел ладить с машиной, заставлял ее работать «на всю катушку». Единственной помехой оставался ковш. Как ни старайся, а этим ковшом больше трех кубометров грунта за раз взять невозможно.

Борис не помнил точно, когда и как пришла к нему идея заменить трехкубовый ковш экскаватора «Уралец» на более емкий. Он просто чувствовал, что мощная машина способна на большее, что сила ее не используется полностью.

Уже после того, как на «Уральце» был поставлен новый ковш его конструкции, он однажды шутливо заметил:

— Наверное, все началось с рук.

— Каких рук? — удивилась я.

— Обыкновенных, моих собственных, — засмеялся Борис и положил на стол обе руки ладонями вверх. — Видите, какие они у меня большие? Вот так же и ковш. Но это я шучу. По-другому было.

Как-то вечером, после смены, Борис, Виктор и Володя Попов, новый член бригады, беспризорный мальчишка, принятый по настойчивой просьбе Бориса, сидели на берегу реки, глядели, как мощный буксир тянет за собой баржи.

— Видишь, какая у него сила? — кивнул Борис. — Всю выкладывает. А мы от своего «Уральца» не выбираем мощности. Я так думаю, наша машина не три, а

четыре, а то и побольше кубов может зараз перебросить. Ты только подумай, Виктор, подсчитай. Ведь тогда норму можно будет на сто двадцать процентов выполнять, работать совсем по-другому.

— Есть зерно, — сказал Виктор, — есть. Я тоже на этот ковш зуб имею.

— А кто же тот ковш может для нас переделать? — спросил Володя, не спускавший глаз с Бориса.

— Может, я, — усмехнулся Борис, — а может, Виктор, или ты.

— Все может быть,— задумчиво протянул Володя,— только мне надо подучиться, у меня пока смекалки маловато.

— Долго ждать, — буркнул Виктор и повернулся к Борису.— Что-нибудь уже придумал?

— Да ведь я ничего не говорю пока, — замялся Борис. — Только так, в общих чертах.

Но он говорил неправду. Уже несколько свободных вечеров провел Павленко на сборочной площадке, внимательно наблюдая за сборкой машины, разглядывая ковши, их крепления.

— И чего смотрит, — удивлялись механики, — словно первый раз видит экскаватор. Чудак!

Потом еще несколько вечеров Борис провел за письменным столом, что-то чертил на клочках бумаги. По утрам Сима находила на столе кучу окурков и, открывая окно, жаловалась в пространство:

— Хоть бы посоветовался. А то все тайком...

— Ну, как идет дело? — Узнав обо всем, Виктор стал часто задавать этот вопрос.

— Понемногу, — неохотно отвечал Борис и вдруг оживлялся: — А как ты думаешь, Витя, если присоединить...

Увлекшись, перебивая друг друга, они чертили на песке схемы крепления, расчеты нагрузки, ссорились, недовольные расходились.

— Все не то, — говорил Борис. И снова просиживал ночи за письменным столом.

Наконец, чертеж был готов. Он понес его механику участка. Тот посмотрел, усмехнулся и молча сунул его обратно Борису.

— Что?

— Голова у тебя не в порядке, вот что! Высоко залетаешь. Тоже указчик инженерам нашелся. Без тебя они не додумались, видно.

— Почему не годится?

— Разорвет твой ковш за два дня.

— Не разорвет! — закричал Борис.

— Не кричи, горластых видели.

— Может, порвать чертеж? — Борис заставил себя задать этот вопрос спокойно. Но ответа не получил. Очень расстроенным пришел к Старицкому.

Виктор внимательно посмотрел на него. Лицо Павленко за эти дни осунулось, вокруг рта обозначились складки.

— А сам ты уверен? — спросил Старицкий и, не дождавшись ответа, добавил: — Мне кажется, ты прав, машина потянет больший ковш. — Помолчав немного, еще раз посмотрел на Бориса и вдруг, откинув ногой ком земли, закричал: — А ну его к черту, этого механика! Иди, Борька, к Ивану Васильевичу, к Комазову. Он разберется.

— Может, и правда? — вяло проговорил Борис. — Пожалуй, схожу...

В кабинете Комазова было много людей. Борис приоткрыл дверь, заглянул, но не вошел. «Подожду на

улице, освободнтся же он когда-нибудь». Вышел нз коиторы, сел иа лавочку.

Здание управлення строительством все еще стояло на отшнбе. Из степн тянуло горьковатым запахом полыни. Когда-иибудь здесь будут миогоэтажиые дома. Будет построеи театр, откроются техникумы, а может быть, н вуз. Все это Борис слышал иа собраиии, посвященном будущему городу. Городской архитектор развесил тогда на стеие проекты, и там все это выглядело здорово. Тогда и та рыжая проектнровщица была, которую он как-то в городе под защиту взял. Интересно, приедет оиа еще сюда когда-ибудь?

Сзадн послышалнсь голоса. Борнс вскочнл и стал всматрнваться в выходящнх нз управления. Комазова среди них ие было. Борнс сиова сел. Одиу за другой вынимал нз коробки спички, чиркал и смотрел, как вспыхнвает огоиек. Думалось: «Вдруг иачальиик стройки отнесется к предложеиию так же, как механик?»

— Чего это ты тут сидишь? — Комазов подошел незаметно, с удивлеинем смотрел иа Борнса. — Зачем спичкн жжешь?

Вместо ответа Борис суиул ему в руки нзмятый чертеж. Усевшнсь иа лавочку, надев очкн н поворачивая чертеж так, чтобы иа иего падал свет фонаря, Комазов долго и вннмательио вглядывался в иего.

— В полтора раза больший? — спроснл. — Уверен, что выдержнт? Что ж, поезжай!

— Куда?

— На завод-изготовнтель, к конструкторам. Онн создавали, им н решать.

— А когда ехать?

— Завтра.

На следующий день Павленко выехал в Свердловск.

О своих замыслах переделать ковш экскаватора на более мощный Борис писал мне вскользь, между строчками о соревновании бригад, о впечатлениях от только что прочитанных «Казаков» Льва Толстого и сообщениями о «штучках» дочки. Откровенно говоря, я отнеслась к его изобретательским планам настороженно. Было боязно за Бориса, только что нашедшего себя в труде. Стройка открывала перед ним огромные возможности для роста в труде, в общественной работе. А тут новое увлечение, в практический результат которого я как-то не верила. Видимо, это настроение проявлялось и в моих письмах. Потому что Борис перестал писать на эту тему. А потом и совсем замолчал.

Письмо пришло только несколько месяцев спустя.

«...Ну вот, а вы сомневались, говорили, что я слишком самонадеян, что вряд ли смогу решить такую задачу, как конструкция нового ковша. Есть ковш! Есть! Теперь мой «Уралец» за один мах вместо трех кубов выбирает четыре. Это по норме, а у меня он и четыре с половиной захватывает. Эх, если бы вы видели, какую рожу скорчил механик участка, тот, который говорил: «Разорвет твой ковш».

Переживаний в Свердловске было множество. Начнем с того, что и на завод меня сначала не хотели пускать. «У вас, — говорит мне по телефону какая-то чирикалка, — пропуск заранее не заказан. У нас такой порядок, что за два дня надо заказывать».

Ну, я, конечно, гаркнул на нее: «Мне ждать некогда, я с великой стройки, экскаваторщик, мне недосуг! Меня Комазов прислал!»

Пропустили. Но разве дело в том? Я там такого страху набрался, пока мой чертеж рассматривали да пока

обсуждали! А потом меня главный конструктор заставил на заседании докладывать. На техсовете. В этот день все решиться должно было. Не помню, как и закончил, чувствую, рубашка на спине мокрая. А главный говорит: «Считаю, надо попробовать. Ставлю на голосование».

Вот тут душа у меня и замерла: что будет? И ведь приняли мое предложение! Приняли!

После сразу на меня слабость накатилась ужасная. Ноги как ватные стали, не помню, как поднялся, как попрощался. Постоял во дворе, пообдуло меня ветерком, стало полегче. И тогда я побежал. Куда? На почтамт, конечно, на переговорную, позвонить Комазову, рассказать ему все.

Ну, а потом все шло по порядку. Комсомольцы завода взяли шефство над моим ковшом, делали его дружно, быстро, да я и сам все время на заводе толкался. Не мог ни на час расстаться. А когда ковши были готовы (их сразу сделали десять штук), я сел с ними на платформу и поехал домой. Так и ехал всю дорогу.

Встречали меня дома, на стройке, исключительно. Иван Васильевич при всех обнял, поцеловал. А Сима моя, та ревела навзрыд. Вот что значит женщина! Но я вам должен сказать по секрету, что есть у нее причина плакать. Я ведь вам рассказывал, какой у нас с ней случай вышел в первые месяцы после женитьбы? Может, она из гордости молчала, а в душе каялась, что за такого непутевого парня вышла? Ведь она все-таки учительница, а я кто? Мне бы ее вовек не заполучить, если бы не мое нахальство. Такая девушка серьезная, так соблюдала себя, ей, может, надо было найти человека совсем другого положения, а она меня полюбила. Теперь, когда я начал человеком становиться, конечно, ей до слез радостно.

И хлопцы мои довольны, очень. Еще бы, теперь через эти ковши бригада в почете! Выпили по этому поводу, но не так, чтобы очень, в меру. Эх, жалел я только, что вас не было. Очень хочется мне, чтобы вы с Иваном Васильевичем подружились, уж очень он человек необычайный. Поздравляю вас с наступающим праздником, желаю вам океан счастья!»

Емко писал Борис. Всего четыре странички крупным, размашистым почерком, а за ними — столько событий.

...Платформа с новыми ковшами была прицеплена в хвост поезда, и Борис не сразу увидел на перроне вокзала толпу людей. Сначала не понял, что происходит. Только когда на платформу вспрыгнул Виктор Старицкий и, сжав его в медвежьем объятии, закричал: «Хоть бы побрился для такого случая, чертушка!», Борис догадался — люди пришли встречать его ковши. И тогда в нем поднялось что-то непонятное. Ему захотелось вдруг походить на героя с картинки, на полководца, принимающего парад. Он скинул мятую, пропыленную долгой дорогой куртку, пригладил волосы, подбоченившись, оперся рукой на один из ковшей и крикнул:

— Привет с Урала!

Но не выдержал, слишком несвойственна была ему такая поза, спрыгнул на бегущий мимо асфальт перрона, с разбегу выхватил из толпы Симу. Тут же оторвался от нее и, став «во фронт», отрапортовал Комазову:

— Товарищ начальник, докладываю: задание выполнено. Десять ковшей конструкции Павленко прибыли. Следующая партия пойдет нормальной скоростью.

И захохотал.

А через толпу к ним уже протискивался высокий белокурый парень в кожаной куртке с тремя «молниями»

и фотоаппаратом через плечо. Комазов обратился к нему с усмешкой:

— Ну вот, товарищ журналист, вы и дождались. Теперь сами с ним побеседуете. Знакомьтесь, это и есть Борис Павленко, а это корреспондент столичной газеты Константин Веселов. — И, повернувшись к Борису, добавил с легкой иронией: — Давно уехать собирался, да все тебя ждал.

— Мы с вами встретимся завтра, хорошо? — Молодой человек с явным восхищением смотрел на Бориса.

В тот же вечер за столом, на котором, кроме чая, стояли бутылки с коньяком, собралась вся бригада. Сима напекла пирогов, жена Виктора, тоже давно перебравшаяся к мужу, выставила неизвестно как сохранившиеся маринованные красные помидоры. Борис вытащил из чемодана копченую московскую колбасу. Выпили.

— Ну, хватит пока, — Старицкий накрыл ладонью рюмку, — рассказывай.

И Борис рассказывал. Говорил взахлеб, без остановки — и про то, как сначала его не хотели пускать на завод, и про встречу с конструкторами, и про совещание.

Ребята слушали молча. У Володи блестели глаза. От волнения он катал из хлеба шарики и горкой складывал их возле тарелки. Только помощник машиниста Анатолий Белин сидел, нахмурив густые черные брови. Время от времени он тянулся к бутылке, наливал в свою рюмку понемногу коньяку.

— Ну, вот и все! — закончил свой рассказ Борис. — А теперь что будем делать?

— Я думаю, надо тебе пойти к Комазову, — рассудительно сказал Старицкий. — Пусть разрешит поставить нашу машину на монтаж нового ковша. Кому начинать с ним работать, как не нам? Правильно сделал, Борька, что ковши не оставил, сам привез. Хвалю тебя за это.

Он посмотрел на всех ребят по очереди и, задержавшись взглядом на Анатолии Белине, сказал с усмешкой:

— У каждого нервы по-своему работают. Толя вот с бутылкой не расстается. Пока тебя слушал, весь коньяк прибрал...

— Да я не завидую, — оправдываясь, сказал Белин, — бригада — общий котел, слава одна для всех. — Помолчав немного, тяжело поднял глаза на Бориса, словно нехотя, добавил: — И я бы мог такое. Я тоже про этот ковш думал.

Он встал, прошелся по комнате, постоял у окна. Потом, взъерошив и без того торчащие ежиком волосы, протянул Борису руку:

— Не обижайся, Борька. Это я так...

— Так ведь мы вместе обо всем советовались, — удивился Борис. — Это я назло тому механику подчеркиваю: «Ковш мой, павленковский». Чтоб знал, как насмехаться! Да мы, хлопцы, с вами еще не один ковш придумаем!

Утро застало Бориса в забое. Сидя в кабине экскаватора, он снисходительно посматривал на старый ковш. «Как ни старайся, не угнаться тебе за младшим братом! Через несколько дней я одним махом вместо трех кубов стану выбирать четыре. А почему только я? — одернул он самого себя. — Сразу десять машин начнут так

ворочать. Это сколько же будет прибавки к дневному плану?»

Но углубиться в расчеты ему не удалось. Через бугор, скользя по грязи и спотыкаясь, спешил к машине парень в кожаной куртке, тот самый, с которым его знакомил на вокзале Комазов.

— Высунься из окна! — закричал еще издали. — Замечательный кадр получится!

Не обращая внимания на грязь, пристававшую к узконосым ботинкам, Веселов вернулся на бугор, стал на одно колено, пачкая отутюженные узкие брюки, защелкал фотоаппаратом.

— Лицо у тебя фотогеничное, — сказал, влезая в кабину к Борису. — Я про тебя, Павленко, уже многое узнал. Не люблю начинать знакомство с анкеты. Лучше так, со стороны. Ты мне можешь не рассказывать про то, как на стройку пришел. Я все это знаю. Не зря по площадке толкался, пока тебя ждал. Ты мне лучше про свою поездку расскажи, про препятствия, у нас ведь новое в штыки встречают.

— Никаких штыков я не видел, — отмахнулся Борис, — механик наш не в счет, просто он...

— Какой механик? — вскинулся Веселов. — Как его фамилия?

А Борис, словно не слыша вопроса, продолжал:

— Комазов сразу меня к конструкторам направил. У нас здесь думать никому не мешают.

— Ну ладно, ладно, — примирительно сказал Костя Веселов и понимающе улыбнулся, — жаловаться не любишь... Сейчас, понятно, разговора у нас не получится настоящего. Давай вечером встретимся. Посидим в столовой, побеседуем. У меня на тебя виды есть. Очень ты мне нравишься. Думаю, мне удастся про тебя написать

что-нибудь толковое. Может быть, не только статью в свою газету. Но, конечно, для этого материал нужен. Поможешь мне? — Веселов дружелюбно посмотрел на Бориса.

— Про бригаду мою не забудь, — сказал Борис и тоже дружелюбно улыбнулся.

«И почему мне в начале беседы не понравился этот корреспондент? Парень веселый, простой, и разговор у него приятный, легкий, не назойливый, — думал Борис, следя глазами за удаляющимся Веселовым. — Обязательно надо встретиться с ним вечерком и поговорить по душам».

Посмотреть новый ковш приезжали в Волжск со многих строек. Успеху немало содействовала и статья Кости Веселова, опубликованная на первой полосе центральной газеты. В ней рассказывалось о Борисе Павленко как о незаурядном, талантливом человеке.

На стройке номер газеты с этой статьей обошел многих строителей. Прочитал статью и секретарь партийного комитета Григорий Иванович Сидоркин. Прочитал с удовольствием, и только хотел позвонить начальнику строительства, порадовать его, как Комазов вошел в кабинет.

— Вот здорово, — сказал ему вместо приветствия Сидоркин, прихлопнув ладонью по распластанному листу газеты. — Теперь у нас есть свой новатор! Теперь...

— Ничего хорошего в этом не вижу, — перебил его Комазов и, сев в единственное в комнате кресло, вытянул ноги. — Я этого корреспондента Веселова давно знаю, еще по радиокомитету. Встречался с ним в Москве. Суматошный, легковесный юноша.

Григорий Иванович с изумлением посмотрел на Комазова:

— Я что-то тебя не понимаю, Иван Васильевич. Статья правильная, заметная. Скромничать зря тоже не следует. Я тебе скажу, успехи у нас неплохи. План за квартал...

— Ну, ладно, — Комазов нахмурил брови, — я и сам все знаю о плане. Меня беспокоит Павленко. С тех пор как ковши его в ход пошли, уж очень высоко заноситься стал. Вчера меня Анатолий Белин спрашивает: «Теперь нас павленковцами называют, а почему? Почему не белинцами?»

— Ну и что ты ему ответил? — спросил Сидоркин.

— Ответил я правильно, а вот вопроса его забыть не могу и сегодня. Вы и вправду, друзья, не перестарайтесь, а то теперь Павленко везде совать будете, во все президиумы.

— А как же иначе? — этот вопрос задал Гаврилин, незаметно вошедший в кабинет и внимательно прислушивавшийся к разговору секретаря парткома и начальника строительства. — Не понимаю, Иван Васильевич, что вас пугает в этой статье и почему нам Павленко не выдвигать? Парень толковый, активный, у рабочих авторитетом пользуется. Я, например, как председатель постройкома доволен его работой, он и как профгрупорг очень хорошо себя проявил. Мы его на заседании постройкома хвалили.

— Да я не про то, — поморщился Комазов. — Не про то. Вовлекать вы его, конечно, должны в профсоюзные дела, от этого только польза ему будет. Но воображения у парня, по-моему, многовато. Как бы не подумал о себе лишнего. Ведь одной головы, хоть и способной, мало. Ему учиться да учиться надо. Зеленый еще, как бы не погнулся.

— Да... — как-то нерешительно протянул секретарь.— Да... — А потом улыбнулся, успокаиваясь: — И все же без президиумов тоже нельзя. Новатор он. На кого же остальным равняться? Но ничего, мы присмотрим за Павленко, присмотрим. Вот на днях будем принимать его в кандидаты партии, поговорим. Кстати,— спросил он Комазова,— ведь и ты ему рекомендацию давал. Верно?

— Верно, — ответил Комазов. — Потому и пришел к тебе. Поговорить.

Статья Кости Веселова не случайно обеспокоила Комазова. Он уже однажды сталкивался с этим молодым журналистом. Несколько месяцев назад на одном важном совещании в Москве его, Комазова, взяли в плен журналисты радиокомитета. Просили написать несколько строк для очередной передачи о досрочном пуске одного из строительных объектов. В тот вечер он долго сидел в номере гостиницы, подбирая нужные слова.

«Выполняя задание партии и правительства...», «Успешно преодолевая трудности, коллектив...» — Иван Васильевич рвал листы бумаги и бросал в плетеную корзинку. Все не то, не то. А потом, покурив, посмотрев в окно на залитый огнями Кремль, стал быстро писать:

«...Каждый хочет похвастаться, не безгрешен и я. На земле, конечно, много хороших специальностей, но лучшей, чем специальность строителя, нет! Подумайте только, приходишь в голую степь, где нет не только шоссе, но и простых грунтовых дорог, где порой до железной дороги больше чем сотня километров, а проходит немного времени — и начинает закипать жизнь на стройплощадке. Появляются дома, клубы, раздаются первые песни, сложенные на строительстве, рождаются

новые жители нового города. И это вызвали к жизни мы, строители. Есть ли дело почетней, задача выше?!

Если бы мне сегодня вновь предложили комсомольскую путевку на новостройку, несмотря на то, что мне уже за сорок, я бы принял ее, дорогие товарищи, с великой благодарностью и радостью. Такая путевка помогла бы мне почувствовать себя вновь молодым, снова испытать радость созидательного труда, увидеть и пережить много нового. Строительство, как и поэзия, «езда в незнаемое»...

Проснувшись утром, перечитал написанное и поставил размашистую подпись — Иван Комазов. Потом набрал номер телефона радиокомитета:

— Готово. Днем завезу.

Но журналист торопился выполнить задание. Через полчаса он сам приехал в гостиницу. Высокий, широкоплечий, с копной русых курчавых волос над широким лбом, он сразу понравился Ивану Васильевичу. «Из такого хороший прораб мог бы выйти, — подумал он, передавая Веселову листок и усаживаясь в кресло. И о другом: — Только бы здесь не задумал читать».

Однако Костя развернул бумагу и быстро пробежал глазами написанное. Иван Васильевич видел, как вытягивается его лицо, как удивленно поднимаются брови...

— Дайте сюда, — голос Комазова прозвучал неожиданно резко. Он поднялся с кресла и легко, без усилия, вынул листок из рук Веселова. — Сейчас я напишу по-другому.

И сколько ни пытался молодой человек смягчить свое невысказанное суждение об этой заметке, объясняя, что для радио требуется несколько иное выступление знаменитого начальника стройки, Комазов только усмехался и быстро писал.

— Вот, — сказал он, — теперь то, что вам надо. «Коллектив вверенной мне стройки успешно выполнил задание...» Бывает промашка,— взглянул на Веселова, а сам бережно уложил уже ненужную статью в папку,— бывает. Но вы ничего, не тушуйтесь, молодой человек.

Закрыв за гостем дверь, Иван Васильевич постоял немного в раздумье, потом стал собираться, напевая. Безбожно перевирая мотив и слова, он продолжал напевать, уже думая над тем, что скажет сегодня на коллегии в министерстве, как отнесется к его выступлению министр, дадут ли ему необходимые фонды на лес. Он совсем забыл о корреспонденте, и только вечером, перебирая в папке бумаги, наткнувшись на сложенный вдвое листок со своим предполагаемым выступлением, в задумчивости покусал указательный палец.

— Однако, — сказал он вслух, — прораба из этого парня не выйдет. И бетонщика хорошего тоже.

V

В то время Волжская стройка привлекала внимание всей страны. Каждый день то в одной, то в другой центральной газете появлялись статьи о ней, фотографии лучших ее строителей. Со многих фотографий смотрело скуластое лицо Бориса Павленко.

Письма Бориса в то время были полны гордости.

«Поздравьте меня! Событие в моей жизни произошло огромное, доверили мне бригаду, стал я теперь бригадиром!

Удивительное дело, как все это произошло, сам до сих пор себе не верю. Хоть Виктор и отказывается, а я все равно знаю — ко всему этому делу он, конечно, руку приложил. Без него ничего бы не могло произойти. Уверен.

Ведь это Виктор меня обучил мастерству? Он. С ковшом кто меня поддерживал морально? Опять он! Ну, а теперь Старицкий предложил мою кандидатуру на бригадира.

Конечно, скрывать нечего, после того как мы поставили на машины новые ковши, выработка на каждый экскаватор заметно увеличилась. Это подняло мой авторитет у рабочего класса и у руководства. Но все же Виктор этому очень способствовал.

Удивительный он человек. Скромность его для меня загадка. Ведь никто ему не предлагал снять с себя бригадирство. Он очень спокойно мог остаться в своей бригаде, а мне бы дали другую. Но нет, вы только подумайте, не захотел расставаться, остался на одной со мной машине. Все очень удивлялись. Но Виктор распространяться не стал, а заявил начальству: «Мне чин не нужен, мы с Павленко прекрасно на одной машине работать сможем».

Я вам не писал — меня избрали членом областного комитета профсоюза работников строительства. Думаю, что именно это избрание и поставило перед нашим профсоюзным руководством задачу — поднять меня до бригадира. Видно, им больше нравится иметь членом областного комитета не рядового рабочего. Ну, это, может, я только так думаю, а на самом деле имеется другая подкладка, мне неизвестная. Однако я не про это хотел вам сказать, а про Виктора. Мне лично он высказал откровенно все, как на духу.

«Вот что, Борис, — сказал он, — я тебя люблю и уважаю, но знаю за тобой не одну слабинку. Побаиваюсь я твоего характера. Тебе ведь недолго подняться, но и недолго споткнуться. А бригада наша прославленная. Ее надо на высокой ступени держать. Учись-ка организовывать работу самостоятельно. Есть у тебя для этого данные. Но и подпорка, видно, тебе тоже требуется. Одним словом, решил я остаться в бригаде»...

Чудно́ у меня стало на душе. «Что, — думаю, — смеется он надо мной или правду говорит?» Не приходилось мне еще с таким случаем сталкиваться, чтобы человек сам, добровольно другому свое место так уступал. Я бы, думается, не смог такое сделать. Смотрю на Виктора, молчу. А он, видно, догадался о моих мыслях, улыбнулся и говорит: «Ты только, Борька, не подумай, что я тебе нянькой решил стать, мне такая должность ни к чему. И в бога я не верую, потому и ангелом-хранителем твоим быть не собираюсь. Просто мне жаль с хлопцами и с тобой расставаться. Да и хлопотное это дело быть бригадиром. У меня думка есть — учиться пойду. Слышал я, на строительстве курсы открываются по подготовке в вуз».

«А мне, значит, не надо учиться? — вспыхнул я. — Мне не надо? По-твоему, я все науки превзошел? Да знаешь ли ты»... — «Не лезь в бутылку. Все я знаю про твое образование, но сейчас ты все равно за парту не сядешь, не та тебе карта пошла в руки. И не приставай ко мне, Борька. Как я решил, так и будет. Не хочешь с нами работать, дорога тебе открыта — организуй новую бригаду. Только я все равно бригадиром не останусь. Не ты, так Белин будет у нас бригадиром. Понял?»

Больше мы на эту тему с Виктором не говорили. Ну, а хлопцы наши вроде хорошо его предложение приняли.

Они на меня надеются. Я костьми лягу, а первенство для бригады завоюю.

Но вы мне, все-таки, объясните, что за человек наш «комиссар»? Мы теперь Виктора Старицкого так зовем. Жду вашего письма.

Борис».

Еще одно письмо.

«Привет от рабочего класса! Ну и дела мы тут заворачиваем! Просто даже удивительно, сколько может сделать человек! Пожалуй, нет для него ничего невозможного. Для меня лично — это факт. С тех пор как я получил самостоятельную бригаду, я понял, что могу большие дела делать. Вот возьмем, к примеру, такой случай.

Вызвал меня начальник стройки и говорит: «Я не забыл, как твоя бригада смонтировала «Уралец» за 13 дней вместо 38. А теперь у меня к тебе, Павленко, новое предложение...» — «За память, — говорю, — конечно, спасибо. Только не понимаю, на чем рекорд надо побить?» — «А ты, — говорит он, — не перебивай. Я тебе предлагаю монтаж парового копра для забивки шпунта. Этот чертов копер может задержать все дело». Понятно, Иван Васильевич не так выразился, но я понял, что он хотел сказать. «А какая норма на сборку?» — спрашиваю. — «Сорок дней, а нам столько ждать невозможно. Можем весну упустить. Любая половина нас устроит. Понял?»

Взялись мы с хлопцами. И смонтировали копер за 11 дней. Правда, непривычная «воздушная» работа, но сделали. Говорю вам — нет предела человеческой силе, нет предела желанию и необходимости, когда стройка зовет, приказывает!

После этого случая с копром меня во всех газетах прославили. Тут теперь корреспондентов на стройке — ужас! И каждый норовит что-нибудь написать и в свою газету тиснуть. Однако я к этому теперь привык.

Впрочем, мою бригаду есть за что прославлять. Мы первые вынули миллион кубов грунта. Мы, а не кто-нибудь другой, хотя должен вам сказать, что замечательных экскаваторщиков у нас на стройке хватает. Многие еще с Комазовым на Магнитке работали.

Только одна неприятность произошла со мной из-за этого чертова копра. Сидел я наверху и последние гайки завертывал, вдруг слышу: снизу окликают. Глянул — человек стоит незнакомый, а рядом с ним механик участка и еще какие-то люди.

— Как дела? — кричит незнакомый. — Скоро кончишь?

«Вот, — думаю, — к чему это выдумал наш механик в такую минуту корреспондентов водить?» «Скоро ли закончишь?» Ну, можно ли такое у человека спрашивать в ответственный момент, когда он застывшими руками на высоте работает? Да примета есть такая: «Не кажи гоп, пока не перескочишь».

«Дьявол косматый, — мысленно ругаю механика, — выхваляется своим участком». Да как гаркну сверху не совсем цензурное. Не так чтобы очень, но все-таки серьезное. Незнакомый повернулся и пошел, да быстро так, а механик сначала снял шапку, потом надел ее снова и мне кулаком погрозил. Вижу: навстречу незнакомому Комазов идет. Поговорили они и разошлись, а Комазов — к моему копру. Голову задрал да как рявкнет: «Слазь сейчас же и в контору!»

— Никак не могу, — отвечаю, — зайду после смены. Работы осталось часа на два. «Ну их, — думаю, — всех к лешему, надо дело делать». А когда слез, тут меня и окружили. «Да ведь это министр приезжал на стройку. А ты, сукин сын, такое отчудил!»

Муторно мне стало, хотел было сразу в контору бежать извиняться. Виктор Старицкий говорит: «Не торопись, сначала в душ сходи, отмойся, отогрейся, а потом в нормальном виде пойдешь докладывать об окончании монтажа, так сказать, требовать приемки. Словно ты и не знаешь ничего».

Так все и получилось. Комазов, конечно, на меня глазами сверкал и бровями шевелил — сердился очень. Но ведь по существу я прав? Откуда мне было знать, что под копром министр ходит? Да и вообще ему там как постороннему ходить не положено по технике безопасности.

Ну, это я вам сейчас хвалюсь, а тогда, конечно, было боязно. Но ничего, министр наш оказался мужик стоящий, меня понял, и к тому же копер-то моя бригада смонтировала за 11 дней! Тут уж не ругать, а премировать людей нужно.

Так и было, не беспокойтесь. Есть у меня один знакомый журналист, тоже москвич, хороший парень, так мы с ним после получения премии выпили. Этот журналист мне все время толкует: «Я, — говорит, — про тебя, Борис, книгу напишу, и даже очень просто. Мне областное издательство предлагает договор. Честное слово, напишу, потому как ты есть великолепный строитель».

А что? Пусть пишет. Я этому корреспонденту даже заметки свои подготовил. Почерк, конечно, у меня корявый, но многое в них рассказано про то, как я экскаватор изучал и как насчет ковша придумывал. Хотел я

ему эти записки отдать, но забыл их в столовой. На другой день официантка Симе их передала. Ох, и ругалась Сима! «Экий ты,— говорит,— хвастун, несерьезный ты человек». Умная у меня жена! А корреспондент тот уехал в Москву без записок.

Ну вот и все пока, привет вашим, привет от Симы и Наташи. Надо отметить, что дочка уже большая становится».

«Ах, Борис, — подумала я, прочитав это письмо. — Куда несет тебя? И что это за Веселов? На тот ли гребень волны кидает он Бориса? Как все сложится?»

А письма шли.

«Привет из Жигулей!

Ур-ра! Первое место за нами! На перекрытии стояло пять экскаваторов. Все вместе погрузили 54 тысячи кубометров скалы в бурное течение Волги. А наш экскаватор, один из пяти, за это время выгрузил 23 тысячи кубометров. Я лично за двенадцать часов дал 4 114 кубов. Все существующие нормы перекрыл! А вы говорили.

Впрочем, что это я вру, никогда вы ничего плохого не говорили, и каждое ваше письмо, наоборот, вселяет в меня веру в свои силы. Ну и прекрасная штука — жизнь! И как мне повезло, что я на эту стройку попал, к такому руководителю. Во всем, во всем он меня поддерживает. Вы знаете, что я подавал заявление в кандидаты партии. Так кто мне характеристику давал? То-то и оно! А ведь Комазов распрекрасно знает, какие я штуки в личной жизни выкидывал, как жену оставил в таком трудном положении, знает, как неорганизованно я поступал на стройку. Все знает. А вот доверяет, надеется. И

я вам скажу, правильно делает. Никогда этого доверия я не забуду и всю свою жизнь отдам, чтобы его оправдать.

Ну, желать мне теперь больше нечего. Теперь я кандидат в члены партии, сын у меня родился, Колюшка, вынула наша бригада грунта больше всех, на кабине у меня теперь двадцать звезд. За каждые вынутые 100 тысяч кубов — звезда.

Ездили мы с Иваном Васильевичем на рыбалку. До чего же это увлекательное занятие! Тишина. Над рекой туман стелется. Если тихо сидеть, не шевелясь, слышно, как рыба плеснет и опять задремлет... А когда заря наметится и туман над рекой поднимется, повиснет в воздухе, река будто голубым глазом глядит. Так хорошо, даже дух захватывает!

Я вам скажу: много я читал описаний про рыбную ловлю, очень красиво все там написано. А мне почему-то в такую ночь запоминается, как туман пахнет. Вы не смейтесь, туман запах имеет острый. И если в этот момент закурить... Да ведь это описать невозможно. В одном уверен — прекрасней нашей земли нет!»

И еще одно письмо. Читаешь его — и смешно, и грустно. Может быть, кто скажет, что такого не бывает. Пусть говорит. Только это было.

«Здравствуйте! Послал я вам вчера письмо, а самое главное рассказать забыл. Знаете, какой номер получился после нашей рыбалки? Возвращаемся наутро домой, проходим мимо Управления, а там на щите для стенной газеты висит свеженькая карикатура. Нарисовано, как идем мы с удочками, а из карманов бутылки торчат. Фигуры похожи.

И какая сволочь, извините за выражение, такую подлость сделала? Ведь честное слово вам даю и за себя и за Ивана Васильевича, он и я ни капли в рот спиртного не брали. У него язва желудка открылась, а как же я при нем один мог пить? Сочувствие надо иметь к человеку!

Вот так ни за что и пострадали. У меня, действительно, когда шел на рыбалку, из кармана бутылка высовывалась. Но в ней боржом был. Вам-то я врать не стану.

Ну, да черт с ними! Я землекоп, с меня не спросится, а Ивану Васильевичу может быть неприятность. Правда, он сказал, когда мы возле газеты остановились: «Вот это настоящая демократия. От общественного глаза, брат, не спрячешься. А ты что нахохлился, может, критику не любишь?» Честно ответил ему: «И правильную критику не очень люблю, а несправедливую не выношу. Кто же камень из-за угла пущенный любит?» Задумался Иван Васильевич. «Да, — говорит, — самое страшное, когда люди правду ложью прикрывают, и получается полуправда. Мы с тобой ходили на рыбалку? Верно? Ну, а тот, кто видел это, сам, наверное, не раз на рыбалку ходил с бутылочкой. Ему и невдомек, что в бутылке боржом тоже может быть. А кто писал заметку, тот уже по-настоящему возмутился: как же, начальник строительства со своим знатным бригадиром пьянствовать пошел! Это ведь разложение, не так ли? Ну, вот и решили, не взирая на лица, во-первых, пресечь панибратство, во-вторых, одернуть рабочего парня»...

«А может, это о вас беспокоились, Иван Васильевич?» — «Может, и обо мне», — говорит. И пошел, посмеиваясь, а я остался стоять на месте, как дурак. Стою и думаю: «Как это интересно получается, вроде бы

начальник и простой рабочий дружить не могут. А почему?» Почему, я вас спрашиваю? Отвечайте мне, вы ведь старше, опытнее. Симе я рассказал про этот случай, она только головой покачала. «Не знаешь ты, Борис, своего места, и зачем только Комазов тебя в свою компанию тащит? Ведь ты ему не товарищ. Он человек ученый, профессор».

Обидно мне стало от таких слов. Но я стерпел. А понять этого не могу. Почему в президиумах разных собраний я могу рядом с Комазовым сидеть, могу наравне с ним на партийном собрании всю правду высказывать, его недоработку вскрывать, могу предложения хозяйственные вносить, а вот на рыбалку с начальником строительства мне пойти не положено?..»

Положено, Борис, положено! Ты сам прекрасно знаешь, что Комазов вызвал к себе кого следовало и популярно разъяснил, в чем ошибка такой заметки. Дружба с должностными чинами не считается, она выбирает людей по другим признакам. Да, впрочем, зачем тебе говорить — потом ты не раз убеждался в этом.

Так ответила я Борису, и больше мы к этой теме не возвращались. Теперь у него были новые заботы, новые планы.

«...До окончания строительства еще далеко, — писал он, — а нас уже беспокоит вопрос, как дальше жить и работать. Не хочется нам всем расставаться. Вы ведь знаете, как бывает со строителями? Начнут свертываться объемы земляных работ, и станут люди понемногу собираться на другие стройки. Поедут экскаваторщики, кто в Сибирь, кто на Урал, а некоторые в казахские степи. Конечно, везде нужны люди, об этом и говорить

нечего. Но у меня думка появилась вот какая: неправильно поступаем мы с техникой. Вы, наверное, сейчас усмехнулись: при чем тут техника? Усмехнулись, да? А техника тут очень даже при чем. Возьмем наш «Уралец». Мы его, как дитя, кохали, мы его звездами законными украсили — кстати, их у нас теперь 23, — а вот, если переведемся каждый в другое место, машина-то останется здесь. И кому она в руки попадет, наша красавица, неизвестно! Может даже остаться беспризорной, может, найдется такой, кто скажет: «Она уже свое отработала». А вот если перевезти наш «Уралец» с собой, на новую стройку, я вполне уверен: этот экскаватор еще добрый десяток, а то и два десятка звездочек заработает.

Очень меня эта мысль тревожит. А у Виктора своя точка зрения. «Инструмент плотники имеют свой, это факт, — говорит он, — а насчет экскаваторов не слыхал. Ты, пожалуй, и подъемный кран за собой будешь таскать?»

Что ж, по-моему, можно и краны таскать за собой. Думаю по этому вопросу обратиться в министерство.

Да, еще забыл вам сказать, журналист тот — помните я вам говорил про него? — подготовил-таки книжку про меня. Давал читать листки с машинки. Все как будто ничего, правильно, но про моих товарищей маловато сказано. Я ему это отметил, но он отговорился: «Нельзя разбивать образ».

К чему это сказано, я не совсем понял, но промолчал. Мне Сима и так выговаривает, что я слишком часто свое необразование показываю, многие слова не так применяю. Конечно, давно мне надо начать учиться. Никудышное у меня образование. Хотел я подать заявление в школу рабочей молодежи, но тут Сима

запротестовала: «Как это ты сядешь на одну парту с подростками, ты, отец двух детей, член областной профсоюзной организации? Мне ученики на тебя пальцем станут указывать». И заплакала. А я не могу слез женских видеть. Сердце заходится. И, как на грех, у нас близко нет другой школы. Вот беда! «Что же делать, — говорю, — как быть? Да не плачь ты, пожалуйста!» Пообещала сама со мной заниматься. «Ладно, — говорю, — давай заниматься». Решили мы: как только пройдут каникулы, засядем с ней за мое образование. Мне бы только семилетку закончить. Комазов на нашей стройке теперь вечерний университет открыл. Правда, это в основном для мастеров и техников. Но, честное слово, если я пройду вступительные экзамены, то от других потом не отстану. Не верите?

И еще одна новость: возможно, скоро увидимся. Я, наверное, в Москву поеду. Тут разговоры идут, будто меня хотят на Всемирный конгресс мира делегатом послать. Лестно, конечно, но непонятно, почему именно меня? Сколько у нас на стройке замечательных экскаваторщиков! Нехорошо получается, некоторые даже недовольство выражают, потихоньку, конечно, но ребята мои слышали и тоже переживают.

А может, я не прав? Может, так и надо? С Иваном Васильевичем посоветоваться не могу, теперь реже с ним встречаюсь. Время горячее, он чаще на «большом бетоне» бывает, у нас реже, а в контору по-пустому не сунешься.

Но в Москву, понятное дело, хочется! Походить по городу, в Кремле побывать, на ВДНХ посмотреть, с вами побеседовать. Прилепился я к вам душой. Может, надоел своими письмами, а все пишу и пишу, и кажется мне, что вроде вы сестра или мать. И почему так

получается, что к одному человеку душой открываешься, а на другого всегда смотришь критически и как бы настороженно? Я вам рассказывал о журналисте, который книжку про меня написал. Хороший парень, почти одного со мной возраста, веселый, грамотный, а поговорить по душам с ним не хочется. Выпить — пожалуйста! На лыжах сходить, на моторке за Волгу — пожалуйста! А настоящего разговора у нас с ним даже в лесу у костра не получается. И на рыбалку мне с ним идти не хочется.

А за письмо вам спасибо. Вы не беспокойтесь, никакого разлада между мной и Симой не было и не будет. Люблю я жену и уважаю. Но вы верно подметили, заниматься мы с ней еще не начали. Ее домашние дела донимают, дети, ну и школьная подготовка. Но ничего, вернусь из Москвы (если поеду, конечно) — пойду прямо к Комазову, скажу: «Дайте преподавателя для подготовки хорошего». Я ведь не бедняк, сам смогу оплатить занятия, денег у меня хватает. В прошлом месяце опять план почти вдвое перевыполнили, заработал чуть не пятьсот за месяц. Сима только руками всплеснула и говорит: «Отдай мне деньги скорее, я на сберкнижку положу». Я, конечно, отдал, зачем они мне? Но назавтра пришел с работы и говорю: «Дай двести рублей». — «Зачем?» — спрашивает. «А у меня, — говорю, — один человек просил взаймы». (Володя мотоцикл хочет купить. Почему не дать человеку, если деньги есть?) Мне и в голову не приходило, что Симе это не понравится. Она дала деньги, слова не сказала, но я по глазам увидел, что недовольна осталась. И скажи, пожалуйста, почему деньги такую особенность имеют — как в руки попадут, словно прилипнут. А мне их совсем не жаль...»

VI

Борнса Павленко знала вся наша редакция. И не потому, что на страницах газеты время от временн печатались его статьи, а потому, что обладал он способностью всех, кто оказывался рядом с ним, вовлекать в орбнту своих дел н интересов. К тому временн, о котором я сейчас рассказываю, экскаваторщнк Павленко стал близкнм человеком почтн всех журналистов нашего коллектнва.

Однажды у нас вознnк спор. Одна из журналисток критическн относилась к Борнсу.

— Павленко нескромен, — говорила она, — хвастлив.

— Это от нзбытка силы.

— А почему же другие рабочие тихо, без шума делают свое дело?

— Павленко тоже делает свое дело, делает предельно хорошо. И разве не его право любоваться достигнутым, как любуется художннк, закончив картнну, как радуется пнсатель, закончнв удачную книгу?

Очень хотелось мне встретнться с Борнсом, побывать вместе с ним на конгрессе. Но пришлось уехать в долгую командировку, в Узбекнстан. Там, в Янги-Ере, вернувшнсь нз Голодной степи, однажды вечером я увидела, что возле газетной витрины собралась группа стронтелей. Подошла ближе.

— Я же знаю этого парня! — крнчал монтажннк. — Познакомился с ним на Волжской стройке. Какой парень! Нет, вы только посмотрите!

Я увндела портрет профессора Филатова н рядом... Павленко! В тексте сообщалось, что экскаваторщик Борис Павленко встретнлся на конгрессе с профессором

Филатовым, который во время войны вернул ослепшему воину зрение.

Зрение? Несколько минут я вглядывалась в глаза Бориса. Он смотрел на меня немного прищурившись, но не радостно, как обычно, а смущенно. Вглядывалась я и недоумевала. Никогда, ни одним словом он не намекал мне на свою прошлую слепоту.

В редакции за время моего отсутствия ничего не изменилось. Это тем, кто уезжает, всегда кажется, что они застанут великие перемены. Новизна впечатлений дает ощущение бега времени.

В ящике стола лежали три письма от Бориса. «Прочту потом, на досуге»,— подумала я, радуясь удовольствию от предстоящего «разговора» с Павленко.

— А Борис был в Москве,— сказала мне одна из сотрудниц отдела.— Но какой-то невеселый. Мы его поздравляли, вы ведь видели газету? Но он как-то не отреагировал. Спросил, когда вы приедете, и ушел. Странный парень! Теперь, когда ему действительно следовало бы на руках ходить от восторга, он надулся, как сыч. Даже похудел.

К концу дня я решила прочитать письма. Разорвала первый конверт.

«...Конечно, я понимаю, отвечать такому подонку, как я, вы не хотите. Правильно. Другого я и не заслужил. Но вы поймите, это все... Самое главное, меня от работы отстранили, а разве можно так человека наказывать? Механик участка, тот самый, что был против моего предложения о ковше, первый так вопрос поставил. «Нечего,— говорит,— Павленко в передовой бригаде находиться, не имеет он права тень на нее класть».

Так ведь это же наша бригада, наш экипаж, мы вместе славу завоевывали! Вот и хожу я теперь по поселку, как преступник, руки в карманах. Люди на смену идут, а мне что делать?

Да, впрочем, никто в этом не виноват, кроме меня. И какой черт меня дернул языком сболтнуть! Но теперь я понял, что многие не меня уважали лично, а только славу вокруг меня. Вчера прибежал журналист, который про меня книжку писал. Прибежал весь бледный, вошел в комнату, даже кепку не снял. «Подлец ты, — говорит, — Павленко, подлец и больше никто. Ты мне всю книжку испортил! Видишь, уже верстка готова, а теперь кто же ее будет печатать? Как ты мог так меня подвести?!» Хотел я ему в морду дать за такие слова, но поглядел, как человек нервничает, и только сказал: «Пойди ты прочь от меня».

А вас я спрашиваю: зачем же он брался писать о человеке, в которого поверить не может? Зачем он в друзья навязывался? У меня вот выписаны в тетрадку, не знаю, чьи слова: «Только тот может назваться другом, кто знает о тебе все и по-прежнему любит тебя».

Что будет со мной дальше, не знаю. Только скажу вам одно: если меня исключат из кандидатов в партию, я больше на стройке не останусь, я в лес уйду, на Урал, в Сибирь. Значит, мне нельзя в коллективе жить, значит, я один должен, как зверь лесной, существовать.

Только что прибегал курьер из конторы, вызывал к заместителю Ивана Васильевича. Сам-то он в Москве, в отпуске. Не знаю, зачем я им понадобился, и так уж промыли по самые косточки. По дороге отправлю вам это письмо. Но отвечайте вы мне, отвечайте! Ругайте, кляните, но отвечайте».

Все еще ничего не понимая, я стала быстро разрывать другие конверты. Из одного на стол выпал небольшой листок.

«Ну, что я скажу? — словно послышался голос Бориса. — *Наврал на конгрессе, наврал, точно! Сам ума не приложу, зачем это сделал. Не был я слепым, и Филатов меня не лечил. Черт знает, зачем соврал, для чего? Словно затмение нашло.*

А тут еще фотографы эти. Хотел убежать — не пустили. И вот я рядом с кем? С великим человеком, который жизнь свою посвятил людям. Врун я несчастный! Язык — враг мой, вырвать его надо.

Но ведь все остальное в моей жизни — настоящее! И работа моя, и грунт вынутый, и бригада моя, и совесть моя! За что же меня казнят так, как будто я весь насквозь фальшивый? Что делать? Что делать? Наверное, и вы от меня откажетесь? Понятное дело, если свои строители, на чьих глазах я вырос, сейчас отшатнулись, то вы подавно такое должны сделать.

Но я неправду вам говорю, не все отшатнулись, хлопцы мои каждый вечер возле меня сидят. Сидят и молчат, что им говорить? Только вот друг мой, Виктор, советует: не поддавайся, пиши в Москву, там поймут.

А у меня рука не поднимается писать. Как оправдываться? Ведь наврал я на конгрессе, наврал! А раз так, могут сказать, какой же ты тогда член партии?

Иван Васильевич в отпуске. Да, пожалуй, и лучше, что его нет на стройке. Какими бы глазами я на него посмотрел? Он же мне доверял, он меня за уши в жизнь настоящую вытащил, а я...

Жду вашего письма, жду совета дружеского».

Ждал, а я не ответила. И он написал второе письмо, еще горше первого, в котором, по существу, говорилось одно и то же: *«Почему же вы не отвечаете? Отказались, да, отказались? Значит, никто мне больше не поверит?..»*

Я мучительно думала, чем и как немедленно помочь Борису, где найти такие слова, чтобы понял он, что не все потеряно из-за глупой выходки, что не все отказались от него.

Затем решительно села за письмо. Слова подбирались корявые, совсем не те, что хотелось. И хотя в редакции было тихо, большинство сотрудников уже разошлось, тишина не помогала. Когда я в третий раз смяла и бросила листок с начатым письмом, за дверью послышался шум, удивленный возглас моей приятельницы, затем дверь отворилась и в комнату ворвался... Борис Павленко — взлохмаченный, возбужденный, с необычно большими глазами на осунувшемся лице.

— Ты?

— Я. — Он огляделся кругом, повернулся и, мягко обняв за плечи мою приятельницу, провел ее к двери, как-то криво улыбнулся ей и закрыл за ней дверь. — Теперь поговорим, — голос Бориса звучал глухо. — Я знал, что вас в Москве не было, но я надеялся, когда писал, — он ткнул пальцем в письма, разложенные на моем столе, — надеялся, что вы уже приехали.

Он говорил быстро, но я чувствовала, что так же, как я только что не могла найти нужных слов, так и он не мог сразу сказать все, что хотелось. Борис нетерпеливо шагал по комнате. Садился в кресло. Снова вставал.

Я быстро сложила в стол бумаги:

— Пойдем!

Борис вскочил. Через несколько минут мы уже сидели в кафе. Здесь, к счастью, было на редкость безлюдно. Павленко говорил:

— ...«Приняли мы тебя в кандидаты партии единогласно, единогласно и исключаем, не верим тебе...» А если бы вы видели, какое лицо у секретаря при этом было, совсем чужое! И у всех, кто присутствовал, тоже лица чужие. До чего же мне страшно тогда стало! Словно я один на всей планете... Заплакал даже. Никогда не плакал, а тут чувствую — не могу удержаться, всхлипываю, как дитя малое. Вытер я слезы и молча пошел к двери. Иду по улице, и кажется мне, что все на меня смотрят, все знают, что Павленко плакал. Не видал, куда шел, очнулся в степи. Оглянулся, а над стройкой огни, огни... «Куда же ты, Павленко, идешь от огней этих? — подумал.— Ведь и твоя доля в них есть. Неужели так и отступишься от всего, что там пережито, переделано?»

Официантка принесла и расставила на столике еду. Борис замолчал, убрал локти и сидел тихо, покусывая обгорелую спичку. Постепенно морщины, сходящиеся к переносице, разгладились, в уголках рта появилась улыбка.

— Если бы вы знали, как счастлив я сейчас! — воскликнул он неожиданно.

Это было уже ни с чем несообразно, и я, оторопев, взглянула на своего собеседника. А он продолжал, словно не замечая этого взгляда:

— Хотите, я сейчас на руках стойку сделаю? Хотите, официантку поцелую? А может, запеть мне?

— Ты что? — только и могла я выговорить.

Но Борис, опомнившись, рассмеялся.

— Ой! Вы ведь ничего не знаете, что дальше было. Меня в Москву вызвали. Я-то думал, меня в контору

вызывают, опять прорабатывать, а это мне там вызов передали — явиться в Центральный Комитет партии. Я сегодня там с утра был. Три часа со мной беседовали, и верите или нет, оставили кандидатом в партию. Поверили! Только сказали: «Вот что, дорогой товарищ Борис Павленко, всегда помните, что главное для члена партии — честность. И в большом, и в малом. Верим мы вам, считаем хорошим человеком и надеемся, что осознали вы всю недостойность своего хвастовства...»

Наверное, в моем взгляде было смятение, потому что Борис вдруг стал серьезным.

— Вы, наверное, думаете, — сказал он после некоторого молчания, — что это за человек Борис, сто́ит ли с ним дружбу водить? Ну что я, по-вашему, сейчас должен делать?

Голос его дрожал, дрожали большие, сильные руки.

— Борис, милый Борис, тебе прежде всего надо пойти и хорошенько выспаться. Потом сесть в поезд и спокойно вернуться домой. Поверь...

Но я не успела докончить фразу. Борис резко встал, опрокинув легкое креслице.

— Выспаться? Да я уже билет на поезд взял, через три часа на стройку уезжаю, — сказал он. — Давно пора на вокзал ехать, да хотел с вами повидаться. Разве я могу здесь оставаться? У нас завтра на стройке общее партийное собрание. Я должен быть на нем, и не как-нибудь, а по праву. По праву!..

И опять повеселев, словно нашел ответ на все мучившие его вопросы, подмигнул мне совсем по-мальчишески.

— Денег я захватил мало, растерялся очень, пришлось пальто свое продать. Как раз на билет хватило.

Сима, наверное, будет ворчать, пальто недавно куплено. Ну, пойдемте, я вас до метро провожу...

Борис уехал, и через несколько дней я получила от него короткое письмо, всего несколько слов.

«Все в порядке. Вы правы. Люди совсем не сволочи. Это я никуда не гожусь. Ах, как жестоко я ошибался! Теперь я понял, что такое друзья настоящие. Сделал для себя выводы на дальнейшее. Комазова все еще нет на площадке. Ну, это к лучшему. Приедет он, я ему сам все расскажу. Так будет легче, а то в самый разгар моей истории я ему даже в глаза посмотреть бы не мог. Жму вашу руку, спасибо за все.

Ваш Борис».

Павленко долго не знал, что Комазов был полностью в курсе всех его печальных дел. Иван Васильевич, заехав из отпуска в Москву, узнал, что произошло на стройке с Борисом, и в Центральном Комитете партии рассказал все хорошее, что знал о нем. Мне думается, что именно Комазов помог по-настоящему хорошо разобраться в этой истории.

Прекрасно охарактеризовал отношение Комазова к Борису мой коллега, журналист, человек, много повидавший на своем веку инженера и журналиста.

— Превыше всего в человеке я ценю доброту. Не ту сопливую доброту, в основе которой лежит желание сохранить свой собственный покой, а ту, которая готова жертвовать этим покоем во имя благополучия и счастья другого человека, пораженного горем, и не обязательно родного человека. Комазов из породы людей, наделенных именно такой добротой...

Мой коллега не развил до конца свою мысль. Впрочем, он всегда бросал мысли, как пахарь зерно, рассчитывая на будущий урожай. А если зерно не прорастет? Ну что ж, значит, почва еще не готова.

Вскоре я получила письмо Комазова. Это был ответ на мои вопросы: что думает начальник строительства о своем бригадире, как понимает характер Павленко?

Я очень уважала Ивана Васильевича, и его мнение о Борисе для меня было важным. Особенно теперь, когда Борис так оступился.

Ответ пришел быстрее, чем я ожидала.

«Что я могу сказать о Борисе Павленко? И что говорить сначала — хорошее или плохое? Его порывистость, хватка в новом, передовом — дело хорошее. Но богатая фантазия... Ох, уж эта павленковская фантазия! Хотя, пожалуй, это недостаток молодости, болезнь роста.

Так было с ним, когда он придумал новый ковш к экскаватору. Ковш очень помог не только нашей, но и другим стройкам. Но тут же мы узнали, как Павленко бахвалится своим ковшом, задирает механиков. Говорил я с ним не раз по этому поводу. Но вы ведь знаете, каков он: «Механики ваши, — говорит, — меня признавать не хотели, им все равно, какой ковш на машине, лишь бы рабочего парня не хвалить».

Глупые слова, конечно, но капля истины в них есть. Ну, а Борис эту каплю превращает в море и сам в этом море захлебывается. Стремление во что бы то ни стало утвердить свой примат ему ничего, кроме вреда, не принесло. Только сказалось на отношениях с товарищами, с его непосредственным начальником и даже с некоторыми партийными руководителями. У нас ведь, знаете,

народ не любит, когда кто-то сильно хвастается, хотя этим недостатком мы все немного заражены.

Мы, руководители, поддержав инициативу Павленко, подхватили ее, начали его поднимать. Голова у Бориса закружилась. Президиумы различных собраний, активов, торжественных заседаний, конференций, и везде — он. Не мог я понять, что это за болезнь у нас такая! Зачем мы, сами прекрасно понимая, что вся эта внешняя торжественность никому не нужна и надоела всем до чертиков, все время насаждаем ее? Или по трафарету жить легче, спокойнее?

Может, и так. Но на примере Павленко я вижу, как это опасно. Помните, какой номер он выкинул на конгрессе? И еще я вам скажу, плохую службу сослужили ваши братья, журналисты, Борису. Кинулись на колоритную фигуру, а о самом человеке забыли. Я всем нутром своим чувствую, что Павленко честный, хороший, растущий человек. Как он раскаивался в своем «грехопадении»! Хорошо, что все это в прошлом.

Вы, наверное, знаете, что Борис собирается покинуть нас, перебраться с бригадой на новую площадку. Добился он разрешения у министра. Я рассчитывал, что он у нас начнет учиться. Но думаю, что и на новой стройке парня поймут и поддержат. Ведь он приедет туда с большим опытом, пройдя суровую школу ошибок, поддерживаемый бригадой. Такого парня получить на стройку, да ведь это — капитал! Если бы мы начинали с такими! Так вот, заканчиваю свой разговор о нем: подкрепить надо его светлую голову теоретическим багажом, и тогда эта голова даст не один ковш, а много технических новинок, которые обогатят нашу строительную технику.

И. Комазов».

3 Заказ 974

Никому не показала я этого письма, просто положила его в ящик письменного стола. И вот теперь, через много лет, перечитывая его вновь, опять ощущаю глубокое волнение одного человека за судьбу другого, чувствую отцовскую заботу, ответственность руководителя за жизнь своего младшего товарища.

VII

Да, я знала о том, что Павленко перебирается с бригадой на новое место. Он писал мне в то время часто. Большой урок извлек Борис из своего нелепого поступка. Он стал взрослее, тверже. Даже сам стиль его писем изменился.

«Смотрел вчера фильм «Александр Невский». Казалось, какое имеет он отношение к вам, а вот вспомнил о вас и задумался. Хорошо, когда у человека есть друзья настоящие. С ними ничто на свете не страшно. А еще хочу сказать, большую силу дает нам Родина. Это совершенно все равно, когда что было — триста лет назад или теперь, в наши дни, — главное, чтобы человек предан был стране, в которой родился, земле, по которой босиком бегал, на которой лежал и смотрел в небо, на облака бегущие, на звезды. Смотрели вы на звезды снизу, с земли, лежа на спине в поле? Я смотрел, и не раз, и не два. И всякий раз мне казалось, что звезды ко мне приближаются, становятся крупнее. Но это, наверно, мне мерещилось, а вот насчет дружбы и любви к своей Родине — это точно.

Про Александра Невского почему стал рассказывать? Потому, что позавидовал ему. Может, и я мог такой

подвиг совершить, и я мог свой народ из беды вызволить? Ну, а сейчас что я могу сделать? Только землю копать, вкалывать... Для этого храбрости и смекалки не нужно, только прилежание одно и сила, да еще терпение. Но, конечно, теперь о подвигах в одиночку мечтать нечего. Наш подвиг — ГЭС, а потом еще ГЭС и еще... Вот я и стараюсь.

Скажу вам откровенно, после того случая на конгрессе, о котором вы все знаете, во мне словно новая пружина завелась. Одна лопнула, а вторая начала действовать. Я теперь как-то по-другому смотрю и на людей, и на дело свое, строительство, и даже на свою собственную жену. Иногда бывает момент, что я и себя будто со стороны вижу. Тогда думаю: вот живет парень на земле, шагает размашисто, голову несет высоко и кажется тому парню, что все он может и все понимает. То есть это я таким был раньше. А сейчас вижу иное. И вовсе тот парень не так уж хорош, и голова у него хоть и высоко поднята, а в голове-то не так уж много. И главное, рядом с ним, вокруг, куда ни глянешь, таких людей множество. Не только таких, а лучших. И чтобы с ними вровень стать, тому парню тянуться да тянуться вверх надо.

Вот какое дело! Вы думаете, я не оценил того доверия, которое мне мои товарищи оказали? Вы ведь не знаете, как дело могло повернуться после моего возвращения из Москвы. Бригаду мою раньше распустили. А когда я вернулся, вопрос стал так: Павленко машину дадим, а экипаж он может подбирать сам, по добровольному соглашению. Это наш участковый механик придумал, а до этого всем членам моей бригады направление на другие участки дал. Могли они отказаться от меня как бригадира? Могли. И никто бы их за

это не осудил. Но все вышло по-иному. Хлопцы мои остались верными друзьями. Они заявили начальству, что хотят работать только со мной. Очень я это оценил.

А теперь мы вместе работаем и слово дали друг другу не расставаться».

С новой силой звучали в письмах и деловые нотки. Казалось, Борис хочет загладить свою вину перед коллективом не только примерным поведением, а и делами необыкновенными. Пытливый ум Павленко опять искал возможность положить свой «кирпич» в строящееся здание народного хозяйства. Борис опять вернулся к однажды высказанной им идее закрепления за бригадой экскаватора.

«...*Вы не подумайте,*— писал он мне тогда,— *что я собираюсь переехать на другую стройку от стыда за свой поступок. Трусом я никогда не был и не буду. И потом разве от стыда можно убежать? Нет, я здесь должен свой авторитет и честь восстановить и сумею это сделать. О переезде у нас с хлопцами думка вот по какой причине появилась. Надо продлить жизнь экскаватора! Выгодно это государству. Большой экономический эффект может получиться.*

Мысль наша правильная, в этом мы уверены. Но как добиться, чтобы она в практику жизни вошла, ума пока не приложим. Ведь это надо на примере показать. Значит, надо всей бригадой на новое место с экскаватором ехать. А для этого требуется решение сверху. Думал я, думал и решил пойти к Ивану Васильевичу. Ну кто лучше его в этом деле разбирается? Рассказал ему все. Так, мол, и так, вам, говорю, виднее, ваш совет

нужен. Вы ведь тоже за интересы государства душой болеете.

Слушал он меня спокойно. Смотрел внимательно, а потом брови насупил да как гаркнет: «Ты что это, решил у меня бригаду сманивать? И по какому праву досрочно разговор поднимаешь об отъезде? У нас еще для экскаваторщиков работы невпроворот, а потом рядом с ГЭС начнется другое большое строительство — химия».

Пошумел, конечно, но я по глазам видел, что идею нашу Иван Васильевич одобряет, только не хочет вид подавать, потому что у строителей заведено: как только одна бригада с места снимается, и другие тоже начинают собираться. Ничего не поделаешь, кочевники двадцатого века!

Рассказал я хлопцам о своей беседе с Иваном Васильевичем, и решили мы, что откладывать больше нельзя. Надо начинать оформление. А то потом, когда начнется распределение рабочих по другим стройкам, будет поздно. У нас ведь везде — план.

Теперь вопрос: куда ехать? Строек по всей стране много. Но большинство из нас — украинцы. Так почему же нам не поработать на Днепре? Там как раз начинаются, да уже, пожалуй, начались, новые стройки. И еще одно важное обстоятельство: на Днепре берега скалистые. Очень интересно над таким тяжелым грунтом потрудиться. Надоело черпать землю — песок да глину. Скала — это да! Для нее мастерство нужно.

Одним словом, все ясно, только не знаю, с какого конца за хлопоты приниматься. А может, вы подскажете?»

Вскоре мне пришлось побывать в Министерстве электростанций. Я спросила у одного из ответственных работников:

— Практикуете ли вы перевод на новые стройки целых бригад вместе с закрепленной за ними техникой?

— Уж не Павленко ли написал вам в редакцию? — спросил в свою очередь мой собеседник. — По собственной инициативе задаете такой вопрос? Позвольте вам не поверить.

Напрасно я пыталась убедить, что никаких заявлений в редакцию не поступало. Ответственный товарищ твердил свое: «Настойчивый человек Павленко! Очень! Пользуется тем, что газеты его расхваливают, вот и позволяет себе вмешиваться в дела государственные. Не в его это компетенции. И если хотите, и не в нашей. Такие вопросы министр должен решать».

Спорить, доказывать было бессмысленно. Да я и сама неясно представляла себе выгоды от предложения Бориса. Хорошо это или плохо — таскать за собой экскаваторы со стройки на стройку?..

Однако Павленко крепко ухватился за свою идею. Через несколько дней я читала новое письмо.

«Получил ответ из министерства. Отказали. Начальник нашего главка боится, видно, что ему некем будет распоряжаться, если мы сами себе будем выбирать работу по желанию. Но ведь это глупо! Он в письме ссылается на законы планирования. Но, на мой взгляд, план совсем в ином. Я план государственный вижу в том, чтобы увеличивать доход государства и зря технику не бросать, из каждой машины выбирать все ее возможности. На мой взгляд, план — это умение видеть все

сразу и так распределять силы, технику, чтобы от них наибольшая польза была народу. Правильно я говорю?

И еще я думаю, если человек поставлен у дела, то должен он ночи не спать, а думать, как наивыгоднейшим образом с порученным ему хозяйством управиться. Если же ты начальник, спланируй наши силы и возможности. Учти, что Павленко и его хлопцы — украинцы. Им лестно Днепр родной заставить работать на людей. Может, их прадеды на том Днепре турок воевали? Вот ты эти возможности и прибавляй к плану, учитывай. Правильно я говорю? А мне холодно отвечают: «Решить вопрос, поставленный вами, положительно не имеем возможности. Обращайтесь непосредственно к министру».

Ну куда это годится? Для чего же начальник главка, если министр должен заниматься сам с каждым бригадиром в отдельности? И все-таки, видно, придется побеспокоить министра. Это дело пустить на самотек мы не можем. Решили добиваться настоящего ответа. Вот если бы мне ответили вразумительно, почему не стоит затевать такой переезд, тогда дело другое, а раз моя просьба просто «не в компетенции», то я ей другую дорогу найду.

Хлопцы вам кланяются. Особенно Старицкий, Татренко и Володя Попов. Очень они хотят с вами познакомиться. О Татренко я вам уже рассказывал? Хороший товарищ и в строительном деле не новичок.

Теперь вы приедете к нам уже в Днепровск. Да? Я заранее называю эту незнакомую стройку — наша!»

И еще письмо:

«Знаете ли вы песню про то, как казак собирался в дорогу? Песня эта многозначительная.

Казак уезжает, дивчинонька плачет:
«Куда едешь, казаче?
Казаче соколю, возьми меня с собою
На Украину далекую».
«Дивчинонька милая, где будешь
Ты спать на Украине далекой?»
«В степи под вербою,
Лишь бы, серденько, с тобою»...

Ну, дальше все следует в таком же роде. Как ни убеждает казак свою милую в трудностях, которые их ожидают на новом месте, она все твердит — «лишь бы с тобою».

К чему я вам говорю про эту песню? А к тому, что примерно такая картина разыгралась у нас с Симой. Мы ведь уже получили разрешение от министра на отъезд всей бригадой на Днепровскую стройку. Как это произошло, я вам расскажу, но только сначала покончу с домашними делами. Так вот я говорю Симе: «Ну куда я тебя с детьми повезу сразу на новое место? Вот приедем, осмотримся, получим квартиру, а потом я вас выпишу». Но она — ни в какую. Плачет, рыдает прямо и кричит: «Без тебя не останусь! И никакие трудности не пугают. Вместе, — говорит, — ничего не страшно». Вот тебе и весь сказ. Более того, она, моя Сима, всех жен перебаламутила. Все хотят ехать вместе с бригадой. Господи! Вот номер получается! Словно цыганский табор, и я на головном коне. Так и порешили: трогаемся в путь всем колхозом!

А теперь я скажу, как удалось добиться разрешения на переезд. Я ведь писал, что из министерства ответили отказом? Конечно, писал. Так вот, получил я это письмо и стал голову ломать, как лучше дальше действовать?

Поехать в Москву? Ну и что? В министерстве, в официальной обстановке, могут меня к министру и не допустить или в очередь поставят на прием. А мне ведь некогда ждать, да и невозможно. Как всегда, пошел я к Ивану Васильевичу. Стал ему рассказывать о своей заботе, о своих планах, а он усмехнулся: «Да ведь к нам на той неделе министр сам пожалует, вот подойди к нему и поговори».— «А можно?» —спрашиваю.— «А почему нельзя? — отвечает он. — Разве министр не человек? Он ведь тоже на государственной службе, как и ты, как и я, все одному делу служим».

Через неделю, и правда, министр приехал, осмотрел стройку, побывал в бригадах. Был и в нашей, вместе с Комазовым. Иван Васильевич показал ему наши звезды на экскаваторе и говорит: «Это одна из самых передовых бригад наших, а это машинист экскаватора Борис Павленко. Он завоевал право на перекрытие Волги, и это он, если помните, сбросил в реку первую глыбу камня с дерзкой надписью «Привет волжским судакам». И еще: это он тогда вас обругал, сидя на копре».

Министр улыбнулся, прямо скажу, засмеялся. А когда человек смеется, сердце у него размякает и становится открытым. Я это по себе знаю. Вот в этот момент я к нему и обратился: «Прошу меня принять, уделить несколько минут. Есть у меня что рассказать вам, товарищ министр. Просьба от коллектива имеется».

Принял он меня в кабинете Ивана Васильевича, выслушал внимательно. «В этом есть смысл, но почему вы хотите именно на Днепр? Ведь там еще работы не развернулись. Может, лучше на другую стройку?» Но и это я ему обосновал. Тогда он говорит: «Ну что ж, делайте

почин, посмотрим, насколько технически правильной окажется ваша идея. Что же касается резервов человеческой мощности, о которых вы мне рассказали, так с этим я полностью согласен. В общем, поезжайте, и пусть ваша машина и на Днепре еще двадцать звезд заработает!»

Вот и все. И теперь мы едем! Как сложится моя дальнейшая жизнь, не знаю, но только думаю, ошибок, каких здесь я наделал, больше не будет. Многому меня научил коллектив, многому научил Комазов. А потом такие шишки, какие я набил себе по собственной глупости, очень запоминаются.

Ждите писем с нового места. Надеюсь, приедете к нам. Жму руку. Желаю таланта и счастья.

Борис».

ПЕРЕВАЛЫ

Наш день рабочий начался,
И мы с тобой мужчины,
Нам сеять хлеб, рубить леса
И в ход пускать машины.

А. Твардовский

I

Вечернее заходящее солнце, песчаная дамба, острым клином врезающаяся в реку, и там на быстрине, где река бурлит, завихряется воронками, плывет человек. Он плывет наперерез течению, плывет упорно, высоко выбрасывая из воды могучий торс, методично взмахивая сильными руками. Солнце бьет человеку в глаза, коричневая мокрая спина блестит, как у дельфина.

— О-го-го! — кричит пловец. — Здорово! Здо-ро-во!

Этот крик увлекает тех, кто плещется у берега. И вот на быстрине уже двое, пятеро, много людей. И вся река оглашается их криками.

Вечернее купание вошло в привычку строителей Днепровской ГЭС. Садится солнце, всходит луна, настилая на реке серебряные дороги, стихает ветер, и люди цепочкой тянутся к реке.

Но купается всякий по-своему. У каждого есть любимое местечко. Многих привлекает затон. Там, взгромоздившись на соломенные маты, которых навалено на берегу видимо-невидимо, можно лежать на воде, как на мягкой перине. Левее дамбы, в редких кустах

ольховника, тоже удобное место. Берег пологий, дно крепкое, песчаное.

Но Борис всегда купался на быстрине. Первое время Сима, плескаясь у берега, задыхалась от страха — утонет! Потом привыкла. И когда усталый, разгоряченный Борис кидался рядом с ней на песок, говорила: «Я бы тоже могла там плавать, но устаю быстро...»

Мысленно я будто видела эту новую стройку. Да и письма Бориса дорисовывали картину.

«Привет от новоселов! Ох, и странно все здесь. Просто кажется: мы на другую планету попали. Но лучше по порядку.

Собирались в дорогу долго и как следует. Разбирали и чистили экскаватор. На платформы погрузили комплекты оборудования. Спели прощальные песни, выпили дорожные чарки. На вокзал нас провожать пришло много народу. Трогательно было очень. Я и не подозревал, что у меня на стройке столько друзей. Не забывайте к тому же мой минус прошлогодний, ведь такое люди прощают не просто.

Впрочем, хватит про это. Больше всех меня за душу взял Комазов, он тоже пришел на вокзал. Постояли мы с ним в сторонке, на прощание покурили. Хотелось мне его обнять, но не посмел, да, откровенно говоря, и заплакать побоялся. Ведь он мне отец родной. Я своего не помню, да и не зря говорят: «Не тот отец, кто родил, а тот, кто науку жизни дал». А ведь это прямо про него, про Комазова.

Иван Васильевич понял мои мысли, пожал руку крепко и сказал: «Уезжаешь, значит. А жаль... — И тут же спохватился: — Что это я говорю? Счастливой тебе дороги, Павленко, в добрый путь! Шагай по жизни прямо.

Может, мы с тобой еще и встретимся. У меня на тебя виды были большие, но, впрочем, то, что ты задумал, тоже дело хорошее...»

Поезд тронулся, и ребята, наши строители, руками вслед нам махали. А я в окно смотрел — не ушел ли Иван Васильевич? Нет, стоял, пока поезд проплыл мимо него. Ох, Елена Николаевна, какой это замечательный человек!

Ну в общем отчалили мы, и пора было начинать думать о том, что нас ждет. Вот я всю дорогу и думал. Скажу по правде, ничего не придумал такого, чтобы к этой стройке сразу было применимо.

Прибыли мы, как я уже вам писал, словно в другой мир. И это во всем, начиная с внешнего вида поселка и кончая руководством. Приняли нас хорошо, но дело не в том, а в общей обстановке. А может, это все с непривычки, как вы думаете? Уж очень большой кусок сердца оставил я на Волжской стройке. Она у меня была первая в жизни, как первая любовь. А с ней трудно другие любови сравнивать.

Прочитал я свое письмо и подумал: «Эко ты, Борис, расхныкался. И с чего бы это? Чего тебе опять не хватает?»

Но вот что здесь замечательное — охота. Я уже по лесам побродил. Думаю новое ружье завести, да и машину купить не мешало бы. Кстати сказать, министр обещал нашей бригаде выделить наряды на легковые машины. Может быть, и вспомнит, пришлет. А на машине здесь хорошо: посадил детей, Симу — и в степь. А то в лес, на рыбалку...

Вот видите, до чего зазнался Павленко, о машине собственной мечтает, давно ли в одном бушлате бегал? А еще говорят некоторые злопыхатели: плохо рабочему классу живется...»

И еще одно письмо, с новой ноткой настроения:

«А на душе почему-то, когда ехали, было неспокойно. Может, это предчувствие? Вы верите в предчувствия? Я вот недавно книжечку читал о таинственных явлениях человеческой психики. Так и называется книжка. Интересно. Но скорее всего томила меня неизвестность. Да вы сами, наверное, знаете это чувство.

Когда же вы приедете к нам? Мне-то ведь в Москву не с руки кататься. Приезжайте!

Борис».

Я представляла себе, как шел поезд с волгостроевцами. Шел, пересекая поля, перелески. Плыли облака в бледном летнем небе, расходились в разные стороны и снова сходились. И так же, как облака, проплывала перед Борисом вся его жизнь. Всю дорогу он лежал на верхней полке купе ничком, курил одну папиросу за другой, пуская дым в раскрытое окно. Сима хлопотала, как дома, налаживая дорожный быт. Изредка в купе заглядывали друзья, но, видя только широкую спину Бориса, закрывали дверь.

О чем думал он? Писал об этом сдержанно, скупо. Но после, при встрече, попробовал восстановить свои мысли.

— Думал я прежде всего о том, как пришел на Волжскую стройку парень в тельняшке и в одиночку хотел вырвать зубами свое место в жизни. Думал о том, как незаметно для себя очутился он в кругу людей, которые заботливо постарались выпрямить его. А теперь парень этот едет на новую стройку, он знатный бригадир, подпирают его хорошие ребята. Руки парня хорошо знают машину, голова умеет работать. Хотелось на Днепре сразу завернуть дело по-хозяйски. И если там

еще чего не успели — сделать. С тем и ехал. На своих друзей-помощников надеялся. Они замечательные парни, особенно «комиссар» наш, Виктор Старицкий. Мы его «комиссаром» прозвали, потому что совет от него всегда получали правильный. А на душе, я ведь вам об этом писал, было неспокойно. Первые дни на стройке было не по себе.

Да, все казалось необычным на новом месте. Прежде всего тишина районного городка, откуда начинался путь на стройку. Городок был словно сонный. Из маленьких окошек в просветы между тюлевыми занавесками выглядывали красные цветы герани, на мостовых беззаботно резвились кошки. Маленький автобус с надписью «Вокзал — ГЭС» заполняли смуглолицые женщины в низко повязанных белых платках. Держа на коленях корзины с вишнями и грушами-скороспелками, они тихо переговаривались о ценах на вишню, молоко, масло, о видах на урожай. Здесь не услышишь ни слова о стройке.

В таком автобусе ехали с вокзала Борис и Виктор. Остальные члены бригады и семьи должны были отправиться на грузовиках с багажом. Павленко с Виктором решили встретить своих уже на месте.

Выбравшись из узких городских улиц, автобус выскочил на шоссе. Потянулись лиманы, поросшие жесткой зеленой травой. Кое-где по траве бродили козы.

Затем в открытые окна автобуса потянуло запахом разомлевших от солнца сосен. Лес по обе стороны дороги был весел и прозрачен. Промелькнули белые мазаные хатки какой-то деревушки с красными мальвами и палисадниками.

Ехали уже добрых сорок минут, но ничто не напоминало о стройке. Вдруг автобус неожиданно свернул

влево, влез на горку, вдали блеснула река, а рядом они увидели поселок многоэтажных домов.

— Вам к конторе?— спросил водитель, высунувшись из кабины.

Двухэтажное белое здание конторы стояло в конце поселка, ближе к реке. Из его окна виднелись бетонный завод, кусок песчаной дамбы и еще какие-то хозяйственные постройки. Перед зданием на чистой асфальтированной улице гуськом стояли легковые машины. Отделяя тротуары от проезжей части, тянулись узкие клумбы с настурциями и петуньями.

Во дворах поселка предусмотрительно все было приведено в порядок: разбиты аккуратные дорожки, площадки для детских игр с красными шапками деревянных мухоморов, стоят ящики для мусора, укреплены столбы для веревок, на которых хозяйки могли бы сушить белье, даже скамеечки поставлены возле подъездов для отдыха стариков. Казалось, поселок, продолжая расти, сошел с архитектурного проекта. В степи, где цвели подсолнухи, уже вычерчивался рисунок дорог, водопроводных и электрических сетей.

Выйдя из автобуса, потягиваясь и разминая затекшие ноги, Борис оглянулся вокруг.

— Вот это да!— сказал он Виктору. — Ну, если городок такой, то ГЭС и подавно. Чую я, Виктор, все уже тут без нас сделано.

...Бригаду разместили отлично. Борису и его семье дали двухкомнатную квартиру на третьем этаже нового здания. Окна одной комнаты выходили в степь, другой — на реку.

Бегая по квартире, Сима то раскрывала балконную дверь, то заглядывала в ванную комнату, то отвертывала блестящие краны.

— Боренька, милый, как хорошо! Ну как здесь замечательно о людях позаботились. Да ты не слушаешь меня, Боря?

Борис, стоя у раскрытого окна, вглядывался в темноту, кое-где прорезанную огнями далеких огней. Сима подошла к мужу, прижалась к его плечу щекой, сказала:

— Вот тут нам и жить!

Не услышав ответа, настороженно спросила:

— Разве не так?

Неотрывно глядя в степь, он обнял ее за плечи.

— Жить — это мало, глупышка, тут нам работать!

Борис вошел в кабинет начальника строительства Мостового уверенным шагом и, следуя приглашающему жесту руки Евгения Аристарховича, сел в кресло.

— Прибыли? Ну что ж, очень рад! Стройке нужны люди. Настала пора развертывать работы на ГЭС. Пока мы еще на подступах. Строили поселок, базу. Да, кстати, вас хорошо устроили? Довольны квартирами? У вас на Волге, наверное, и сейчас таких еще нет?

В белом свободном костюме, тщательно выбритый, с влажной от утреннего купания головой, Евгений Аристархович Мостовой внимательно вглядывался в лицо Павленко. Вот он какой бригадир знаменитой, нашумевшей в министерстве бригады. Что и говорить, ладный парень и, видимо, с характером. Разговаривая, Мостовой незаметно нажал кнопку звонка, привстал навстречу седому, показавшемуся усталым человеку:

— Главный инженер строительства. Знакомьтесь, Виктор Семенович, это бригадир Павленко, прибыла подмога!

Борис с любопытством оглядывал кабинет начальника. Широкий стол, селектор, по стенкам чинно выстроились стулья в белых чехлах. В шкафах — книги. Кабинет как кабинет, только вот, пожалуй, раскрытые окна окаймлены чересчур белыми занавесками, да еще на столе начальника стройки неожиданны розы в узком бокале. «У Ивана Васильевича сроду на столе букеты не стояли, — подумал Борис и тут же себя одернул: — Дурак! Разве плохо цветы? Это же радость для глаз».

— Так, значит, денек на оглядку, на знакомство с поселком, а затем приступаете к сборке своего экскаватора? — спросил Мостовой. И добавил: — По всем вопросам обращайтесь к Виктору Семеновичу. Я лично принимаю по пятницам. Договорились?

Борис крепко пожал протянутую руку начальника. Мягкая, гибкая, но сильная, она легко уместилась в его широкой ладони.

— Договорились, — ответил он.

II

Евгений Аристархович Мостовой после окончания института долгое время работал в министерстве. Постепенно поднимаясь по служебной лестнице, он дошел до начальника главка и ведал сложной материальной частью строек, раскинувшихся по стране.

Рано овдовев, Евгений Аристархович больше не женился и жил в двухкомнатной квартире с дочерью Ларисой. Пока девочка училась в школе, у них хозяйничала старая нянька, безмерно удивлявшая многих душев-

ной теплотой и тем, как щедро отдавала она себя сначала матери Ларисы, а потом этой смешной рыжеволосой девочке.

Бабушка Марфа провела годы войны с Мостовым и Ларисой в эвакуации. Она жила с ними в Куйбышеве в тесной, неудобной комнате, выходящей окнами на грязный, пасмурный двор. Она отводила Ларису в первый класс школы, ездила навещать ее в пионерские лагеря, всегда одна и не в те дни, когда туда ездил на машине Евгений Аристархович.

С отцом Лары у бабушки Марфы всю жизнь были сложные отношения. Она не смогла бы вспомнить ни одного грубого или резкого слова, сказанного ей Евгением Аристарховичем. Положительно расценивала и вдовство хозяина, уважала его желание охранить мир девочки от чужой женщины. И все-таки в их отношениях не было тепла, доверительности.

Лара отца любила. Может, потому, что у девочки не было матери и они жили с отцом вдвоем, она привыкла всегда и во всем доверять ему, советоваться с ним. Росла она угловатым подростком, дружила с мальчишками, никогда не порывалась заменить коричневую школьную форму какой-нибудь нарядной кофточкой.

Однажды после школьного бала ей прислали записку. Мальчик, гость из соседней школы, предлагал дружбу. Лариса долго сидела, обдумывая ответ, а вечером протянула отцу листок, на котором тщательным почерком было выписано:

«Витя! Ты можешь ко мне заходить. Мы будем играть в домино, в шахматы, обмениваться мнениями. Но я хочу тебя предупредить: дружить — это не значит любить. Лара».

— Проверь ошибки, — сказала она отцу.

Евгений Аристархович прочитал записку и внимательно посмотрел на дочь:

— Сколько тебе лет, Лара? Четырнадцать? Ошибок нет. Можешь отослать, — и еще раз посмотрев на острые плечики дочери, на ее рыжие растрепанные волосы, сдержанно улыбнулся.

Когда, кончив школу, Лариса сказала, что хочет поступить в архитектурный институт, отец не выразил удивления. Он только спросил:

— Может, в институт иностранных языков? У меня есть связи во Внешторге. Кончишь, сможешь попасть за границу. Но я не настаиваю, не настаиваю, — заторопился он, увидев на лице дочери удивленное выражение, — делай, как знаешь. Архитектор — это тоже неплохо. А по конкурсу пройдешь?

Лара привыкла жить самостоятельно. Отец всегда был занят, встречались они только по субботним вечерам и утром в воскресенье. Но так было даже интереснее. За короткие часы Лара успевала рассказать отцу все. Ей как-то не приходило в голову, что рассказывает обычно только она. О жизни отца она знала очень мало. Знала, что он начальник одного из главков в министерстве, что его ценят по службе. Однажды в разговоре он с удовольствием заметил: «Надо совсем немногое делать для того, чтобы быть на коне, в тележке».

Лара непонимающе посмотрела на него. Евгений Аристархович погладил дочь по плечу:

— Не понимаешь? Тебе еще рано это понимать, дочка. Придет время...

Иногда, очень редко, в субботний вечер раздавался телефонный звонок, и мягкий женский голос просил:

— Пожалуйста, Евгения Аристарховича.

Отец улыбался трубке:

— Да, это я. Но ведь сегодня я дома. Понимаю. Мне это приятно. Но... Хорошо. Согласен.

Он опускал трубку на рычаг медленным движением, словно женскую руку, и, оборачиваясь к Ларисе, спрашивал:

— Ну, так куда мы сегодня направимся? Или у тебя свои планы?..

Однажды Лариса сказала:

— Почему ты не женишься, папа? Ведь она звонит уже много лет.

Евгений Аристархович отложил газету и потянулся за папиросой.

— Можно, конечно, жениться. Я знаю, ты сумела бы ладить с другой женщиной в доме. Но я не уверен, что это так уж необходимо. Все идет нормально. Не стоит тебе, Лара, об этом думать. Кстати, как поживает тот молодой человек, который дважды заходил к нам? Он, кажется, художник?

Ларисе минуло двадцать пять, а глаз отца не приметил рядом с ней того, кто мог бы стать его зятем. Не приметил волнения, ожидания звонка, торопливых, придирчивых сборов перед свиданием. Лариса охотно дружила с молодыми людьми, но и только.

Все это я узнала от Ларисы, с которой после знакомства в Волжске мы стали изредка встречаться в Москве. Она же рассказала мне, как несказанно была удивлена, когда, приехав из Волжска, увидала на вокзале высокую фигуру отца.

— Он меня не балует таким вниманием, у нас в доме это не принято. До сих пор не знаю, почему он решил встречать меня. Ведь я приехала днем, и папе для того,

чтобы попасть на вокзал, пришлось надолго покинуть свое министерство.

— Может, он просто соскучился, Лара?

— Соскучился? Папа? — в голосе Ларисы не было и тени кокетства. — Вы не знаете его, отец никогда не скучает.

Но Лариса ошибалась. Евгений Аристархович, оставшись один в пустой квартире после отъезда дочери в командировку, впервые понял, что она взрослая и вот так просто, в один из дней может уйти совсем. Мостовой долго стоял в раздумье у ее туалетного стола, глядя на себя в зеркало. Вот так незаметно подойдет и старость.

Стало грустно и захотелось скорее увидеть дочь. Получив телеграмму: «Оставь ключи, приеду двадцатого», — Евгений Аристархович узнал время прихода поезда и, сказав секретарю: «Сегодня не буду», — поехал на вокзал.

Высокая фигура Мостового в великолепно сшитом сером пальто выделялась среди встречающих. Лара радостно кинулась к нему. Она с удовольствием ощутила губы отца на своем лбу, вдохнула привычный запах «Шипра» и дорогих папирос. Подхватив отца под руку, оживленно болтая, она с любопытством перехватывала взгляды, которые кидали на него женщины.

После волнений, связанных с утверждением проекта, после неудобств Волжска все казалось Ларисе дома особенно приятным: и горячая вода в ванной, и мохнатые полотенца, и синий огонек газовой плиты.

— Ты понимаешь, папка, — рассказывала она, сидя за чашкой крепкого кофе, — заведующая гостиницей в общем очень милая женщина, поначалу уступила свой «кабинет», — Лара отодвинула чашку и засмеялась. — Я окно в нем занавесила собственным халатом... Нет,

город такой, как он есть, никуда не годится, — сказала она решительно и вдруг помрачнела.

— Ты что? — спросил Евгений Аристархович, с удовольствием слушавший сбивчивый рассказ дочери. — И не говоришь, как ваш проект? Прошел?

— Давай сядем на диван,— сказала Лара, и Евгений Аристархович с удивлением заметил, что лицо дочери приняло незнакомое ему жесткое выражение.

Прижавшись головой к плечу отца, глядя на маленькое темное пятно над шкафом, Лара говорила намеренно спокойно:

— Я отказалась защищать свой проект. Он шел вразрез с тем, что диктовала жизнь. И я сказала об этом прямо, при всех и просила записать мое особое мнение. Я не могла настаивать на том, чтобы строители жили вдали от города. Там и так нелегко жить. Папка, если бы ты посмотрел на эту степь, услыхал, как воет там ветер! Нет, город надо строить кучно... А какие там люди живут, папа!

Взглянув на отца, Лариса вдруг замолчала. Он встал, похрустывая пальцами сплетенных рук, и смотрел слегка прищуренными глазами.

— И они записали твое особое мнение?

— Записали. И еще секретарь обкома меня поддержал. Ты знаешь, он удивился моей смелости. Правда, он этого не сказал, но я почувствовала.

Лариса уже успокоилась и смотрела на отца, ожидая одобрения. Однако Мостовой хмуро молчал.

— Так, — наконец, прервав молчание, сказал он. — Так. Значит, Лариса Евгеньевна Мостовая занимает свою, особую позицию в институте. Интересно!

— Разве ты поступил бы иначе?

Евгений Аристархович встал у окна, спиной к дочери, забарабанил пальцами по стеклу.

— Папка, отвечай!

Мостовой медленно повернулся. Он улыбался.

— Иди сюда, Лара, — сказал он мягко, — иди ко мне, девочка.

Она уткнулась в его плечо и заплакала. Евгений Аристархович гладил ее рыжие волосы.

— Ну что ж, — сказал он, помолчав, — сделанного не вернешь. Посмотрим, как оно все получится.

Свое назначение на Днепровскую стройку Евгений Аристархович встретил с восторгом. Друзья по министерству не понимали его радости:

— Ведь это значит навсегда распрощаться с Москвой. За этой стройкой последует другая. Если справишься на «отлично», немедленно пошлют в еще более глухое место. Не справишься — полетят на голову шишки.

Однако Мостовой ходил по коридорам министерства с высоко поднятой головой.

Он легко попрощался с Ларисой, надвинул шляпу немного набекрень, подхватил чемодан и по-юношески быстро спустился с лестницы. Провожать себя не разрешил:

— Я ведь еду только на разведку. Через неделю приеду в Москву уже как начальник периферийной стройки с требованиями к министерству, и тогда мы с тобой покутим.

Но ни через неделю, ни через две Евгений Аристархович в Москву не приехал. Дéла на площадке будущей ГЭС оказалось много. И крупное, и мелкое шло в один ряд, все требовало немедленных действий.

Прежде всего надо было решить, что делать с прибывающими рабочими. Где их размещать? Место,

выбранное для строительства ГЭС, было пустынным, ближайшая деревня находилась в семи километрах, да и та насчитывала не много дворов. До города же было километров двадцать.

Главный инженер строительства Иванов, секретарь партийного комитета Петров и председатель постройкома Заболотный в один голос твердили: «Надо строить бараки. Надо размещать людей временно».

— Нет, — отвечал Мостовой, — нет! Мы не построим ни одного барака. Перетерпим, но построим город по всем правилам. Разве вы не знаете, что нет более постоянного жилья, чем временное?

Повторяя эту фразу, он всякий раз улыбался, вспоминая Лару.

— Нет! — повторял Мостовой вежливо, но непреклонно. — Мы будем строить город.

Он даже во сне видел четкие кварталы многоэтажных домов, прямые асфальтированные улицы, зеленые газоны. И день за днем, месяц за месяцем, отмахиваясь от настойчивых требований своих помощников, отменив приемные дни, так как все приемы сводились к одной и той же просьбе о квартирах, строил по генеральному плану город. Строил, не отступая ни на шаг от требований проектировщиков.

Для себя и своих помощников он в более короткие сроки возвел несколько коттеджей в стороне от основного поселка. Это была уступка, он понимал это, но ему надо было поскорее поселить тех, кто ему помогал, тех, на кого он опирался. Сам он не испытывал никакого удовольствия от террасы с цветными стеклами, которые достал ему начальник снабжения, толстый, задыхающийся, но быстрый Пирожков. Не замечал он и кустов сирени в своем садике, и гладиолусов, уже в первое

лето гордо поднявших пурпурные головки. Он видел только четкий рисунок будущих домов в степи, где еще цветут подсолнухи. Пусть цветут, они не мешают. По узким межам — канавам — между ними уже проложены трубы, а завтра на месте подсолнухов начнут подниматься и стены зданий.

По вечерам, когда все убегали на реку или в лес, Мостовой ходил по площадкам строящихся домов. Утром вызывал в контору начальника участка и очень вежливо говорил:

— Мне кажется, в пустые контейнеры из-под кирпича можно закладывать строительный мусор. Утренняя смена получит чистое рабочее место, а контейнеры все равно надо везти на хозяйственный двор. Вы согласны со мной?

Когда заселили первый квартал, Евгений Аристархович по вечерам садился на одной из лавочек и, читая газету, прислушивался к разговорам жен строителей. Его можно было увидать там и рано утром, когда женщины, еще не причесанные, в туфлях на босу ногу, выбегали с мусорным ведром к помойке.

Затем он созвал всех, от кого зависела организация быта жителей поселка, и выложил перед ними свои наблюдения. Теперь каждое утро во дворе появлялись крытые повозки для сбора мусора. Врыли столбы для веревок.

Лариса приехала на площадку, когда поселок имел только два законченных квартала, в третьем начали отделывать дома, в четвертом только возводили стены.

Евгений Аристархович водил дочь по стройке молча, время от времени поглядывая на нее. Он ждал одобре-

ния. Но Лариса молчала. Наконец, Евгений Аристархович не выдержал:

— Тебе не нравится?

— Ты сделал чудо, — ответила она, — ты не отступил от проекта ни на шаг. Я знаю, это проект пятой мастерской. Но, папа, — голос ее зазвучал жалобно, — я никогда не думала, что в натуре все это будет выглядеть так скучно...

— Скучно?! — Евгений Аристархович с нескрываемым удивлением посмотрел на дочь. — Скучно? Да ты с ума сошла, Лара! — На скулах у него вспыхнули красные пятна.

— Не сердись, — сказала Лариса, беря его под руку и прижимаясь щекой к нагретому солнцем рукаву чесучевого пиджака. — Не сердись, папка! Я дурно воспитана, на индивидуальных проектах. Это во мне говорит старая школа. Конечно, поселок очень хорошо продуман. Но мне просто хотелось, чтобы в нем было больше тепла, уюта, — Лариса оглянулась кругом. — Мне бы хотелось, чтобы дома стояли не по ранжиру, а один под дубом, второй...

Взгляд Евгения Аристарховича потеплел. Он прижал локоть дочери.

— Девочка! Это действительно детские бредни. Это ваши архитекторские штучки. Тебе хочется, чтобы дома вписывались в пейзаж? Но мы сами создаем пейзаж, мы меняем природу, и нам не к лицу подстраиваться к ней. Городок мой хорош! Он благоустроен, не растянут, в нем легко ориентироваться и все близко. Какое счастье, что работники министерства не заражены твоими взглядами! На днях у меня здесь был заместитель министра, был корреспондент из Киева, приезжали товарищи из области, и все в один голос сказали, что наш поселок

может служить образцом для всех строящихся поселков строителей ГЭС. А мои рабочие, которые уже получили квартиры, — те просто в восторге. И потом ты и представить себе не можешь, какой козырь я получил, построив этот поселок. Теперь мне и думать не придется о текучести рабочей силы. Рабочих надежно держат квартиры. Ни при каких обстоятельствах они не уйдут со стройки. А как меня тянули строить бараки! Вот что значит выдержка... И главное — цель. Надо всегда видеть конечную цель, девочка.

— Я очень устала, папа, — сказала Лариса и быстро пошла к коттеджам.

Евгений Аристархович, посмотрев ей вслед и, как всегда, отметив угловатость ее походки, подумал с внезапно нахлынувшей нежностью: «Совсем еще девочка, а ведь уже двадцать пять!..»

Побыв несколько дней на стройке, Лариса уехала на Кавказ. Вначале она думала провести отпуск с отцом, но очень быстро поняла, что она ему не нужна; он так захвачен своими делами, так упоен своими успехами!

Евгений Аристархович проводил дочь на вокзал, с нежностью обнял ее на прощанье и, когда поезд тронулся, еще долго стоял на перроне, махая белоснежным платком.

III

Павленко писал с Днепра не очень часто, но аккуратно. Письма были деловыми. Борис весь отдался работе.

«...Надо сказать, что, несмотря на опыт, нашей бригаде пришлось столкнуться с немалыми трудностями.

Такого крепкого грунта, как здесь, нам еще не попадалось. Одним словом — скала. Бывают поломки машин, нарушается цикличность работы, низка производительность. Многому приходится учиться заново. Но ничего, это даже интереснее. Ведь жизнь тем и хороша, что каждый день приносит новые трудности. Преодолеешь их, и опять легко. Я не знаю, как вы, а я не представляю себе жизнь спокойной, как стоячее болото. Даже озеро и то мне не подходит. Иное дело — быстрая река. Люблю преодолевать препятствия».

«...И порешили мы с хлопцами создать комплексную бригаду. Конечно, поговорить и поспорить пришлось немало, прежде всего с главным инженером. Он уверял нас, что слишком громоздкая получится бригада и трудно будет сочетать интересы экскаваторщиков с интересами шоферов самосвалов, отвозящих грунт. Вам, наверно, непонятно, о чем я говорю? Я ведь опять поторопился и не рассказал все по порядку. А все потому, что мне кажется: вы рядом и находитесь в полном курсе дел.

Ну так слушайте. Наша комплексная включает экскаваторщиков, шоферов самосвалов, взрывников, готовящих для нас фронт работ, и всех подсобников. Одним словом, семьдесят человек. Все звенья бригады, независимо от того, на каком участке они трудятся, оплачиваются по единому наряду, по конечному результату труда за кубометр вынутой породы.

Вот об этом и шел разговор в управлении и постройкоме.

— Ну какой смысл, скажи на милость,— доказывал мне главный инженер, — взрывникам быть с вами в одной бригаде? Они ведь даже совсем другой

организации подчиняются. Их дело маленькое — заложить шурфы, взорвать скалу и дальше шагать. И вы, может, приготовленную территорию черт знает когда очистите.

Удивительное дело, откуда у людей такая недальновидность берется? Ведь всякому ясно, что если взрывники будут с нами в одной бригаде, то им от этого прямая выгода. Посудите сами, раньше они взорвали породу и сидят ждут, пока мы управимся. А мы в свою очередь сидим ждем, пока самосвалы отвезут вынутый грунт. Водители же не торопятся: у них оплата с километра. А при комплексной бригаде совсем другое дело начнется. Во-первых, взрывники по-иному фронт будут для нас готовить, более тщательно, чтобы мы могли легче грунт брать. Самосвалы тоже зашевелятся. И в общем у всех выработка поднимется, и прежде всего для ГЭС польза. Я это хорошо знаю. Мы ведь на Волге такой опыт делали. Комплексные бригады там себя вполне оправдали.

Вы не думайте, прежде чем начать такой разговор, мы всей бригадой долго примеривались, считали. Все тетрадки у Симы перепортили. Она нам тоже очень помогала. Вы ведь не знаете, какая она мне во всяком разумном деле помощница. Очень жаль, что не пошла по строительной линии, из нее головастый мастер мог получиться. Ну да ладно, ребятишек в школе учить — тоже специальность нужная!

Так вот, заговорился я про Симу и забыл, что хотел рассказать дальше. А дальше было так: главного инженера беспокоило, как договориться с взрывниками, с их начальством. Ведь для этого надо ехать в область, доказывать, новое дело на свою ответственность брать. И почему это у нас многие руководители избегают ответ-

ственности? Я этого никак в толк не возьму. Да если я в чем уверен, так, пожалуйста, — могу голову свою предложить в заклад, не только плечи подставить. Если мне что-нибудь поручают самостоятельное, за что я отвечать должен, — у меня сердце радуется.

Но, конечно, я этого ему всего ни про себя, ни про него не высказал, а всячески, с карандашом и бумагой в руках, пытался доказать прямую выгоду от нашего предложения. Уговорил. Впрочем, не я один. Очень поддержал меня наш председатель постройкома Максим Петрович Заболотный. Он сам инженер-конструктор, его недавно на профсоюзную работу выдвинули. Сразу понял Максим Петрович, в чем секрет нашего предложения, и стал на мою сторону. Ну, в два голоса мы, понятное дело, главного инженера уговорили «рискнуть». А какой там риск? Один голый расчет и к тому же конкретная возможность соревноваться широким фронтом. Правильно?

По совету Заболотного меня послали в областной центр договариваться со взрывниками. Съездил. Договорился. И вот мы уже третью декаду работаем по-новому. Красота! В первую декаду результат налицо — план выполнили на 148 процентов. Но люди кругом осторожные, пока от выводов воздерживались: «А вдруг это простая случайность?» Тем более, что наш начальник строительства Мостовой уехал в отпуск, а без него, видно, некоторым как-то боязно свое мнение высказывать.

Эх, Елена Николаевна! Когда же такие люди избавятся от привычки все время на начальство оглядываться и, самое главное, терять из-за этакого страха собственную принципиальность? Мы тут с Виктором Старицким на эту тему беседовали. Он тоже возмущается.

4 Заказ 974

«Это, — говорит, — пережитки, с этим рабочий класс должен бороться. Потому как вся причина подхалимства таких людей в их боязни потерять не по заслугам занятое служебное кресло. А цена-то рабочему человеку должна устанавливаться прямо пропорционально его мастерству и личным качествам».

Вот куда Виктор наш загнул! Очень он вдумчивый. Иногда мне даже неудобно перед ним, я-то не могу свои мысли так изложить, хотя, между прочим, все это внутренне переживаю.

При нашем разговоре Сима присутствовала. Слушала молча. Потом полезла в книжный шкаф, вытащила том Маяковского и прочла нам стихотворение про тех, кто к начальству подлизывается. Удивительно меткие строчки. Я не могу их привести дословно, да вы, наверное, их тоже знаете: «...Если старший спросит мнение, он подхватит мнение старшего. Мнение — это не именье, потерять его не страшно...» Надо же так точно и сильно сказать! Очень мне нравится Маяковский. Если бы довелось с ним быть знакомым, уверен: друзьями на весь век стали бы.

Но я опять ушел в сторону от своего дела. Я ведь вам про комплексную стал рассказывать. Так вот, когда мы и вторую декаду сработали на «отлично», тут уж по стройке разговор пошел правильный. Надо отдать должное нашему Заболотному, постройком комплексные бригады подхватил, призвал следовать нашему примеру. Ну, что вы скажете? Молодцы мы или нет?»

Бесспорно, в те дни Борис работал с упоением. Забыта была охота, рыбная ловля. По вечерам он с Виктором Старицким, Алексеем Татренко, Володей Поповым и Анатолием Белиным бродил по берегу Днепра с

одного конца стройки на другой. Подолгу смотрели на дальний берег, затем присаживались где-нибудь и до ожесточения спорили. О чем? О работе. О том, как похозяйски завернуть дело так, чтобы ни одной минуты не пропало даром, чтобы показатели бригады неуклонно поднимались.

Да и не только о своей бригаде говорили в те вечера хлопцы, заботила их вся стройка. Дерзкая мысль запала в голову и Павленко, и членам его бригады: сделать бы так, чтобы сократились сроки строительства ГЭС, начала она работать раньше, чем указано в планах министерства.

После таких походов Борис приходил домой возбужденный, шумно, с жадностью пил холодный квас Симиного приготовления; квас отдавал мятой. Потом садился за письменный стол, отодвигал стопки тетрадей с сочинениями школьников и начинал писать.

Через некоторое время я получила заказное, необычно толстое письмо. Кроме листка, исписанного крупным почерком Бориса, там было несколько страниц убористого текста на пишущей машинке. Я не стану приводить начало этого документа, потому что оно повествовало о прежней работе бригады Павленко на Волжской стройке. Но уже со второй страницы начиналось нечто новое.

«...В котлованах шлюза и гидростанции находится доброкачественный гранит, который мы разрабатываем и отвозим в отвал. Нужно, чтобы этот ценный строительный материал не шел в отходы, а штабелировался с таким расчетом, чтобы впоследствии его можно было пустить в дело, ну хотя бы на облицовку стенок канала. Это позволит получить огромную экономию.

...Каменный карьер расширять нецелесообразно. Он попадает под затопление. Надо людей и механизмы с карьера перевести в котлован шлюза, а карьер использовать для приготовления бетона и других работ.

...Практика работы показывает, что все механизмы должны быть в одних руках. Вместо нескольких управлений: энергохозяйство, буровзрывное хозяйство, карьерное и т. д. — лучше создать одно мощное...»

Затем следовали и другие предложеиия, показывающие, что хозяйский глаз авторов письма виимательио осмотрел детали большого механизма стройки. Документ заканчивался так:

«...Таким образом, мы пришли к выводу, что стройку можно закончить на год раньше намеченного срока и тем самым быстрее пустить в ход народные деньги и получить дешевую энергию реки. Тем более, что наш коллектив строителей готов возводить ГЭС ускоренными темпами.

Ввиду того что в письме всего не опишешь, просим прислать на площадку ответственного представителя министерства для детального обсуждения с коллективом строителей выдвинутых нами вопросов.

По поручению бригады

бригадир Борис Павленко,
машинист экскаватора Алексей Татренко».

От себя иа листочке школьной тетради Борис писал:

«...посылаем вам второй экземпляр. Первый отослали в министерство, третий передали главному инженеру (Мостового нет). Почитайте внимательно. Вам станет

ясно, что для нас «волжская школа» не прошла даром. Сколько мы нервов попортили между собой, пока составили такое послание! Виктор говорит одно, Толя другое предлагает, меня все сдерживают. Я было хотел выдвинуть срок в полтора года, но ребята доказали, что я загибаю. Нельзя, мол, ориентироваться на высшие показатели, надо брать средние. Я, конечно, в душе с этим не согласен. По-моему, надо во всем равняться на самых передовых. Но я коммунист, и для меня голосование коллектива — все. Согласились на год ускорить окончание ГЭС. Это вполне реально. Но надо пошевелиться, особенно в части снабжения стройки материалами. Надо и темп другой брать. Я полагаю, что наш пример с комплексной бригадой — первая ласточка в ускорении темпов. Надо вам сказать, что у нас теперь таких бригад уже четыре. А будет больше. Я в этом вполне уверен.

И все-таки волнуюсь. Как встретят наше письмо? Надеюсь, что поймут нас и приедут. А вдруг заявление попадет к людям, которым оно покажется обидным? Вот, мол, какая-то там бригада хочет быть умнее нас. Но за эти мысли я себя ругаю. Мелкие это мысли. И Виктор Старицкий мне то же самое говорит: «Это у тебя, Борис, от самомнения. Все тебе кажется, что на тебя особенно смотрят. А ты подумай с государственного масштаба!»

Правильно Виктор говорит. Правильно.

А на выходной ездили мы всей бригадой в лес. Захватили жен и ребятишек. Костры жгли. Птиц слушали. Ягоды собирали. Здóрово! До чего ж природа успокаивающе действует на человека. Поверите, я как лег на траву под кустом, как закинул руки за голову да посмотрел в небо, сразу все заботы пропали. Лежу и

думаю. Нет, ничего не думаю, просто представляется мне, что ГЭС уже построена и Днепр бьется у плотины...

В общем отдохнули великолепно. Вечером Виктор кулеш сварил. Особый вкус у кулеша получается, когда его на воздухе варят. Можно целый казанок съесть. Вернулись совсем поздно. Детей на руках несли. Уснули они, разморило их от усталости.

Очень прошу прочитать наше заявление внимательно и написать мне свое мнение. Может, что не так, но уж не обессудьте, написали, как смогли, от чистого сердца. А что касается расчетов, так уж тут, будьте спокойны, все правильно.

Борис».

IV

После возвращения Ларисы с курорта Евгений Аристархович никак не мог найти с ней нужный тон. С того дня, как побывала она на площадке ГЭС и так внезапно уехала, между отцом и дочерью началось отчуждение.

Так же, как прежде, в те дни, когда Евгений Аристархович бывал в Москве, Лариса по утрам подставляла ему лоб для поцелуя, садилась против него за стол, внимательно следила за тем, как он завтракает. И все же что-то изменилось в их отношениях. Нельзя сказать, чтобы это не беспокоило Мостового. Но сейчас, когда он был начальником большой стройки, на виду у министра, общественности, когда каждый день был наполнен тысячами забот, неотложных дел, у него не оставалось времени на то, чтобы анализировать свои отношения с дочерью.

Просыпаясь, Евгений Аристархович думал: «Сегодня спрошу у нее, в чем дело». Но уже в ванной, встав под холодный душ, он вспоминал о напряженном дне, который ему предстоял, о неприятных разговорах в главке и откладывал объяснение до вечера. А вечером Ларисы обычно не оказывалось дома, да и сам он приходил поздно, усталый, раздраженный.

Лариса и сама не могла бы сказать, почему ее папка, раньше такой близкий, родной и понятный, вдруг стал для нее человеком, в котором еще надо многое узнать, понять и оценить. Вообще в это лето ее все время не покидало смутное беспокойство, словно предчувствие какой-то большой перемены в жизни. Даже на юге, где она беззаботно отдыхала, купалась, валялась на горячих камнях, поднималась высоко в горы, бродила до усталости, ее не покидало это чувство ожидания. Может быть, поэтому она с таким любопытством смотрела на каждого нового человека, с которым знакомилась, вела разговор, будто хотела узнать о другом все, сразу. И так же быстро, как шла на знакомство, теряла интерес к нему.

Домой Лариса вернулась похудевшей, загорелой, возбужденной. Такой и застал ее Евгений Аристархович, приехав в Москву согласовывать план строительства на следующий год.

Привыкнув у себя на стройке ходить в светлом костюме, Евгений Аристархович и в министерстве появлялся утром, сияя белизной отутюженных брюк, тщательно выбритый. Обычно он оставлял свой портфель на столе секретаря министра, ставил ей в керамическую вазочку какой-нибудь незамысловатый цветочек, купленный по дороге, и, улыбаясь, говорил:

— Доверяю вам, Зинаида Петровна, свои бумаги.

Я тут, в кабинетах. Если кто-нибудь будет разыскивать, позовите.

Время от времени звонок секретаря вызывал его то к начальнику главка, то к одному из заместителей министра.

И сегодня, когда голос Зинаиды Петровны мило прокартавил:

— Евгений Аристархович, зайдите через десять минут к Ипполиту Харитоновичу,— Мостовой, улыбаясь, шутливо сказал:

— Я ваш должник, дорогая, за мной коробка конфет, ведь я вам доставляю уйму хлопот!

С Ипполитом Харитоновичем Мостовой был знаком давно и, пожалуй, только у него одного нашел искреннюю поддержку в своем желании ехать на стройку. Ипполит Харитонович стал заместителем министра совсем недавно (до этого был начальником строительства ГЭС в одной из среднеазиатских республик) и никак не мог привыкнуть к работе в министерстве.

— Я бы и сейчас променял это кресло на табуретку в конторе начальника стройки, — любил говаривать он.

Евгений Аристархович, вылощенный, наутюженный, вызывал подсознательное беспокойство у Ипполита Харитоновича. Вот почему он один из первых побывал на Днепровской стройке, придирчиво осмотрел там все. Великолепные отзывы о Мостовом в областных организациях смягчили старого строителя. Вечером за ужином из свежей ухи и жареной рыбы он довольно сказал:

— А город ты, Евгений Аристархович, построил неплохой. За этот город тебе многое простится.

— Я, собственно говоря, не понимаю, — насторожился Мостовой, — что мне надо прощать? Я скидок не прошу...

— Ну, ладно, ладно, — примирительно проговорил Ипполит Харитонович и встал из-за стола.

«Непонятный все-таки он человек, — подумал Мостовой, шагая по длинному коридору министерства и на ходу раскланиваясь со знакомыми. — К чему он завел тогда такой разговор, на что намекал? Может... Впрочем, не надо об этом думать, — одернул себя Евгений Аристархович, — у меня замечать на стройке нечего. У меня все по закону».

Заместитель министра читал какую-то бумагу. Читал внимательно, время от времени возвращаясь к прочитанным страницам. Его кустистые брови поднялись, мясистый нос морщился.

— Садись, — сказал он, продолжая читать, — я сейчас.

Евгений Аристархович удобно устроился в кресле.

— Что он за парень — Павленко? — спросил неожиданно Ипполит Харитонович.— Я слыхал о нем давно, еще когда он работал на Волжской стройке. Слыхал разное: и хорошее, и плохое, но встречаться не приходилось. А твое мнение? Ты ведь с ним работаешь?

Евгений Аристархович переменил позу и сел прямо. «Почему его заинтересовал Павленко?» — подумал он, ничем не выдавая своего удивления, и ответил:

— Конечно, я его знаю. Парень толковый. Показал себя неплохо, организовал комплексную бригаду.

— Это я знаю, — Ипполит Харитонович положил большую жилистую руку на лежащую перед ним бумагу. — Я тебя о другом спрашиваю. Каков он как человек? Говорил ты с ним по душам когда-нибудь? Беседовать тебе с ним приходилось?

Мостовой раздумывая молчал.

— Тут вот бумага пришла от него, — сказал Ипполит Харитонович, не дождавшись ответа. — Заявленне на имя министра. Интересная бумага. Серьезные дела предлагает твой бригаднр. Ставнт вопрос «на попа». Предлагает сократить срок строительства на год. Прав он или нет? С тобой он советовался?

— Как же я могу ответить на ваши вопросы, — сказал Мостовой мягко, — когда понятня не имею, о чем пишет Павленко. Может, вы разрешите познакомиться с заявлением?

— На, возьми, — протянул ему листки письма Ипполит Харитонович.— Завтра приходи с утра. Потолкуем.

Целый день, занимаясь своими делами в министерстве, Евгений Арнстарховнч чувствовал в портфеле присутствие заявления Павленко. Он еще не читал его, старался забыть о нем до вечера и все равно помнил.

Лариса, вернувшнсь домой часов в восемь вечера, удивилась, заметив, что из-под двери комнаты отца выбивается тоненький лучнк света. Но она не зашла к нему, наскоро поужинав на кухне, прошла в свою комнату: сегодня ей надо поработать дома. Нагнувшнсь над чертежной доской, она не заметила, как открылась дверь. Неслышно ступая по ковру, Евгений Аристархович подошел вплотную к столу.

— Устал я, Лара, устал. Все один и один. Работаешь, отдаешь себя без остатка, н вдруг является эдакий молодчик н хочет тебе пинком в зад... Ты меня извнни за резкое выражение, — Евгений Аристархович погладил дочь по голове, медленно прошелся по комнате.— Обидно. Очень обидно. И главное, ведь со стороны можно подумать, что так н должно быть.

— Да в чем дело, отец? — спросила Лариса, встревоженная непривычной озабоченностью и раздраженностью отца. — Что случилось?

— Ничего особенного, — Евгений Аристархович приподнялся на носках и тяжело опустился на пятки. — Ничего особенного, — повторил он, прищурившись. — Нашелся у меня на стройке герой, написал заявление на имя министра. Ему, видите ли, кажется, что начальник строительства — дурак, ничего не видит и не замечает. А он, неграмотный молокосос, только на том основании, что когда-то сумел всунуть конструкторам свой детский чертеж ковша экскаватора, уже умнее всех...

Евгений Аристархович невидящим взглядом посмотрел на дочь и продолжал:

— Ему, видите ли, кажется, что стоит взмахнуть рукой — и строительство ГЭС пойдет само собой, как по рельсам. Да ничего ему не кажется, — перебил он сам себя,— просто теперь стало модным писать заявления с предложениями об ускорении сроков строительства. Жажда славы, так сказать, обуяла мальчишек, жажда славы и ничего больше! Никогда бы не подумал, что Комазов может так ошибаться в людях. Сколько дифирамбов спел он этому парню. Впрочем, — Мостовой закусил нижнюю губу и прищурил глаза, — впрочем... А вдруг это только шахматный ход, и Павленко — просто пешка, двинутая умелой рукой? Очень может быть! И как это не пришло в голову сразу? Но ничего, мы этот ход встретим достойно.

Забыв о присутствии дочери, Евгений Аристархович, перебрасывая папироску из одного угла рта в другой, ходил по комнате.

Лариса с тревогой вглядывалась в лицо отца.

— Папка, — сказала она тихо, — папка, почему ты стал такой?

— Какой? — с досадой спросил Мостовой. — Глупости спрашиваешь, Лара. Ты извини, я тебе помешал. Просто на меня нашло затмение какое-то. Сейчас все стало ясно. А ты чего так поздно работаешь? — вдруг удивился он, словно только что заметив чертежную доску. — Ложись спать! — И, поцеловав дочь в пробор, пошел к двери.

Разговор Мостового с Ипполитом Харитоновичем наутро был короток. Заместителя министра ждали на совещании, и он, увидя входящего Евгения Аристарховича, спросил, складывая в портфель бумаги:

— Ну, прочел? Что скажешь? Только коротко, я тороплюсь.

— К мнению бригады, Ипполит Харитонович, надо прислушаться.

— Значит, согласен?

— Со многим, кроме сокращения сроков. Мы к этому еще не готовы.

— А карьер действительно бесперспективен?

— Мы это знаем сами.

— Может, и в самом деле надо объединить управления? Уж очень много их развелось.

— Это не просто, Ипполит Харитонович, надо посоветоваться, подсчитать...

— Так что же ты предлагаешь?

— Готов выслушать ваш совет.

— Отвратительная манера перекладывать решение вопроса на плечи вышестоящих, — буркнул заместитель министра.

— Разрешите тогда этот документ проработать в коллективе стройки, — весело сказал Евгений Аристархович, — а потом выслать коллективное мнение. Так ведь и авторы предлагают?

— Хорошо, — сказал Ипполит Харитонович, — хорошо. Только чтобы сразу по приезде. Не откладывая.

Борис присылал весточку за весточкой.

«...Ну, как ваше мнение о нашем предложении? У меня пока никаких новостей. Ответа из министерства еще нет. Начальник стройки вернулся из Москвы, а на эту тему не заговаривает. Может, он ничего еще не знает? Но ведь мы третий экземпляр передали нашему главному инженеру. Он-то должен был доложить Евгению Аристарховичу? Ну ничего, подождем»...

«Обрадовало меня и всю бригаду ваше письмо. Значит, вы полагаете: мы вправе давать предложения? Мы тоже такого мнения придерживаемся. Ведь кто, как не мы, хозяева своей стройки? Кому, как не нам, болеть душой за нее?

Ну, а начальники наши еще помалкивают. Зашел я к главному инженеру, спрашиваю: «Ну, как вы смотрите на наши предложения?», а он только усмехается: «Экий ты, Павленко, нетерпеливый! Думаешь, кроме твоих предложений, ничего важнее нет? Показал я Евгению Аристарховичу ваше заявление».— «А в министерстве ему ничего не говорили?» — спрашиваю. «Он мне не докладывал», — отвечает. С тем и ушел из конторы. А хлопцы настаивают: «Когда же ответ будет?» И обижаться начинают. Ну, я их, конечно, успокаиваю, а у самого на душе кошки скребут.

Как ваши дела? Как семейство поживает? Берите всех — и к нам на Днепр. Покупались бы вдоволь!

Забыл сказать. Мы тут с одним инженером начали строить сцену для световой газеты. Замечательный человек этот инженер, просто одно удовольствие с ним работать. Все вечера у меня теперь заняты. Конструкцию мы уже взгромоздили. Если бы вы видели, сколько нашлось охотников помогать! Это ведь всегда так: стоит одному-двум начать хорошее дело, и все поддержат».

«Ну вот, теперь все ясно, — написал Борис в очередном письме. — Разбиралось наше заявление на партбюро. Евгений Аристархович все доложил народу и сказал уважительно: «Инициатива нашей передовой бригады похвальна. Хороший совет дороже рубля. Но зачастую картина меняется в зависимости от точки, с которой на нее смотришь. Снизу она — одна, сверху выглядит подругому. У нас, руководителей, пока нет оснований выступать с предложением о сокращении сроков строительства. Обязательство взять легко. А потом что? Чрезмерное напряжение — и может быть провал».

Тут он помолчал, задумался, а потом говорит, обращаясь ко мне: «Я понимаю волнение бригады. Ей давно хотелось получить ответ на свое предложение и от меня, и от министерства. Должен сказать тебе, Павленко, что в министерстве вашим предложением заинтересовались. Сам заместитель министра со мной по этому поводу разговаривал. И поручил мне обсудить его с коллективом стройки. Так ведь сразу большие дела не делаются. Вот мы и обсуждаем вместе с вами. И я должен сказать со всей откровенностью, товарищи, что бригада Павленко слишком размахнулась. Привыкла она к масштабам

Волжской стройки. Но ведь там положение было особенное, вся страна ее подпирала: Великая стройка! А мы — обычная строительная площадка. И никто нам не откроет «зеленую улицу». Сегодня наша основная задача — усердно выполнять план, и в этом деле опыт бригады Павленко для нас очень ценен. Знаю, в трудных условиях работают лучшие наши экскаваторщики. Скала здесь, как «драконов зуб». Комплексные бригады по примеру Павленко надо развивать всемерно, они — ключ к успеху!»

Сказал и сел. Ну тут, конечно, другие члены партбюро начали высказываться. Хорошо поговорили, по душам, по-партийному. Я тоже слово взял: «Может, мы вправду погорячились, поспешили? Только вот насчет карьера и объединения надо решать непременно».

Тут главный инженер выступил: «Этот вопрос серьезный, и мы его в дальнейшем обсуждать станем». «Правильно, конечно, сразу такие дела не делаются», — подумал я. Но все-таки приятно было, что не отмахнулись от нашего предложения. Как вы считаете?

А когда собрание кончилось и народ стал расходиться, Мостовой подошел ко мне, сказал приветливо: — «Хорошая у тебя голова, Павленко. Думающая. Ты ведь не обижаешься на меня?» — «Конечно, не обижаюсь»,— отвечаю.— «Ну вот и прекрасно, а ты зайди ко мне завтра вечером или послезавтра, у меня с тобой должен быть серьезный разговор в плане твоего предложения».— «Слушаюсь, Евгений Аристархович»,— сказал я. И подумал: «Как можно в людях ошибаться. Казался мне наш начальник, скажу вам откровенно, немного барином. А теперь вижу — он мужик свойский. Нутро у него правильное. За стройку он очень болеет».

Желаю вам океан счастья!»

Вечер опустился на землю, не принеся прохлады истомленной, растрескавшейся земле. Служащие давно покинули контору, и здание смотрело на Днепр темными глазницами окон. Свет горел только в кабинете начальника стройки. Евгений Аристархович сидел за столом сосредоточенный. Напротив него в низком мягком кресле томился в ожидании начальник снабжения Пирожков. Деловой разговор окончен, и Пирожков не понимал, почему его не отпускают.

— Сейчас придет Павленко, — сказал Мостовой, словно только заметив беспокойство своего собеседника, — и я хочу, чтобы вы присутствовали при нашем разговоре. Он касается и вас непосредственно.

Пирожков шумно вздохнул и вытер потный лоб клетчатым платком.

— Евгений Аристархович, — сказал он неожиданно тонким для его грузной фигуры голосом, — вы все-таки хотите послать Павленко в Москву? Справится ли он? Ведь сейчас такое горячее время. Если мы теперь не вырвем запасные части для экскаваторов, тогда...

— Почему вы думаете, что он не справится? — Евгений Аристархович внимательно посмотрел на собеседника, и Пирожков под этим взглядом невольно заерзал в кресле.

— Как вам сказать, — ответил он, — ведь для того чтобы получить дополнительное оборудование, особенно зубья, нужно иметь опыт, связи.

И снова принялся вытирать лицо и лысину платком, следя за выражением лица начальника.

— Стареете, Иосиф Павлович, — Мостовой, отодвинувшись от стола, покачивал ногой. — Так бывает. После пятидесяти лет человек либо мудрее становится, сродни

Рейнеке Лису, либо... — он с улыбкой посмотрел на красного, полного, растерянного Пирожкова, — либо... у него возникает недоверие к молодым. Вам сколько лет, Иосиф Павлович? Шестьдесят один? Ну, конечно, в вас это чувство укоренилось прочно.

— Помилуйте...

— Не помилую. И не позволю, даже наедине со мной выражать недоверие лучшим рабочим нашей стройки. Да вы знакомы ли с Павленко? Беседовали с ним хоть раз? Конечно, нет. Иначе бы вы заметили, какая силища прет из этого парня. Ведь он гору может своротить. Лет сто назад из него мог настоящий Кудеяр получиться. Вы слышали, Иосиф Павлович, кто это такой — Кудеяр?

Голос Мостового звучал явной издевкой. Но Пирожков не замечал интонаций. Он слышал только слова и сжимался от них, как от удара хлыста. А Мостовой продолжал:

— Нет, Павленко, конечно, не похож на Кудеяра. Это организованный молодой человек. И никакой он не ниспровергатель, а просто исполнитель.

Мостовой говорил, словно забыв о присутствии Пирожкова. Потом, спохватившись, продолжал деловито:

— Павленко сделает все в министерстве значительно лучше, чем мы с вами, Иосиф Павлович. Я кто? Начальник строительства, администратор, к тому же не особенно приметной стройки. Так вот, как я буду добиваться своего? Стучать кулаком по столу мне не положено. Просить униженно? Но ведь это... — Мостовой брезгливо передернул плечами. — Это глупо, — заключил он. — А кто вы? — Евгений Аристархович, прищурившись, посмотрел на Пирожкова, и тот под этим насмешливым взглядом увидел себя, как в зеркале:

пожилого, лысого человека с усталыми глазами под опухшими веками, которому пора на пенсию, отдыхать где-нибудь в садочке. Но у него еще не достроен дом для дочери и вторая жена вряд ли примирится со скромным положением мужа-пенсионера.

Пирожков постарался принять независимый вид, выпрямился в кресле. Но Евгений Аристархович все также насмешливо, не обращая внимания на переживания своего собеседника, продолжал:

— Вы снабженец. Причем снабженец устаревшей школы. Ничего не поделаешь, Иосиф Павлович, вещи надо называть собственными именами. Скажем прямо, вас в министерстве дальше отдела снабжения и не пустят. Да если бы и пустили, вы сами бы не пошли. В вас еще сильна закваска чинопочитания. А кто такой Борис Павленко? Прославленный бригадир знаменитой Волжской стройки. И совсем не важно, что он будет добиваться материалов для нашей еще малоизвестной площадки. Ассоциации, Иосиф Павлович, великое дело! У министерских деятелей средней руки Павленко еще долго будет ассоциироваться с великой стройкой. И наконец, — Мостовой оторвал взгляд от своей мерно покачивающейся ноги и опять взглянул на растерянного Пирожкова, — наконец, надо же найти применение энергии этого парня...

Понимающая улыбка засияла на обрюзгшем лице начальника отдела снабжения. Он закивал головой и торопливо вставил:

— Так бы сразу и сказали. Я ведь помню ваше выступление на партбюро...

Но Пирожков не успел высказать свою мысль. Мостовой вынул папиросу из портсигара, заговорил жестко, не глядя на Пирожкова:

— Вы, я вижу, ничего не поняли, Иосиф Павлович. Слушайте: стройка нуждается в помощи министерства. Мы прибегаем к помощи рабочего коллектива. Поручаем Павленко большое, очень важное дело. По существу он берет на себя ответственность за выполнение плана. Понятно? Вы дадите ему полномочия, деньги. Ясно?

Мостовой прислушался, в пустой приемной шаги отдавались гулко. Это Павленко.

— Заходи, заходи, Борис, — поднялся он навстречу. — Садись. Мы тут с Иосифом Павловичем решили просить у тебя помощи. Ему сейчас одному не управиться. Ну, я шучу, шучу, — быстро сказал он, заметив недоумение на лице Павленко. — А впрочем, и в самом деле от тебя сейчас зависит многое...

Борис слушал внимательно. Постепенно настороженность, возникшая после первых слов Евгения Аристарховича, рассеялась, и глаза Павленко загорелись.

— Понимаю, Евгений Аристархович. Но как же бригада без меня? Сейчас как раз мы дело одно затеяли, против скалы поход решили объявить.

— Ничего не поделаешь. Надо, — убедительно сказал Мостовой. — Бригада у тебя замечательная, один Виктор Старицкий чего стоит. И без тебя недельку-другую обойдутся, но зато ты... — голос Евгения Аристарховича стал ласковым, — ты для стройки огромное дело провернешь. А заодно и Москву посмотришь, друзей газетчиков повидаешь. У тебя на Волжской стройке их много было. Может, и к нашей привлечешь их внимание. Уже время. Ну, поезжай! — и деловито добавил: — Из Москвы звони. Вечером, прямо домой, без стеснения. Вечером быстрее соединяют.

V

Этот разговор происходил за несколько дней до нашей неожиданной встречи с Борисом в Московском Доме журналиста. В тот вечер я решила посмотреть новый фильм и прямо после работы направилась на Суворовский бульвар.

В вестибюле Дома, как всегда в дни просмотра новых фильмов, было людно. Только что кончился сеанс, и два потока людей встретились, разбились на группы, перекидываясь приветствиями. Встретила знакомых и я. В числе их была Лара Мостовая. Она уже посмотрела фильм и собиралась уходить. Ее спутник принес пальто, и набрасывая его Ларе на плечи, шутливо сказал: «Ларочка, принято знакомить людей».

— Конечно, — сказала Лара, — знакомьтесь, это Костя Веселов, ваш коллега.

«Веселов, Веселов... — подумала я. — Где я слыхала эту фамилию?» И тут же встало в памяти письмо Бориса.

Видимо, в моем взгляде этот высокий, плечистый молодой человек заметил большее внимание, чем того требовало первое знакомство, потому что спросил:

— Мы с вами уже встречались?

— Кажется, мы оба хорошо знаем Бориса Павленко, — сказала я.

На лице Веселова сразу вспыхнуло раздражение. Он хотел что-то сказать, но вдруг через наши головы устремил взгляд на входную дверь:

— Неужели? Да каким же образом...

Эти слова были обращены уже не ко мне.

Я почувствовала, как рука Лары сжала мой локоть.

— Это он, — сказала она, — тот экскаваторщик, который тогда в Волжске... Помните?

Да, это был Борис.

— Вот так встреча! — закричал он, пробираясь через толпу к нам. — А я приехал еще вчера вечером. Звонил вам утром, не застал. — Павленко говорил, обращаясь только ко мне. — Потом встретился со старыми друзьями, — он показал на задержавшихся у входа журналистов.

Костя Веселов смотрел на него в упор, краснея до слез, и Лара, все еще сжимавшая мой локоть, тоже смотрела на Бориса, а на виске у нее отчетливо билась жилка.

— Мы ведь с вами встречались, — сказал Борис, переводя, наконец, взгляд на Лару, — в Волжске.

— Вы все еще там?

Борис не успел ответить. Костя Веселов взял Лару под руку:

— Хоть Павленко и не хочет узнавать меня, но я хорошо знаю его. Пойдемте, Лара.

— Ну зачем же так? — мягко сказал Борис. — Зачем? Может быть, мы все вместе поужинаем?

Лара высвободила свою руку из Костиной.

— До свидания, Костя, — сказала она. — Извините.

Все это произошло неожиданно и быстро. Костя ушел, а мы молча направились в ресторан Дома журналиста.

Как-то получилось так, что за столом я села напротив Бориса и Лары. За шумом голосов в зале я не слышала его слов, обращенных к Мостовой, да и не старалась услышать, погруженная в мысли о том, почему он вдруг приехал в Москву, почему нарушил привычку сразу звонить и рассказывать о своих делах.

Борис имел самоуверенный вид человека, знающего, что он может добиться многого. Таким я его еще не видела.

Лара тоже была возбуждена.

Мы расстались на Арбатской площади. Борис и Лара в нерешительности остановились на углу.

— Пойдемте пешком? — услыхала я вопрос Лары. И ответ Бориса: — С вами я готов идти куда и как угодно.

На другой день я напрасно ждала известий от Павленко. Он не звонил. Во второй половине дня я по делам поехала на Выставку достижений народного хозяйства. Каково же было мое изумление, когда, проходя по залу павильона «Украина», я услыхала знакомый голос.

— Да вы только посмотрите, какой красавицей будет наша ГЭС! Не зря моя бригада перебралась на эту стройку. И что удивительно...

Борис стоял возле стенда Днепровской ГЭС. Рядом с ним была Лара. Луч солнца, пробравшись через стекло потолка, дробился в ее волосах.

В редакции Павленко появился только на следующий день. На мой вопрос, почему он в Москве, ответил уклончиво. Потом, помолчав немного, добавил:

— Я вам потом, позже, все расскажу. Я ведь в Москве долго пробуду. Привет вам передавали хлопцы. — И встал.

— Да подожди, расскажи толком, как дела на стройке, как комплексные бригады? Сколько их теперь? И потом, неужели ты действительно согласен с тем, что ваше предложение преждевременно?

Было мгновение, когда, казалось, Борис начнет рассказывать. Но он смолчал.

— Потом, я же говорю — потом.

И ушел.

А через несколько дней появился в редакции снова. Свежевыбритый, распространяя аромат парикмахерской, с толстой папкой, набитой до отказа бумагами, с букетиком гвоздик в руках.

— Поставьте в вазочку, — сказал он. — Очень пахнут. — И сел, покусывая стебелек цветка, выжидательно глядя на меня. — Наверно, обиделись? — В голосе его звучало сомнение.

— Конечно, нет, — ответила я бодро. — Ну, давай выкладывай все начистоту.

— Какого я человека нашел замечательного! — неожиданно начал он. — Вот человек, это да! Вы когда-нибудь слыхали о «подводной грозе»? Слыхали? Знаете об этом открытии? Ведь это чудо! Меня журналисты вчера водили к изобретателю в лабораторию. Я своими глазами видел, как «подводная гроза» любой материал обрабатывает. Для нашей скалы это настоящая находка.

Буквально за несколько дней до этого разговора я прочитала в газете статью об изобретении инженера Юткина, о значении этого открытия для народного хозяйства. Но о практическом применении его тогда вопрос только ставился.

— Я взял на себя смелость пригласить этого инженера к нам на стройку, — говорил Борис. — Наш скалистый берег — это вам не лаборатория в одной комнатке. Пусть действует!

— А ты согласовал это предложение с руководством?

— Что же тут согласовывать? Изобретатель приедет по командировке своего института. Это же дело государственное. Да наш начальник строительства Евгений Аристархович мне за это приглашение двадцать раз спасибо скажет. Ведь он мне перед отъездом сказал:

«Старайся, Борис, выручай стройку! На тебя вся надежда». А «подводная гроза» — это почище запасиых зубьев для экскаваторов. Может, они иам при ее помощи совсем ие понадобятся.

Укор звучал в его голосе. И я поспешила заметить:

— Да нет, Борис, я согласиа с тобой. Это очень здорово, что ты его пригласил. Но расскажи мне, иаконец, зачем ты приехал в Москву?

— Я вам еще ие сказал? — искреиие удивился он. — Меия в Москву послал Мостовой добывать материалы разные и запасиые части. Он мне теперь доверился. Я ведь вам писал подробно о том, как иаше предложение обсуждалось иа партбюро? Конечио, писал. Вот с тех пор все и началось. Везет мне на начальииков! Да и то сказать — на таких постах нужны люди с размахом.

— Конечно, — сказала я, — конечно. Значит, ты доволеи поездкой? Ну и как идут твои дела в Москве?

— Полным ходом. Вагоиы уже отгружены, с заводами-поставщиками связь налажеиа. Интересная вещь получается, — Борис прищурился, — почему меня в миииистерстве все уважают? В какой отдел не приду, везде могу договориться!

Столько наивного удивления было в этих словах, что я рассмеялась. Засмеялся и Борис, громко, радостно. Видно было, ему все удается, и жизиь кажется прекрасной.

— Ну, а как отнеслась бригада к твоему отъезду?

— Хлопцы сознательные. Я им повторил слова Евгения Аристарховича о том, что стройку надо выручать. Это ведь дело серьезное. Да чего вы так смотрите? Думаете, без меня там они ие управятся?

Мне давно хотелось уговорить Павленко выступить в иашей газете хотя бы с иебольшой статьей о комп-

лексных бригадах, зачинателем которых он был. Я подвинула к нему бумагу, чернила:

— Садись, пиши.

— Да что вы, право! Какой из меня писатель? Я не смогу. Да мне и некогда сейчас, мне...

Фраза осталась недоговоренной.

— Ну, тогда диктуй мне свои мысли, а потом вместе подумаем над ними, напишем.

Присев на кончик стула, Борис пытался сосредоточиться, но на бумагу ложились тяжелые, мертвые фразы.

— Не выходит, — жалобно сказал он. — Лучше я позвоню. Можно?

— Куда?

— На стройку.

— Это необходимо?

Весь долгий час в ожидании звонка наша беседа не клеилась. Я думала о Борисе, он — о Мостовом, а может быть, о чем-то другом. И когда, наконец, Приднепровск оказался на проводе, я, облегченно вздохнув, вышла из комнаты.

Вернувшись через несколько минут, я не узнала Бориса. Куда девалось томление, одолевавшее его весь этот час? Он держал в своих больших руках телефонную трубку и кричал в нее восторженно:

— Значит, высылаете? Так я жду! Все уже отправлено. Запаковано как нельзя лучше. Не за что, Евгений Аристархович! Я и так понимаю. Жду. Хорошо, потом сразу выеду в Горький. Сделаю. Непременно сделаю.

Еще с минуту он внимательно слушал голос в трубке, потом положил ее на рычаг и, покраснев, тихо сказал:

— От имени коллектива спасибо передал мне начальник стройки. Понимаете? От имени коллектива...

Глаза Бориса блестели. Он залпом выпил стакан воды, высунулся по пояс в окно, прошелся по комнате пружинистой походкой, играя плечами, потом присел на кончик стула, но тут же вскочил:

— Не получится сегодня статья. Лучше в другой раз.

Статья была написана позднее. В ней Борис рассказывал о первых шагах его бригады на новом месте, о столкновении с упрямым скальным грунтом, о комплексной бригаде и планах на ближайшее будущее. Большое место в статье занимали новые методы буровзрывных работ с помощью открытия Юткина. Павленко писал в своей статье и о сделанном им предложении инженеру приехать на стройку, провести там эксперимент. Был в статье и откровенный упрек в адрес министерства, вынуждающего руководителей стройки посылать «толкачей» для «выколачивания» материалов. Словом, это была деловая статья, отражающая мысли павленковской бригады.

Статья была напечатана и вызвала немало откликов.

Из Москвы Борис уехал в Горький, но, по моим подсчетам, ему уже пора было вернуться на стройку. Я ждала писем, хотелось узнать, как была воспринята статья коллективом Днепровской ГЭС, как встретили там предложение о приглашении изобретателя.

Однако прошло более недели, а ни звонка, ни хотя бы короткого сообщения со стройки не поступало. Молчал и Борис. Каждое утро я заходила в отдел писем и просматривала новую почту. Наконец, долгожданная весточка от Павленко пришла.

«...Я увидел ее сразу, как только вышел из машины. Стенд с газетами стоит у конторы. Статья так и бросилась мне в глаза. Красиво вы ее напечатали, на самом видном месте. Сердце забилось от радости. Ну, думаю, сейчас Евгений Аристархович мне пожмет руку. Мало того, что я все задания его выполнил, так еще статью опубликовал по самому важному для нашей работы моменту. Ведь если мы применим «подводную грозу», все пойдет как надо со скалой, мы так рванемся вперед, что все удивятся. И насчет министерства удачно сказано. Ну что это за порядки, при которых надо людей со стройки отрывать! Снабжение должно по плану идти. Разве я не прав?

Ну так вот, не скрою, шел я по лестнице конторы гордо, хотелось мне, как козлу, прыгать через три ступеньки, но сдерживался. А перед кабинетом начальника повстречался мне наш секретарь парткома. — «Читал, читал, — говорит, — здорово это у тебя получилось». — «Ну, а как ваше мнение, — спрашиваю, — насчет скалы?» — «Что ж, дело правильное», — и ушел. А я прямо в кабинет к Мостовому. Секретарша как только увидела меня, сразу к нему побежала. Выходит, дверь оставляет открытой и рукой приглашает: пожалуйста, заходи.

Ну, я вошел, поздоровался, как положено. Сделал сообщение о всех делах. Стою. Встал и Евгений Аристархович, вышел из-за стола, потряс мне руку. «Молодец,— говорит,— Павленко. Спасибо. Теперь иди отдыхай, а через день выходи в забой. Бригада твоя тебя заждалась». Я не ухожу, жду, когда он меня про статью спросит, а он молчит. Так ничего мне больше и не сказал. Я распрощался и ушел.

Скажу вам откровенно, ушел не таким веселым, как вошел. Вроде разочарованным. А потом стал думать:

«Может, он еще ту статью не читал? Только ему и дел, что твои, Павленко, статьи читать. Газета ведь только прибыла. Вечером ознакомится, обрадуется. Вызовет, тогда и поговорим».

Ну дома, сами знаете, вопросы: что да как? Сима и ребятишки очень обрадовались. Какое это счастье к семье вернуться, чувствовать, что ты нужен, что тебя любят! Хорошая у меня жена, надежная. В счастливый день я ее встретил.

Потом хлопцы собрались. Рассказали, как работали без меня, а я им про дела свои в Москве объяснил и в Горьком. Тут интересный момент получился с Володей Поповым. Самый молодой он в нашей бригаде. Как только я сказал, что достал запасные тросы, он и говорит: «Вот хорошо! Теперь мы получим их побольше и припрячем. У других порвутся, машины из строя выйдут, а наша будет работать». — «Ты что это, серьезно?» — «Вполне, — отвечает. — У нас ведь соревнование началось между комплексными. По нашему примеру уже десять бригад на стройке организовалось. Не отставать же нам, зачинателям!»

Зло меня взяло. «Ах ты,— думаю,— мелочь такая! Да разве так можно работать, на хитрости?» Но не успел я ответить, Виктор Старицкий взял Володьку за плечи и сказал: «Береги, Володя, честь смолоду».

Насупился, покраснел парень, замолчал. Ничего, потом мы к этому разговору в бригаде вернемся.

Рассказал я хлопцам про «подводную грозу», про то, как она нам помочь может. И вот тут-то разыгралась у нас история. Никогда я не думал, что такое может произойти. Никогда не думал, что так можно меня понять. Разве ж я преследовал свою выгоду? А меня,

оказывается, так поняли. И кто? Друзья мои, за которых я жизнь готов положить. Впрочем, я вам расскажу все подробно...»

По случаю возвращения мужа Сима поставила на стол не только пироги и закуски, но и коньяк. Хлопцы слушали Бориса, не перебивая, медленно потягивая из тонких рюмочек ароматный напиток. И вдруг Виктор Старицкий спросил:

— Что ты за человек, Борис?

Подперев руками подбородок, он пристально посмотрел на друга, словно видел его впервые.

— А ты не знаешь? — Борис, довольный своей поездкой и встречей с товарищами, озорно подмигнул. — Я хороший человек. Трудяга. Рабочий класс. А еще — твой друг закадычный.

Но Виктор все так же пристально смотрел в лицо Борису.

— Чего тебе надо от жизни? Всегда понимал, а сейчас — не понимаю. Сейчас сомневаюсь. Может, ты хочешь ходить выше всех? Или как слепой кутенок тычешься, сам не зная куда?

Сначала Борис слушал с улыбкой, но постепенно до его сознания стал доходить смысл сказанного Старицким.

— Ты что, в своем уме? — хрипло спросил он, тяжело поднимаясь со стула.

— В своем, — ответил Виктор, тоже вставая.

Они стояли друг против друга. Хлопцы, затаив дыхание, смотрели на них. Сима, тихо охнув, прижалась спиной к стене и застыла с широко раскрытыми испуганными глазами.

В голосе Старицкого звучал гнев.

— Ты почему не посоветовался с бригадой, когда задумал писать в газету? Почему не спросил, готовы ли мы выступить с такой статьей?

— Говори дальше. Все говори, — голос Бориса звучал глухо.

— Скажу.

Виктор стоял, опираясь руками на стол. Пальцы его рук побелели от напряжения.

— Скажу. Я не привык молчать. Командуешь, — он не отводил взгляда от бешеных глаз Бориса, — а того не думаешь, как это на бригаде отразится. Все нам в глаза тычут: Павленко за вас все решает, вашим именем распоряжается, вы, как ребятишки малые, за ним, как за мамкой. Много на себя берешь!..

Виктор судорожно пошарил в кармане, вытащил измятую газету и через стол швырнул ее Симе.

— Читай вслух, там карандашом красным отчеркнуто. Читай! А ты слушай, — кивнул он Борису. — Слушай, как это со стороны получается.

Бешенство, только что цепко державшее все существо Бориса, уступило место растерянности. Хлопцы смотрели на него в упор. Только Попов опустил голову, а потом сказал тихо:

— Мы тебя любим, Боря. Мы тебе верим. Мы хотим, чтобы ты был нашим бригадиром. С тобой хорошо работать.

— Ничего не пойму, — сказал беспомощно Борис и сел. — Читай, Сима!..

В тишине комнаты голос Симы, старательно выговаривавшей слова, слегка дрожал.

— «...Я лично уже разговаривал с изобретателем. Он обещал оказать нам содействие в решении этой важной проблемы не только для нашей бригады, но и для

всего строительства.— Сима передохнула, посмотрела из-за газеты на собравшихся, потом продолжала: — А что для этого нужно? Надо, чтобы руководители стройки немедленно связались с автором изобретения, получили у него необходимую консультацию по практическому применению нового метода, изготовили необходимое, причем несложное, оборудование и как можно быстрее применили это новшество на нашей стройке. Мы хотим, чтобы наше руководство обратило внимание и на другой весьма эффективный метод бурения, разработкой которого успешно занимается сейчас один из институтов. Это тоже может сослужить огромную службу и намного сократить сроки строительства ГЭС. Думаю, что наше руководство эти предложения поддержит. Пора кончать с ведомственной волокитой, мешающей быстро внедрять в производство новую технику...»

— Хватит! — крикнул Борис, стукнув по столу так, что рюмки и стаканы с чаем откликнулись звоном. — Я все понял. Испугались? А кто, как не мы с вами, должен говорить? Письмо в министерство насчет сокращения сроков строительства писать не боялись, а тут почему страх напал? Отвечай, Виктор.

Но тот махнул рукой и медленно направился к двери.

— Ну и что ж из того, что писали? — зло крикнул Володя.— Что толку? А теперь и над этой статьей смеются, и про то предложение вспомнили: «Эх вы,— говорят,— затейники, все планы строите, да не выполняете их».

— Кто говорит?! — тяжелые глаза Павленко остановились на Володе. — Кто смеется? Да куда ты, — крикнул он, заметив, что Виктор уже берется за ручку двери, — не пущу!

Борис кинулся к двери, схватил Старицкого в обнимку.

— Не пущу! Может, я в том не прав, что не позвонил вам, не посоветовался. Но Виктор, хлопцы, у нас же с вами одна думка. Мы не для себя хлопочем. Вы ж не знаете нашего начальника строительства так, как я его за этот месяц узнал. Витя, он же только с виду такой холодный, сердце у него для стройки горячее. Не будет у него обиды от этой статьи, не будет, я знаю! Он, как и мы, за стройку болеет, ему ее государство доверило. Садитесь! Сима, давай ставь чайник... Я вам сейчас, хлопцы, все расскажу.

Борис подвигал стулья к столу, усаживал Виктора и, словно боясь, что он опять вскочит, положил ему на плечо руку.

— Вы думаете, я легко на эту поездку согласился? Думаете, у меня душа не болела за бригаду, пока я там по городам разным ездил? Честно скажу, был момент, когда показалось: могу больше, чем ковшом грунт черпать, уж очень все легко мне давалось. Но, хлопцы мои, разве это такой уж грех? Я ж не для себя, для стройки.

— Я да я,— сказал тихо Виктор, стряхивая руку Бориса со своего плеча.— Вот об этом и разговор. Очень уж ты ячишься, Борька. Не по душе мне это, не по душе...

— И напрасно ты думаешь, — вставил свое слово Белин, — напрасно так уж надеешься на Мостового. Не понравится ему твоя статья, как пить дать. И мне бы такая статья не понравилась, будь я на месте начальника стройки. Увидите, хлопцы, — Анатолий оглядел всех, — на бригаде все это отразится...

Поморщившись, словно от зубной боли, Старицкий проговорил:

— Не то говоришь, Толя, не этого я боюсь. Другое на сердце. — Он повернулся к Борису: — За него боюсь. Ну что он один без бригады стоит?

«...Так я с бригадой чуть в конфликт не вошел,— писал Борис.— *Вот что значит от коллектива оторваться.*

Долго мы просидели в тот вечер. Долго я разъяснял свои мысли. Поняли мы друг друга наконец. Как будто разобрались с этим вопросом. Но я всю ночь не спал, все думал. Наверное, хлопцы правы, опять я, видно, зарвался. А вот Симу я не понял. Она все доказывала, что нетактично с моей стороны стройкой распоряжаться, будто я не простой экскаваторщик, а начальник. Так я ж не распоряжаюсь! Вот когда я читал черновик статьи той архитекторше в Москве, вы ее знаете, Ларисой зовут, она мне сказала: «Вы, Борис, поступаете правильно. Это ваше право свои мысли высказывать о стройке». И ей даже в голову не пришло, что начальник стройки может обидеться».

Больше в этом длинном, взволнованном письме о Ларе не упоминалось. Но для Бориса и эта короткая, вскользь брошенная фраза означала многое.

VI

Всю неделю, работая в забое, Борис ждал вызова Мостового. Отчетливо представлял, как входит в кабинет, как сидят они с Евгением Аристарховичем друг против друга и, отодвинув букет, советуются о том, как организовать опытные работы по взрыву скалы новым методом. Приходя домой, первым делом спрашивал Симу:

— Меня вызывали?

Иногда после смены Борис заходил в контору, слонялся по коридорам, словно невзначай заглядывал в

приемную: «Может, секретарша забыла, увидит — вспомнит?»

Наконец, Мостовой вызвал Бориса. Доверительно улыбаясь, сказал:

— Опять нужна твоя помощь, Павленко. Поедешь в Москву, потом на Волгу, к твоему бывшему начальнику. Там стройка свертывается, вот бы нам получить от них экскаваторы. — Он сделал жест рукой, словно загребая воздух. — Ты ведь там свой человек...

— Нехорошо получается, Евгений Аристархович, — сказал Борис. — Бригада у меня сейчас большая. Хозяин ей нужен. Комплекс — дело не простое. Хлопцы обидеться могут. Наверное, к тому же скоро приедет изобретатель. Я бы хотел принять участие...

— Какой изобретатель? — спросил Мостовой. — Ах, это тот, о котором ты писал?

— Так вы читали статью? — Голос Бориса прозвучал слишком громко.

Мостовой слегка поморщился, но продолжал:

— Не волнуйся, это произойдет еще не так скоро. Ты успеешь вернуться.

— А вы пригласили его?

Мостовой будто не услышал вопроса, протянул Борису руку, сказал:

— Желаю успеха. Ты зайди к Пирожкову. Он тебе уже все приготовил.

— Да нельзя мне ехать, Евгений Аристархович! — крикнул Борис. — Нельзя! Вы ведь не знаете...

Когда Виктор Старицкий зашел в постройком, там, кроме Максима Петровича Заболотного, были начальник участка жилищного строительства Симонов и дис-

петчер Коржиков, оба активные общественники. Нещадно дымя папиросами, они настойчиво атаковали председателя.

— Терпение кончается,— говорит Коржиков.— Хоть сам поезжай в Киев, а мне для монтажа световой газеты нужные детали достань. Все дело в этих проклятых деталях.

— Точно,— вторил ему Симонов,— никуда не годится такая постановка дела. Какую конструкцию отгрохали, столько сил затратили, а все собаке под хвост. Да ее уже галки засидели. Просто смех и грех! Ты же профсоюзный вождь. Неужели тебе слов настоящих не хватает, чтобы поговорить как следует с начальником строительства?

Обрадованный приходом Старицкого, потому что теперь можно было прервать неприятный разговор, Заболотный резко сказал:

— Хватит толочь одно и то же в ступе! Сказал, поговорю. Вам это дело весь свет застило, а у людей ваша газета не единственная забота. С делом или просто так зашел? — обернулся он к Старицкому.

— Есть вопрос, — ответил Виктор. — Я вот хочу спросить, почему вы против нашей бригады действуете?

— Что?!

Виктор спокойно продолжал:

— А как же иначе понимать вашу позицию молчания, когда бригадира нашего опять в дальнюю командировку посылают? Вы же, конечно, понимаете, что комплексная бригада — это не так себе, не шуточки?

— Правильно! — вмешался Коржиков. — Правильно человек говорит. Какого черта парня с толку сбивают? Ему работать надо, а его ловкачеству учат...

— Не знаю, не знаю, — раздумчиво ответил Заболотный. — Пока я ничего дурного в этих поездках не вижу. И в действиях Пирожкова ничего зловредного не нахожу.

— Не Пирожкова, а Мостового, — хмуро поправил Старицкий. — Пирожков только документы выписывает.

— Ну, допустим. Это дела не меняет. Да что вы, на самом деле, без бригадира месяц не поработаете? Можно подумать — дети малые. И поработаете, и, уверен, урона никакого не понесете.

Но чем дольше говорил Заболотный, тем, казалось, его самого все больше одолевали сомнения. Распростившись со Старицким, он долго думал о разговоре с ним. Действительно, нехорошо получается. Бригадир от коллектива может оторваться. Но как поступить? Вмешаться в распоряжение начальника строительства? А может, это в последний раз, и Павленко больше никуда не пошлют? Надо будет сходить в бригаду, поговорить с хлопцами, чтобы разлада не получилось.

Когда вечером, размышляя об этом, Заболотный шагал к дому, навстречу ему из-за угла вышел Мостовой.

Они пошли рядом, и Мостовой молча выслушал рассказ своего спутника.

— Ну и что? — спокойно заговорил он. — Что, собственно, случилось? Ну, прибежал к вам Старицкий, вспылил. Подумаешь, бригада недовольна! Но вы, Максим Петрович, вы ведь должны понимать, что Павленко стройке нужен. Нужен, как дельный, ловкий человек, умеющий добывать необходимые нам материалы. И для него самого эти командировки отнюдь не лишние. Закон охраняет его интересы. Ему выплачивается сред-

ний заработок и, кроме того, командировочные. Так что для вашего беспокойства, по-моему, оснований нет.

Не желая, видимо, продолжать разговор, Мостовой попрощался и ушел.

Домой Максим Петрович пришел злой. Открыв в ванной комнате сразу оба крана с горячей и холодной водой, долго смотрел, как пенится вода. Жена удивленно просунула голову в дверь:

— Что с тобой, Максим?

Очнувшись от раздумья, Заболотный тихо ответил:

— В конструкторском бюро мне было легче. Чертежи — это одно, люди — другое...

VII

Борис даже не подозревал, сколько разных людей тревожилось из-за его командировки. Встреча в Волжске со старыми друзьями, со стройкой, на которой он пережил так много радостных дней, взволновала его.

«Господи! Как легко дышится здесь, на Волге. Никогда не думал, что от знакомого места, от чудес природы у человека взрослого сердце может прыгать, как у дитяти малого. Все мне здесь мило. А пуще всего — люди.

Вот сейчас начинаю думать, что не надо было мне трогаться из Волжска. Вылез вперед других, а теперь каюсь. Впрочем, все это не совсем верно. Просто тоска на меня навалилась сегодня от того, что все здесь работают дружно, все без меня обходятся, а я без них себя чувствую не на месте. Может, это от разговора

вчерашнего с Иваном Васильевичем? Знаете, какой у нас с ним разговор был задушевный? Я уже отвык от такого, может, поэтому он меня особенно за душу взял.

Перво-наперво говорили о моей работе. Я ему все выложил. И про то, как в министерство писал, и про статью. Впрочем, статью Комазов сам читал раньше. Он тоже про «подводную грозу» знает и очень интересуется этим делом. Для скалы, говорит он, это очень интересно. И даже удивился, когда я сказал, что до сих пор инженер тот к нам не приехал. «А я думал, что ты по готовой дорожке идешь, Борис», — сказал. Стал волосы на голове ерошить. У него такая привычка, когда он задумается. И про заседание партийного бюро он меня расспрашивал. Про то, как я там выступил. «Правда, — спросил, — ты признал, что поспешил со своим предложением?» — «Правда», — говорю.

Посмотрел он на меня внимательно и говорит: «Торопыга ты, торопыга». А когда узнал, зачем я приехал, даже головой покачал. «Не нравится мне это, — сказал, — не нравится. Опасно тебя, Борис, пускать в такие командировки. Ты и ко мне в кабинет зашел не так, как всегда, а этаким ухарем. А как же ты в другие кабинеты заходишь? Шапки не снимаешь?»

Ну, это, конечно, он в шутку сказал, а я его понял и задумался крепко. И в самом деле, зачем мне надо быть толкачом? Ведь как не кинь, а я сейчас толкач, не более.

И еще Иван Васильевич одно слово сказал насчет бригады. — «Ты подумал о том, Павленко, что пока ездишь, за тебя в забое другие работают и среднюю тебе неплохую зарабатывают? Ведь так нельзя. Тебе еще об этом не говорили?»

Хотел я ему рассказать про то, как я с хлопцами тогда, после первого приезда из Москвы, поссорился, да удержался. А Иван Васильевич только глянул на меня и все понял. «Ну, ладно, — говорит, — сам понимаешь, что хорошо, что плохо. И для того, чтобы покончить с твоими поездками, я тебе помогу все достать. Только на этом — все!»

Ах, какой это человек! На большое его хватает, и на малое. Помните, я вам как-то писал, что министр мне после перекрытия Волги обещал разрешение дать на покупку машины? Я и надеяться не смел, а Иван Васильевич вспомнил. «Я, — говорит, — когда в Москве был в последний раз, напоминал министру о его обещании. Так что ты, Борис, зайди к его секретарю».

Может, и вправду будет у меня машина? Тогда я из Москвы своим ходом поеду на Днепр. И по дороге непременно заеду на свою родину. Пусть односельчане посмотрят, каков стал их Борис Павленко, пусть мать моя старая погордится сыном».

Не понравился мне конец этого письма. Слишком суетлив в нем был Борис, хвастлив, нервозен. Но отвечать было некуда. Борис сообщал, что в Волжске он пробудет недолго, а потом поедет в Одессу и только оттуда заедет в Москву.

В эти дни ко мне в редакцию пришла Лариса Мостовая.

Разговор наш получился сумбурным. По существу, говорила одна Лариса. Говорила тихо, спокойно, но с огромным внутренним напряжением. Кто он таков, Павленко? — спрашивала она. — Какие у него взаимоотношения с ее отцом? Действительно ли Борис любит жену? И какая она — умная, красивая?

Конечно, все эти вопросы задавались не в той последовательности, в которой я привожу их. Они перемежались длинными отступлениями о жизни самой Ларисы, о ее пребывании на площадке Днепровской ГЭС, о поселке, который создал отец, наконец, ее собственными мыслями о статье Павленко и его предложении ускорить строительство гидростанции.

Если бы кто-нибудь прислушался к нашей беседе, подумал бы, что журналист беседует с очередным автором. Но прислушиваться было некому, в редакции давно окончился рабочий день, а я понимала, что за каждым произнесенным словом девушки стоит другое, невысказанное.

В комнате стемнело. Я спросила тихо:

— Вы любите Бориса?

— Не знаю, — ответ прозвучал неуверенно. А потом, словно не было предыдущего туманного разговора, Лариса сбивчиво заговорила:

— Не знаю. Но сейчас, без него, мне плохо. Когда он был рядом, я не думала, я не разрешала себе думать, что будет дальше. Мне просто было радостно. А теперь каждую минуту, днем и ночью, он передо мной, рядом со мной. И я понимаю, что я ему совсем не нужна, но... Конечно, разве есть у меня право вторгаться в его жизнь? Даже письма он мне не написал, ни строчки.

Было трудно отвечать девушке, но и молчать нельзя. Я коротко рассказала ей все, что знала. О встрече Бориса с Симой, об их любви, верности. Вспомнила однажды сказанное Борисом: «Сима намного лучше меня, чище, яснее. Я когда встретил ее, потянулся, словно к звездочке ясной»...

— Любит он жену, Лара, — заключила я, — любит крепко, на всю жизнь.

Свет внезапно вспыхнувшей лампочки, не защищенной абажуром, жесткий и прямой, упал на голову Ларисы и раздробился.

— Вы домой? — Она смотрела на меня, словно провинившийся ребенок. — Выйдем вместе?

У подъезда мы, не сговариваясь, остановились, протянув друг другу руки.

— До свидания, — сказала я.

— До свидания, — ответила Лара.

Дома меня ждали два письма от Павленко, оба со штампом Одессы. Я удивилась. Обычно он писал в редакцию.

Конверты были толстые. Из одного выпала фотография. Она явно не удалась. Лицо Бориса казалось приплюснутым, несоразмерно широким. Только глаза смотрели живо, открыто и весело. На обороте надпись: «Сфотографировался для пропуска. Попросил увеличить. Решил послать вам. Пусть будет на память. Борис».

Оба письма были без даты, когда они писались, установить было трудно.

«Пишу вам из гостиницы, ночью. Весь день бегал по стройкам, устал страшно. Но пока бегал, это была просто усталость физическая, сейчас же, когда остался один в комнате, чувствую, что устал по-другому. Что же это делается, и до каких пор так будет продолжаться? Почему я, как барышник, должен для государственной стройки выторговывать у начальников таких же государственных строек запасные детали? И ведь разговор-то какой идет: «Мы — вам, вы — нам». Конечно, когда я уезжал, мне наш начальник снабжения Пирожков дал списочек, что на что можно менять. Но дело-то ведь не в этом! Противно!

И еще интересовался я тем, как работают здесь экскаваторщики. Честное слово, сердце заболело. «Соревнуетесь?» — спрашиваю одного. «А кто его знает? Вроде, да». — «Так ведь итоги подводятся?» — «Кто выполнил норму, тот, говорят, победил». — «По наряду работаешь?» — спрашиваю опять, а сам чувствую — сейчас заведусь. «Как попало, — отвечает. — И по наряду, и по ставке». — «Много кубов за смену даешь?» — «Когда как, — отвечает равнодушно. — Транспорт есть, и 260 могу дать, а транспорт подводит, так и на 90 сижу». — «А бригады комплексные есть у вас?» — спрашиваю. «Не слыхал о таких».

Ну что мне было делать? Рассказывать про то, как мы в Волжске и на Днепре организовывали комплексные бригады? Так он вряд ли меня слушать станет. Экскаватор у него грязный, разболтанный. Наш уже пятый год без капитального ремонта живет. У него машина моложе нашей намного, а на вид старая.

Поглядел я на этого машиниста и отошел. Страшно обругал его в душе за равнодушие к делу. А сейчас вот думаю: один ли он виноват? Нет, не только, хотя и с него спрос большой, он же хозяин на своей стройке. Но еще должен быть спрос с начальников. Ведь труд людей надо организовать. А кто это делать должен? Руководители. Они должны подумать и о транспорте, и о подъездных путях, и о внедрении передового опыта. Ну, откуда ему знать, этому машинисту, что на Днепровской стройке нашли решение — комплексные бригады? Ведь ему об этом не докладывают. А то, что я в вашей газете писал, так он, может, и не видел того номера газеты.

Конечно, и о совести рабочего человека я подумал сейчас. Разве мы раньше мало ждали самосвалов? Разве мы не сидели возле машины, покуривая? Сидели. И

могли прекрасно продолжать сидеть, потому что наш личный заработок от этого не страдал. У нас, вы знаете, — скала. Для нас всякие коэффициенты имеются. Но мы же этого с хлопцами не захотели. Мы не допустили себя до такого позора, добились, чтобы простоев не было и работа шла, как надо. Так какого же черта этот экскаваторщик распустил нюни и сидит, как бедный родственник? Спрашиваю его: «Сколько ты в прошлом месяце вынул грунта?» — «Не знаю», — отвечает.

Нет, так жить на свете нельзя. Нельзя! И кто-то ведь должен будить таких людей? И от этого мне стало обидно за себя, за свое поведение. Ну чего я сижу сейчас в гостинице, а завтра вечером опять буду сидеть, а днем бегать — торговаться, когда хлопцы мои работают и столько еще надо сделать на стройке...»

Письмо на этом обрывалось. Видно, Борис так и не дописал его в тот вечер, а наутро сунул в конверт и отправил.

Второе письмо по существу было продолжением первого.

«...Все-таки я не стерпел и зашел сегодня в Управление строительства, где работает машинист экскаватора, о котором я вчера начал рассказывать. Маленькое СМУ, никудышное. И работы мелкие. Понятное дело, экскаваторы у них простояли в прошлом году больше десяти тысяч часов. И потеряли они на этом около миллиона кубометров грунта. Это ли не бесхозяйственность, я вас спрашиваю?

Ну, конечно, начальник планового отдела спросил, почему я цифрами интересуюсь, кто я есть таков. И удивился до чрезвычайности, когда узнал, что я простой

экскаваторщик. Хороший такой мужик оказался. Мы с ним разговорились. Конечно, многое происходит у них, как я вам говорил, от неорганизованности. Ну, какой может быть толк, если экскаваторы у одного хозяина, а самосвалы у другого? А здесь именно так. И опять я вспомнил о нашем письме в министерство. Ведь правильно мы писали — нельзя дробить хозяйство. Какой толк, если на одной стройке множество управлений и все они из себя хозяев строят?

Поговорили мы с плановиком по душам. Я его спрашиваю: «А что вам мешает хозрасчет внедрить, организовать комплексную бригаду?» И стал ему рассказывать, как мы у себя сделали. Конечно, он сразу понял выгоду, но говорит: «Хлопотное это дело». А по-моему, хлопот бояться не надо. Работа в комплексных хозрасчетных бригадах выгодна? Безусловно! Ну, тогда берите этот опыт и внедряйте. Так я и сказал ему прямо. А он засмеялся: «Ты это говори не мне, а кому повыше».

Что касается моих дел командировочных, то все в порядке. Задание я и по Волжску, и по Одессе выполнил с превышением. Возвращаюсь домой, словно коробейник. Но больше ехать по таким делам не собираюсь. Пусть меня уговаривают, все равно не поеду. Хватит. Пора за рычаги браться. И еще хочу вам сказать: голод на запасные части надо ликвидировать в корне, а не перетаскивать эти части с одной площадки на другую. Это похоже на «Тришкин кафтан». И потом надо бережнее относиться к ним. Ведь если бы каждый аккуратно работал, то и требовалось бы их меньше. Правильно я говорю? Может, наивно рассуждаю, но тут наглядно с этим делом столкнулся и вижу бесхозяйственность вопиющую.

Удивляюсь я, почему, когда вам письма пишу, то про разное думаю? На словах, лично, так не получается откровенно. Да ведь правду сказать, и поговорить-то нам с вами как следует некогда. Все в спешке да в спешке. Может, приехали бы все-таки к нам на стройку?»

И приписка: *«Сима моя вам очень обрадуется. До чего она у меня к людям желанная! Ее все хлопцы мои уважают. Крепко я люблю ее.*

Тут у меня был случай. Познакомился с одним командировочным из Ростова. Молодой, здоровый парень, веселый. Поужинали мы с ним, выпили, а потом он и говорит: «Давай сходим погуляем, у меня в Одессе есть знакомые девушки. Повеселимся!»

Я отказался, а он посмотрел на меня так презрительно, говорит: «Я думал, ты парень настоящий. Нашему брату, женатику, только и поразвлечься немного в командировке. Дурак ты!» — и ушел.

Черт с ним! Думаю, мои установки более правильные. Не могу я и не хочу себя разменивать. Низко это. Я когда о Симе вспоминаю, у меня руки болеть начинают, так хочется мне ее обнять. Разве ж кто-нибудь может заменить мне ее ласку? Да и потом не привык я в душу человеческую плевать, а разве такое вот «гуляние» не тот же плевок? Верно я говорю? Да зачем спрашивать, я сам знаю, что верно».

Эти письма словно подвели черту под моими недавними волнениями и сомнениями. В них было столько настоящего гражданского беспокойства и раздумья, что я сразу повеселела. «Нет, Борис — настоящий парень, — подумала я. — Павленко — настоящий!»

Прошло более месяца. За это время я побывала на стройках Средней Азии. Была в Голодной степи и на Туркменском канале. Сознаюсь, всякий раз, сталкиваясь там с экскаваторщиками, я мерила их меркой Бориса. Его мысли о бережливости, о рабочей совести, о комплексных бригадах я проверяла на мнениях других рабочих. И всякий раз убеждалась, что мысли эти правильные, так думают многие передовые строители.

До знакомства с Борисом я знала немало рабочих парней. Знала и писала о них. Но писала по заданию, знакомилась по заданию, разговаривала, держа в голове конспект будущей статьи. Борис же и его товарищи по-новому раскрыли передо мной духовный облик нашего советского рабочего человека. И я острее почувствовала, почему наша страна движется вперед такими гигантскими шагами, почему никогда и никто не сможет остановить ее движение вперед. Павленко словно стал для меня символом огромной потенциальной энергии рабочего класса, той энергии, которая, однажды потрясши мир, только одна способна перестроить жизнь на всей планете.

Вероятно, эти слова звучат несколько выспренно. Но, честное слово, Павленко и его друзья были для меня той «живой водой», о которой мечтали сказочники.

Одного я до сих пор не понимаю, почему многие журналисты хотят видеть героя наших дней (а именно таким я считаю Павленко) человеком без человеческих слабостей? Этаким ангелочком, за спиной которого трепещут прозрачные крылья, который говорит, думает и действует по прописным истинам, все время сохраняя безмятежное выражение глаз и состояние духа?

Может быть, и есть такие, не знаю. Мне они не попадались. По-моему, вечная безмятежная улыбка —

признак отсутствия мысли. Ну, а как же без мысли творить, бороться, переделывать мир?

Нет, нельзя отнимать у героя нашего времени права на поиск, на томление духа, на невольные срывы и падения. В процессе борьбы с самим собой человек растет, мужает, черпает силы для душевной зрелости. Так было с Борисом.

VIII

Некоторое время писем от Павленко не было. Но я узнала, что на площадке ГЭС готовятся к перекрытию Днепра, и решила, что, вернувшись из командировки, Борис наверстывает упущенное. Его молчание не тревожило, тем более, что редакция в августе намеревалась послать меня на Днепровскую стройку.

Не спеша, я готовилась к поездке: сходила в министерство, собиралась побывать в проектной организации, где работала Лара Мостовая. Но Лара позвонила раньше.

— Мы давно не виделись, — сказала она. — То вы уезжали, теперь я отправляюсь в путь. В Свердловск, на Урал, — добавила она, не дождавшись моего вопроса. — Ну, а вы как поживаете?

Лара говорила так, словно встречи были в равной степени необходимы для нее и для меня. Она задала несколько незначительных вопросов и повесила трубку. «Ну и пусть едет на Урал, в Сибирь, куда угодно. Может, на этом и кончится ее увлечение Борисом», — я думала об этом, когда неожиданно открылась дверь и в редакцию вошел Борис. Лицо его сияло. Подойдя к

моему столу, он вместо приветствия таинственно зашептал:

— Посмотрите в окно, посмотрите.

На тротуарах Художественного проезда, как всегда, много людей. Возле подъезда редакции стояло несколько легковых машин. Из кафетерия, что напротив, зачем-то выносили стол. Все было буднично, обычно. Я с удивлением посмотрела на Павленко.

— Видите? — прошептал он мне на ухо. — Возле МХАТа стоит голубой «Москвич». Новенький! Только что получил номер на него. Купил за наличные. Сима по телеграмме сняла с книжки все до копейки, да я еще попросил взаймы у ребят из своей бригады. А все Иван Васильевич. Я ведь вам писал, что он советовал мне: «Зайди в министерство, там тебе приготовили наряд». Я приехал, и порядок! В три дня все устроил. Теперь я на стройку своим ходом поеду.

— А почему ты опять в Москве? — спросила я, перебивая поток стремительных слов.

Видимо, в моем тоне Борис почувствовал раздражение. Словно просыпаясь от сна, он провел ладонью по лбу и медленно пошел к столу.

— В Москве? — переспросил он вяло. — Да все по тем же делам, для стройки...

— Ты же писал, что больше не поедешь.

— Мало ли что писал, — он взял со стола авторучку, казалось, внимательно разглядывает перо, — мало ли... Да что говорить, — вдруг обозлился он, — не все так просто получается, как думаешь.

Он встал, и, тряхнув головой, протянул мне руку ладонью вверх:

— А я думал, вы порадуетесь, думал, покатаю вас. Ладно. Я еще зайду сегодня. К концу дня.

Он действительно пришел к концу дня. Мы вышли из редакции.

В сквере у Большого театра приторно пахли поздние гвоздики. Солнце село, но город еще был прогрет насквозь, и асфальт мягко проседал под острыми каблуками. Борис сидел, опершись на спинку скамейки. Уставившись невидящими глазами на светящуюся рекламу кинотеатра «Метрополь», глухо говорил:

— Сам чувствую, получается плохо. Главное — бригада в обиде. Мы, говорят, вкалываем, а ты катаешься. И правильно говорят. Справедливо. Потом за этот год на нашей стройке людей прибавилось. И все едут и едут. Скоро меня узнавать перестанут. Вернусь как-нибудь в поселок, а меня спросят: «Вы кто такой, гражданин хороший?»

— Откажись от поездок.

— Не слушает Евгений Аристархович. Всякий раз говорит: «Это последнее задание». Всякий раз «последнее», а за «последним» самое последнее следует, самое важное.

— Может, тебе самому нравится ездить?

— Есть и такой момент. — Борис переменил позу, наклонился вперед, опершись локтями о колени. — Очень удается мне все. И это лестно. А разве вам будет не любо, когда главный редактор позовет и скажет: «На вас вся надежда. Материал нужен в номер, иначе и газета не выйдет». — Борис прищурился и посмотрел на меня. — Правильно я говорю? Сможете вы отказаться? Нет. Всякому лестно знать, что он нужен. И каждый будет стараться изо всех сил, если дорога ему работа, как мне стройка. Будет?

Но я не сдавалась:

— Может, перейдешь в отдел снабжения?

— Что вы?! — словно судорога прошла по плечам Павленко. Он выпрямился. — Нет, я не могу без машины, без бригады.

— Как же быть?

Он помолчал. Потом сказал:

— Не беспокойтесь. Мостовой обещал, что это окончательно последняя командировка. Сказал твердо: «Едешь в последний раз, Москва — Свердловск — и домой». А я как только вернусь, так заверну дело в бригаде, что небу жарко станет. У меня такие планы!

— В Свердловск? На Урал? — переспросила я.

— Да, — сказал Борис, не заметив настороженности моего вопроса, и продолжал свою мысль. — Мы с хлопцами решили со скалой такой опыт сделать...

Но я уже поборола смутное беспокойство, родившееся от слова «Урал», и перебила Бориса:

— Это с изобретателем вы на скалу решили обрушиться? Был он у вас на стройке? Или и сейчас на Днепре?

— Не приезжал инженер этот, — Павленко снова сник. — Евгений Аристархович считает, что у нас объемы маловаты для такого всесоюзного эксперимента. Но мы с бригадой решили, — продолжал он, немного помолчав, — самим с этой проклятой скалой управиться. Теперь моя поездка — последняя, — снова вернулся он к беспокоящей его мысли. — Последняя. Начальник слово дал!..

«Что же я молчу? Почему не спрошу Бориса, знает ли он, что Лара — дочь начальника стройки, или не обратил внимания на одинаковость фамилий? А может быть, уже и не надо спрашивать? Может, давно все кончилось и вопрос мой прозвучит совсем неуместно?»

Борис, словно подслушав мои мысли, встал, сорвал с дерева листочек и, разминая его в руках, сказал, глядя поверх моей головы:

— А вы-то мне ничего не сказали.

— Я думала, ты знаешь.

— Теперь знаю, — все так же глядя поверх моей головы, тихо сказал Борис. — А лучше бы знать раньше...— Он решительно сел рядом. — Впрочем, это неважно. Она мне письмо прислала с отцом. Ничего в том письме особенного не было. Просто спрашивала, как идут дела, когда в Москве буду. Не знаю, читал это письмо Евгений Аристархович или нет, но отдал с улыбкой. И сказал: «Я не знал, что у тебя, Павленко, в Москве столь обширные знакомства». И все. Больше ни слова. А я... Ну да хватит об этом. Главное — еду в командировку в последний раз. Больше он меня не пошлет.

В голосе Бориса мне послышалась угроза.

IX

Я приехала на Днепровскую стройку в то время, когда Павленко был в Свердловске. Отправляясь в дорогу, подумала, что, пожалуй, это к лучшему. Без него мне будет легче узнать по-настоящему о его положении на стройке, проще найти общий язык с теми, о ком он так много рассказывал.

Странное чувство испытала я, выйдя из поезда. Все было новым, впервые увиденным и в то же время очень знакомым. Мне казалось, я уже ехала этими полями, ходила по прямым улицам поселка гидростроителей, сидела в просторном, до блеска чистом кабинете началь-

ника стройки. Видимо, рассказы Бориса, его письма, в которых он подробно описывал и поселок, и свое пребывание на стройке, способствовали этому. Единственное, к чему я оказалась неподготовленной, была встреча с Евгением Аристарховичем Мостовым.

Когда я вошла в кабинет, из-за стола поднялся и пошел навстречу высокий, по-молодому стройный, улыбчивый человек. На лице его не было и тени надменности. С живым интересом вглядывался он в лицо корреспондента столичной газеты.

Мы поздоровались. Махнув рукой в сторону кресел, стоявших у стола, Евгений Аристархович открыл дверь в приемную и сказал секретарю:

— Я занят. — Голос его прозвучал спокойно и мягко.

Потом мы курили, говорили о том, как я доехала, о новостях в министерстве. И вдруг неожиданно, очень доверительно Мостовой заметил:

— Печать уважаю. Но газетчиков стараюсь избегать. — Он посмотрел на меня чуть насмешливо. — Вы спросите, почему? Не люблю сенсаций. Знаю силу и слабость вашего брата. Ведь так легко перетянуть чашу весов в ту или другую сторону. На каждой стройке можно найти и хорошее, и плохое. Все зависит от того, какой пучок света направить на то или иное явление. Вы согласны со мной? Но вашему приезду рад. Искренне рад. Сенсаций у нас не ищи́те, их нет, но помощь ваша нужна по-настоящему. Хотите нам помочь? Нам — значит коллективу?

— О какой помощи вы говорите?

Взгляд начальника строительства, открытый, удивленный, показал всю неловкость моего вопроса.

— Послушайте, — сказал он, выходя из-за стола. — Послушайте внимательно. — Мостовой сел напротив ме-

ня, но не в кресло, а на его мягкую, покатую спинку, упираясь одной рукой в полированную поверхность стола. — Пора напомнить общественности о нашей площадке. Я не торопыга, не фразер. Но сейчас мы готовы к показу. Тылы подтянуты. Комплексные бригады подняли производительность труда. Я прошу вас дать мне возможность выступить в вашей газете. Я хочу выступить с предложением о сокращении сроков строительства...

И тотчас вскочил с кресла, зашагал по кабинету.

— Я вас не тороплю. Вы обязательно сами должны убедиться в том, что мое предложение имеет под собой крепкую базу. Я прикреплю к вам грамотного инженера, он все покажет на площадке. А если хотите, знакомьтесь сами.

— В министерстве мне говорили, что вопрос о сокращении сроков строительства вашей ГЭС уже поднимался однажды, но, кажется, именно вы были против?

Вопрос был лобовым. И все же Мостовой с непостижимой ловкостью ушел от него. Теперь он уже стоял возле стола, быстро набрасывая карандашом на клочке бумаги какие-то цифры.

...— Можно сказать с уверенностью, — продолжал он говорить, — что с этой задачей мы справимся.

Он жестом пригласил меня подвинуться ближе.

— Смотрите. Опыт строительства ГЭС говорит, что...

Далее последовали цифры и выкладки. Все выглядело убедительно, обоснованно. Голос Мостового звучал спокойно, уверенно.

— ...Впрочем, зачем я вам сейчас все это рассказываю? — прервал он себя. — Гораздо правильнее вернуться к этому разговору после того, как вы познакомитесь с нашей площадкой, узнаете людей. У нас есть замечательные бригады.

«Сейчас он назовет и фамилию Бориса», — подумала я. Но Евгений Аристархович не назвал никаких имен. Он откинулся в кресле, помолчал.

— Итак, я надеюсь, моя статья будет в газете? — глаза его блеснули.

Корреспондента «своей», отраслевой газеты встречали приветливо. И в постройкоме, и в партийном комитете рассказывали о перестройке бригад, о соревновании между ними.

— Вот возьмите с собой документы, — любезно предложил секретарь партийного комитета Петр Александрович Петров. — Зачем зря время терять на переписку? Тут все фамилии передовиков. Вечером на досуге почитаете.

Список был длинный и составлен по алфавиту. Я поискала фамилию Павленко. Ее не оказалось.

— Странно, — заметила я.

— Вы о чем? — спросил Петров.

— Не вижу Павленко. Разве его бригада не соревнуется? Ведь он выступал у нас в газете со статьей. Я была уверена, что он инициатор комплексных...

— Да, верно, — проговорил Петров. — Читали мы эту статью. Дельная. И действительно именно павленковская бригада первой преобразовалась у нас в комплексную. Да и сейчас она тоже в соревновании участвует. Только вот бригадира нет на стройке. Бригадир все время в командировках находится, — он внимательно посмотрел на меня. — Чью же фамилию ставить? Его заместителя? Но ведь это подмена бригадира. Павленко может обидеться и будет прав. А его фамилию ставить — тоже неверно. Его же фактически нет на площадке. Мы

с председателем постройкома иа эту тему беседовали, советовались и даже спорили. Ои возражал. Но ведь не прав был товарищ Заболотный.

— Павлеико сам просится в комаидировки? — спросила я.

— Формальио иет, — Петров погрустиел. — Два раза даже ко мне приходил. Просил поговорить с начальииком стройки, чтобы тот его больше ие посылал. Пытался я поговорить с Мостовым иа эту тему, но ои только рукой махнул: «Мы с Павлеико сами разберемся». Да я и сам думаю, что Борису ездить по комаидировкам нравится, — добавил Петр Алексаидрович.

— Значит, вы считаете его отказы формальиыми?

— Да. По-моему, для формы все это он делает. Если бы действительио ие захотел по комаидировкам ездить, мог бы решительио сказать товарищу Мостовому: «Не поеду, и все!» Он вои какой! С иеба звезду сорвать может. А раз ие говорит так, зиачит, доволен. Вы вот поговорите с товарищами из его бригады...

Встречаясь с людьми, я все больше убеждалась, что иевеселая шутка Бориса — «Приеду на стройку, спросят: «Ты кто такой, пареиь?» — уже почти стала действительиостью. За год коллектив строителей вырос вдвое. Бригады соревиовались, все новые имена иазывались среди передовиков. И те, кто приехал позже Бориса и его бригады, спрашивали:

— Какой ои из себя? Не тот ли высокий пареиь в белом костюме? Такой кудрявый, веселый... Кажется, агеит по сиабжеиию?

Комаидировка моя складывалась ие очень удачио. Виктор Старицкий, с которым я рассчитывала обстоятельио поговорить, уехал в отпуск. В отпуске был и Алексей Татреико. Правда, я иесколько раз встречалась

с остальными хлопцами из бригады Бориса, но доверительной беседы у нас не получилось. Они отвечали на мои расспросы уклончиво.

— Теперь Борис машину занмел, — сказал Володя. Но Анатолий Белин дернул его за рукав. — Да я ничего не говорю, — огрызнулся тот. — Машина — вещь нужная.

Дни мои тоже проходили не так, как хотелось. Уже с утра возле коттеджа, отведенного для приезжающих, останавливалась машина Мостового, и я слышала мягкий украинский говор Ганны, хозяйки этой импровизированной гостиницы:

— Ну чего ты приихав так рано? У меня яишня еще не зажарена. Та невже нельзя людини спокойно поснидать? А може, ты тоже есть хочешь? — смягчалась она и, шлепая босыми ногами по крашеному полу, уходила на кухню.

Пути мои каждый день словно были кем-то намечены заранее. Прежде всего ехали на дамбу, где шла отсыпка грунта, потом в карьер, на завод железобетонных деталей, на пристань, откуда моторка увозила меня на дальний берег, где тоже велись работы.

Два раза за эти дни мы заезжали в контору за Мостовым и отправлялись в город, на совещания в обком партии. Мостовой выступал сдержанно и сдержанно улыбался, слушая похвалы в свой адрес. Со мной он держался отчужденно, словно и не было того разговора в кабинете.

От бесконечных поездок, сверкания водной глади, солнечных пятен на выжженных солнцем дорогах, массы новых впечатлений к вечеру я уставала до изнеможения. И когда машина останавливалась у калитки коттеджа и в окне я видела круглое смеющееся лицо «хозяйки», мне казалось, что я вернулась домой.

Единственное из задуманного, что уже удалось осуществить, — это познакомиться, наконец, с женой Павленко, Симой.

На второй день после приезда, к вечеру, никого не спрашивая о дороге, я направилась наугад по переулкам поселка, стараясь ориентироваться по приметам, запомнившимся из писем Бориса. Ну, конечно же, это его дом, дверь, покрашенная желтой краской. Теперь надо подняться по лестнице и нажать кнопку звонка на двери слева.

— А я вас ждала еще вчера, — сказала Сима, пожимая мне руку. — Мне сказал Володя, что вы приехали, он в конторе был, там от шофера услышал. Обида-то какая, что Бори нет на стройке! Уж как он будет жалеть, что вы разминулись с ним!

Говоря это, Сима стояла у раскрытой двери в комнату, где виднелся стол, покрытый пестрой скатертью, и стоял мягкий диван.

— Сюда или сюда? — спросила она сама себя и, засмеявшись, ответила: — Давайте лучше устроимся в нашем «кабинетике». Хорошо?

Удивительно, как красила эту невысокую полную женщину улыбка. Свежий рот выгодно оттенял белые, плотно посаженные зубы, смеялись ямочки на щеках, смеялся полный подбородок.

— Мы с Борей так называем эту комнатку, а фактически это наша спальня, — продолжала она говорить, быстрыми движениями складывая в стопку разбросанные на столе школьные тетради, подвигая пепельницу и как-то мягко, очень мягко подталкивая меня к столу и сама усаживаясь напротив:

— Ну, рассказывайте, пожалуйста.

Собственно говоря, рассказывать надо было не мне—

Симе. Но я не успела сказать ей это, как оиа сорвалась с места и, все так же улыбаясь, всплесиула руками:

— Господи, да чего ж это мы с вамн уселись за пустым столом! Одну миниуточку...

Слышно было, как она хлопиула дверцей холодильника, как зашумела вода в кране, вспыхнула газовая горелка. Пока Сима стучала на кухие посудой, я стала рассматривать книги в шкафу Бориса.

Четыре полки былн плотио забнты подписиыми изданиями. Я узнала вишиевые корешки собраиия произведеиий Маяковского, бледно-желтые переплеты — Алексея Толстого, зелеиые с черной лентой тома — Анатоля Франса. На пятой полке теснилнсь различные учебиые пособия, учебники, справочиики по гидротехнике н экскаваторному делу. Среди них я заметила тонкую киижечку в бумажиом переплете с надписью Бориса. Осторожио, чтобы не разрушить порядок на полке, вытащила ее. Удивительно! Павленко никогда ие говорил мие о ней. А ведь это была его собствеииая киижка, в которой ои подытожил опыт работы своей бригады на Волжской стройке и рассказал о ковше новой конструкции.

— Бориину киижку смòтрите? — Снма встала за моей спииой. — Боря способиый, — тихо добавила оиа. — Эту киижку он сам писал. И Борис,— оиа улыбиулась,— все время обещает мне книгу про нашу жизнь с ним иаписать. «Я, — говорит, — всем расскажу, какая ты у меня ворчуиья...» Но это он, понятно, шутит, а вот о себе, о хлопцах из своей бригады он мог бы еще иаписать.

Сима подошла к письмениому столу, открыла один из ящиков, плотно набитый разрозиениыми бумагами.

— Видите? Это все Борины бумаги. Ои ие разрешает к иим прнтроиуться. Здесь и собствеиные записки, н разиые докумеиты, и вырезкн из газет. Говорнт: «Как

построим ГЭС, освобожусь, засяду за разборку этого клада и, знаешь, какую книжищу напишу!» Ну, да что это я разговорилась? — спохватилась она. — Пойдемте в столовую.

В раскрытое окно врывался свежий запах реки, заглядывали большие яркие звезды. Повернув к нему милое, нежное лицо, Сима мечтательно вспоминала годы, прожитые с Борисом. Это не был связный рассказ, скорее отрывки из воспоминаний. Но слушая ее, я отчетливо представляла, как бегут они, взявшись за руки, с крутого берега Волги на желтый песчаный пляж, как, искупавшись, лежа на песке, смотрит Борис в медленно проплывающие в небе облака и делится с Симой своими затаенными мечтами.

— Мечты у него всегда необычные, — слышу я голос Симы. — Поехать далеко-далеко, туда, где нога человека не ступала, и строить там город. Опять строить! — Сима тихонько вздыхает и вдруг заразительно смеется. — Однажды мы с Борей вместе с ребятишками отдыхать ездили. Ох! Я в тот раз и насмеялась, и нарадовалась, и нагоревалась. Денег он никогда не жалеет. Заработает и говорит: «Это нам за труд. Значит, хорошо потрудились. А беречь их зачем, деньги?» Так было и в тот раз. Является домой, вынимает билеты и говорит: «Получил неделю отпуска. Едем в Москву и на Урал!»

Я так и присела. «Как же можно за неделю успеть? Ковром-самолетом, что ли?» А он отвечает: «Точно, угадала — сначала поездом, потом самолетом. Три дня в Москве, три дня у дядьки в лесничестве под Свердловском, и обратно тем же ходом домой». — «Да ведь денег сколько надо!» — «Конечно. Не хватит — возьму в долг у товарищей, потом отдадим».

И что же вы думали? Так и уехали. В Москве он нас завез в шикарную гостиницу — «Украина». Снял номер люкс. Обедать водил в ресторан. По всем делам на такси ездили. А чтобы я не считала деньги, — усмехнулась Сима, — он у меня их отобрал и сам за все расплачивался. Потом сели в самолет. Боря уже все рассчитал, и в тот же день мы прибыли в Свердловск. Там на аэродроме нас уже ждал дядька его — лесничий. Три дня в лесу былн сказочными. — Глаза Снмы сверкали, щеки раскраснелнсь. — Мы с гор катались на салазках. Впереди сынишка с дочкой, затем я, а сздн нас Боря. Дух захватывало! А потом мы с Борей на охоту ездили. Он меня стрелять учил. Только у меня плохо получалось. — И опять вздохнула радостно, полной грудью.

— Вы знаете, я нногда ночью просыпаюсь н замираю от счастья. За что мне оно послано, за что? Добрый, ласковый, щедрый. Да разве есть еще на свете такие? Иногда даже со страхом думаю: вдруг бы Борю не встретила? Или не разглядела бы за его тогдашним облнчьем другого, настоящего?

Мы распрощались с Симой на улице. Она проводила меня до самого дома приезжих.

Возле дома на лавочке сидела Ганна.

— Це павленковская жинка вас провожала? Учителька наша? — встретила она меня вопросом. — Повезло женщнне: какого мужа нашла! Первеющий экскаваторщик на всей стройке. А уж какой видный из себя мужчина! Против жены совсем отметный. И чего он в ней нашел? Приворожила она его, наверно, — сказала убежденно, — не иначе. Ведь брови у нее как есть белые...

Ганна вытащила из кармана маленькое круглое зеркальце и с видимым удовольствием посмотрела на свои тонкие, иссння-черные полукружья бровей.

— Совсем белые, — повторила она.

— Хорошо живут, дружно? — спросила я.

— Да ни одна дивчина, або молодыця на стройке не могут похвастать, что Павленко в их сторону поглядел, — ответила Ганна. — Ну так было, конечно, пока он в забое работал. А как теперь будет, не знаю.

— А что теперь? — спросила я.

— Будто бы и не знаете, — лукаво прищурилась Ганна. — Теперь до него голой рукой не достать. Теперь он главный помощник младшего повара. Все по командировкам ездит. Только и видим, когда приедет на несколько дней, пройдется со своей красавицей по поселку, а то и на собственной машине прокатит ее с детьми. Вот я и говорю, зря учителька ему волю дает. В городе такого парня живо окрутят. Ему уже недавно письмо пришло на контору. Мне секретарша сказывала по секрету, секретарша — моя приятелька, — Ганна перешла на шепот. — Она то письмо до приезда Павленко в несгораемый шкаф спрятала. Никому не показала. А вот бы его отдать учительке в руки! Но секретарша говорит, так делать нельзя, не положено. За это ее могут с должности снять. А я бы ни за что не стерпела, непременно показала! Я этих мужчин не уважаю. Все обманщики, — Ганна всхлипнула, видимо, вспомнив свои собственные обиды.

— Успокойтесь, Ганна. Это письмо казенное. В министерстве секретарши всегда письма духами сбрызгивают, даже когда пересылают документы экскаваторщикам.

Ганна посмотрела на меня испытующе, но, не заметив моей усмешки, успокоилась, согласно закивала головой.

— А може, й так...

В воскресенье, в горячий полдень, накануне отъезда, мы с Симой отправились на реку. Дети на месяц уехали к бабушке в деревню, и Сима наслаждалась непривычной свободой. Медленно пересыпая сквозь пальцы мелкий желтый песок, она говорила:

— Машина — это хорошо. На машине мы вместе с детьми летом можем даже в Крым поехать. А потом и дом построим. Будем жить, как люди живут. Дети растут. У Коли слух хороший. Воспитательница из детского садика сказала: его надо непременно музыке учить. Хочу инструмент купить. Дочка тоже сможет учиться. — И вдруг о другом: — Мне из деревни пишут: «Ты учительница, а муж твой как был, так и остался рабочим». Вы не подумайте чего, но... — оборвав себя на полуслове, спросила: — Я что-нибудь не так сказала?

— Значит, вы довольны, что Борис ездит в командировки? — спросила я вместо ответа.

Сима привстала с песка. Долго молчала. В ее руках оказалась войлочная шляпа, которую она сняла с головы. Она мяла ее поля, складывала треугольником и снова распрямляла.

— Видите ли, — сначала замявшись, но потом решительно начала она, — я очень счастливая женщина. Но счастье не знает мерок, границ. Поймите меня, я хочу быть для Бориса тем же, чем он для меня, — всем. — Голос выдавал ее волнение. — Я знаю, он меня любит. Но на первом месте у него всегда экскаватор. Нет, не так сказала: на первом месте бригада, стройка, экскаватор, только не я. А сейчас, когда он почти не работает в забое, мне кажется, Борис мне стал ближе. — Сима придвинулась ко мне. — Может, вы подумаете, что я радуюсь высокому заработку Бори? Заработок, конечно, стал больше. В доме это заметно. Но, честное слово,

я готова жить на самую скромную зарплату, только бы знать, что я для него необходима. Может, это будет? Может, кончатся командировки, и он перейдет на работу в управление? Будет всегда рядом?

Сима смотрела на меня с надеждой. Я молчала. Да и что можно было ответить этой очень милой, симпатичной женщине? Сказать, что она не понимает своего мужа? Что в таком ее уютно свитом гнезде ему не усидеть, тесно? Но кто дал мне такое право?

Однако молчать бесконечно было нельзя. И я задала вопрос, который собиралась задать в самом начале знакомства:

— Почему вы не поможете мужу в учебе? Ему так необходимо получить образование!

— А как? — Сима выпрямилась и переспросила: — Как? Писать за него контрольные работы для поступления в техникум? Но ведь это недопустимо. Я педагог, наша заповедь: каждый ученик должен работать самостоятельно. — Она встала и, решительно собирая разбросанные вещи, суховато сказала: — Пора домой.

— Итак, вы уезжаете? Надеюсь, материалов собрали достаточно?

Чувствовалось, что начальник строительства не был склонен к долгому разговору. То и дело поглядывал он на часы.

И все-таки я продолжала сидеть в низком, мягком кресле, расспрашивая Евгения Аристарховича о людях стройки, об их работе.

— Ну зачем вам все это? — устало заметил Мостовой. — Я уверен, в вашем блокноте и так записано немало фамилий передовых рабочих. Впрочем, могу добавить

целый абзац. Записывайте: «Коллектив перевоспитал многих людей, в частности, трех уголовников...» — Евгений Аристархович улыбнулся кому-то незримому. — Теперь это модно. — Это уже было сказано мне. — Итак, продолжаем... «Сейчас они честно трудятся. Двое из них женились, получили квартиры. Начальник строительства следит за их жизнью...» Что, не пойдет? — засмеялся он, посмотрев на меня. — Ну, вот видите. А спрашиваете! Честное слово, не умеем мы, строители, писать статьи. Я полагаю, мне на выступление в вашей газете придется затратить немало ночей. Я уже дал задание подобрать материал. Да, кстати, когда я должен выслать эту статью? Вы ведь не забыли о нашем уговоре? Вы ведь заказали ее мне!

Мостовой старался шутить, но явно переигрывал. Переменив тон, сказал серьезно:

— А мы ведь действительно перевоспитали многих людей. — Он подошел к раскрытому окну, отодвинул белую шелковую штору. — Посмотрите на строящийся дом. Да не на этот, а тот, где кладут третий этаж. Видите человека в синем комбинезоне? Это один из тех трех, о которых я вам говорил. Позвать?

— Евгений Аристархович, зачем вы губите Павленко?

Несколько минут Мостовой продолжал стоять неподвижно у окна, спиной ко мне, затем резко обернулся.

— Почему вас, журналистов, так волнует судьба этого рабочего?

Казалось, сейчас он пойдет в наступление, закричит. Я приготовилась к отпору. Но, усевшись в кресле у своего стола, Мостовой сказал неожиданно мягко:

— Я тоже думаю о Павленко. Молчите. Я знаю, о чем вы хотите спросить. Не надо. Больше Павленко в

командировки не поедет. Справимся без него. Как только он вернется, сразу сядет за рычаги своего экскаватора. Вот вам мое слово!

«Ну и хорошо,— думала я, сидя в машине, которая везла меня к пристани.— Не так уж все грустно, как казалось вначале. Еще можно поправить дело. Начальник строительства — чуточку позер, но в общем человек неплохой. И напрасно я в душе посмеивалась над Борисом, когда он уверял меня, что Мостовой не отпустит его».

На пристани было неожиданно людно. Только что объявили, что рейсовый пароход сел на мель в двадцати километрах от пристани и желающие могут отправиться на полупассажирском. Пока я стояла в раздумье у окошка диспетчера, меня окликнул незнакомый человек.

— Не вы будете корреспондент газеты?

Коренастый, в мешковатом костюме человек смотрел на меня исподлобья. На коричневом от загара лице — по детски синие глаза, возле них лучики морщинок.

— Моя фамилия Старицкий, Виктор. Я из бригады Павленко. Слыхали про меня? Я только сегодня приехал из отпуска. Сразу, как узнал, что вы на стройке, кинулся искать. Мне сказали, что вы уже на пристань поехали. Думал, опоздаю. Да вот, на счастье, парохода нет.

Мы крепко пожали друг другу руки. Вот удача! Ведь я уже не надеялась увидеть «комиссара».

— Тогда я не поеду на этой галоше,— сказала я,— подожду пассажирского. Вот мы и поговорим.

— Так и на пароходе поговорить можно,— спокойно ответил Виктор.— Зачем же вам зря время терять? Я

сейчас билет возьму и с вами доеду до Днепродзержинска. Тут всего одна ночь пути. Завтра обратно вернусь. У меня еще день отпускной есть в запасе.

Он говорил так уверенно, что я только улыбалась в ответ.

На широкой палубе на канатах, на досках расположились люди. Доносился тихий говор. При посадке я не заметила в руках Старицкого ни чемодана, ни узелка. Но сейчас на лавочке, на белоснежном полотенце, разделявшем нас, лежали мясистые помидоры, огурцы, кусок крепко зажаренного мяса и яблоки. Соль хранилась в бумажном пакетике. Отрезая перочинным ножом кусок серого пахучего хлеба, Виктор Старицкий искоса глянул на группу колхозников:

— Сейчас запоют, без песни народ не может.

И правда, сначала один мужской бас тихонько вывел несколько песенных фраз, к нему присоединился другой, наконец, вплелся высокий женский голос. И вот уже над рекой, над спящими берегами, над отмелями простерлась песня:

Стоїть гора високая,
А під горою гай.
Зеленый гай, густесенькый,
Неначе, справді рай...

А луна все светила, и пароход точно держался светящейся дороги, проложенной ею, с берегов налетал порывами запах мяты, чебреца и водорослей.

Голос Старицкого прозвучал очень мягко:

— Человеку природа необходима так же, как труд. Оторвется он от них и...— Виктор посмотрел на меня.

— Что разделяет вас сейчас с Борисом? — спросила я. — Вы ведь знаете, он не по своей воле ездит в командировки, он сам от этого страдает.

Старицкий долго молчал, глядя на бегущие к берегу волны.

— Я люблю Бориса, — сказал он, наконец. — Верю в него. Но одного не пойму, почему он соглашается в яму лезть? Эх! Вы поймете, что я хочу сказать. На что толкает Бориса наш начальник строительства? Разменять славу, которую Борис заработал честным трудом, на барахло. Вот сейчас Борька машину купил. Симиных денег не хватило, мы с ребятами сложились, прислали. Машина, конечно, не роскошь, да и не в ней дело. Помогите как-то повлиять на нашего начальника строительства, пусть Борька снова за рычаги сядет. Нужен он нам всем, без него бригада крепость теряет. Какой это парень удивительный! — улыбка осветила лицо Виктора. — Доброты в нем — через край, доверчивости — хоть отбавляй, голова ясная. Есть, правда, и щербинка. Любит во всем первым быть. Вот его на это и приманивают. Внушают, что он спасает стройку. А ведь это совсем не так. Я с Павленко уже не раз говорил на эту тему. Вижу, Борис и сам мучается, но не хочет в этом признаться. Себе сам до сих пор доказывает, что спасителем является.

Старицкий судорожно глотнул воздух, пошарил в кармане, вытащил папиросу, закурил. Горящая спичка, описав полукруг, упала за борт.

— Мы ему друзья. Я и вас включаю в нашу бригаду. Неужели не найдем выхода? Не поможем человеку?

— Мостовой обещал больше не посылать Павленко в командировки, — сказала я. — Это последняя. Вернется и будет с вами.

— Вы говорили с Евгением Аристарховичем? Он так и сказал? Ну, тогда разговор другой. Неужели не сдержит слова?

— Сдержит.

Вода за кормой переливалась ртутью. Я уснула, а Виктор Старицкий еще долго сидел на куче канатов, курил.

X

После командировки беспокойство еще долго не оставляло меня. Казалось, для этого нет оснований: у Бориса были верные друзья, любящая жена, умный начальник. Мостовой не укладывался в схему «коварного злодея», которую услужливо подсказывал литературный штамп. Однако я никак не могла забыть его уклончивого ответа на мой вопрос о предложении бригады Бориса сократить сроки строительства.

Другое дело — Сима. Сейчас, когда нас уже разделяли сотни километров, я ожесточенно бранила себя за то, что, поддавшись минутному раздражению, не довела наш последний разговор до конца. Не может быть, чтобы мечта о тихом, маленьком счастье ослепила ее настолько, чтобы она перестала понимать своего мужа!

В Москве меня ждали два письма. Одно от Бориса, другое — от Ларисы Мостовой. Оба из Свердловска. «Значит, встреча состоялась», — подумала я с огорчением, разрывая конверт с письмом Бориса.

«...Все задания я выполнил по форме. Хорошие люди на этом заводе. И относятся они ко мне по-настоящему. Представьте себе, не забыли, помнят, как я приезжал

насчет своего ковша. Более того, главный конструктор завода со мной длительную беседу имел, спрашивал про мои технические задумки. А уж ругал за то, что я до сих пор по-настоящему за учебу не принялся, просто ужас! Но я ему рассказал, что сейчас не дает мне покоя мысль о некоторой переделке экскаватора на гусеничном ходу для болотистой местности, и он сменил гнев на милость. Конечно, это только первые мысли, до их реального воплощения очень далеко, но приятно было, что большие и умные люди дают мне советы.

Здесь на заводе я даже забыл, что приехал в командировку «толкачом». Вспомнилось, как приезжал сюда со своим ковшом, как дружили со мной заводские комсомольцы. Митинг у них тогда был какой-то, а я взял слово и внес предложение, чтобы собрали они для наших ковшей железный лом и из собранного металла сделали подарок строителям Волжской ГЭС. Как они подхватили мое предложение! Ведь те десять ковшей, которые я привез на стройку, были сделаны из собранного металла. Я вам не рассказывал про это? Ну, значит, к слову не пришлось, а сейчас вспомнилось — за душу схватило.

Вот и теперь, как только я прошелся по заводу, так и захотелось мне стать рядом с рабочими на сборку и объявить открытое соревнование. Еще неизвестно, кто кого опередил бы. Но телеграммы Евгения Аристарховича и Пирожкова, нашего распрекрасного начальника снабжения, сразу вернули меня к печальной действительности. Перекочевал я в отдел снабжения и сбыта, на вокзал, в гаражи. Только и держит меня надежда, что командировка эта — последняя. Неужели Мостовой своего слова не сдержит и придется мне просить вашей помощи? Не хочется, конечно, опять привлекать внимание

к своей личности, но больше выдержать не смогу. Знаю, не простит мне вашего вмешательства Евгений Аристархович, не простит. Ну, что ж! Я долго ходил у него на поводу. Пора и за ум браться. А как вы думаете: прав я или не прав?

Встретил я здесь неожиданно Ларису. Она, оказывается, писала мне на стройку. Сообщала, что едет в командировку в Свердловск. Но я этого письма не получал и в голове не держал, что могу с ней встретиться. Она же решила, что я приехал по ее вызову.

Желаю вам большой удачи в работе. Как важно человеку трудиться с радостью. Мне лично очень нужен труд! Такой, чтобы не выгода была и не слава, а чтобы в нем можно было себя найти.

Еще раз желаю вам успеха. Ваш Борис Павленко».

Письмо Ларисы было длинным и сбивчивым. Она рассказывала о встрече с Борисом предельно откровенно. Казалось, нарочито обнажает свои чувства. Чем заслужила я такую откровенность, не знаю. Может быть, это был запоздалый ответ на мои жесткие слова в тот вечер в редакции. Но перечитывая сейчас взволнованные строчки, я понимала, что Ларе теперь было просто необходимо кому-то излить свою боль, недоумение и горечь утраты. Ведь встреча с Борисом глубоко ранила девушку.

«...Я сама, сама во всем виновата! Так мне и надо. Ничтожная, глупая девчонка, вообразившая, что нет ничего для нее невозможного. Как я страдаю сейчас, как мне больно и стыдно!

Мы встретились с Борисом на улице, и я сразу решила, что он приехал ко мне. Даже в голову не

пришло, что он мог не получить моего письма, что он, наконец, не вправе распоряжаться своим временем. Просто увидела и кинулась к нему, схватила за руку.

Мне трудно восстановить в подробностях, как провели мы тот вечер. Кажется, долго стояли на одном месте, потом смеялись. Смеялись слишком громко, на нас оборачивались прохожие. Затем ели мороженое в какой-то будочке. Ходили по улицам. Шли мимо новых домов, и они смотрели нам вслед желтыми глазами освещенных окон, заходили в переулки, где в кустах сирени прятались одноэтажные домики с резными крылечками. Возле одного из них Борис остановился, сломал толстую ветку сирени и дал мне. Я спросила: «Ты хотел бы жить в таком доме?» Он посмотрел на меня и быстро ответил: «Да». Но ничего больше не прибавил, а мне показалось, что я услыхала: «С тобой».

Мы подошли к гостинице, где я жила, в два часа ночи.

Я легла, но спать не могла. Уже наступило утро, и надо было идти на работу, говорить с людьми, обедать. Все это надо было сделать прежде, чем снова увидеть Бориса.

Вечером мы поехали в лес. Борис шел впереди меня, напрямик, расчищая путь. Потом мы стояли на берегу обрыва. Под ногами земля обваливалась, и корни сосны, переплетаясь, как узловатые руки, держали ствол почти на весу. Мне было жутко и до сердцебиения хорошо.

А потом... Нет, я должна сказать вам правду. Потом не было ничего.

«Будем разжигать костер», — сказал он и стал собирать сучья. Костер горел ярко. Борис стоял возле сосны, опершись спиной о ее ствол, и покусывал какую-то травинку. А я плакала.

Мы вышли на шоссе, и Борис остановил проезжавшую машину. Я уехала, а он остался один на дороге, в темноте. Ненавижу его, ненавижу. Впрочем, мне ли его винить? Ох! Сама не знаю, что говорю. Даже не знаю сейчас, что хорошо, что плохо. Ведь все свои разговоры с Борисом я вела одна. Да, одна задавала вопросы и одна отвечала на них, воображая, что отвечает он.

Вы, наверно, усмехаетесь, читая это письмо? Пусть. Я сама смеюсь над собой. Так мне и надо!»

Нет, я не усмехалась, читая письмо Лары. Каждый из нас знает горечь утраты. Мне было жаль ее, но в то же время я понимала, что Борис не мог поступить иначе. Слишком цельным он был человеком. Мне казалось, я слышу его голос: «С любимой надо идти рядом, оберегать ее. Идти с поднятой головой, гордясь и любуясь. А так, чтобы прятаться где-то, обходить людей стороной, нет, это не по мне. Любить, как и жить, надо громко, открыто, с чистым сердцем!»

Потом целый месяц я не получала от Бориса новых писем. Но спокойно ждала.

За этот месяц я дважды встречала Лару. Возвратившись в Москву, она не позвонила, и встречи наши были случайными. Первый раз в Доме журналиста Лара прошла мимо под руку с Костей Веселовым и, казалось, равнодушно кивнула мне головой. Второй раз мы столкнулись в коридоре проектного института, где она работала.

— Вот не ожидала вас встретить здесь, — сказала Лара, протягивая руку. — Как поживаете?

Я не успела ответить. Девушка в белом халате приоткрыла дверь соседней комнаты, и Лара обрадованно кинулась к ней:

— Ты мие нужиа. Извииите, — бросила оиа мие уже с полдорогн, — я должна переговорнть.

Я ие стремилась к разговору с Ларой. Ее отчуждеиие выдавало растеряииость. Скоро другие заботы, другие волнения захватили меня целиком.

После месячиого молчания Борис неожидаино появился в редакции.

— Вот, опять хожу в толкачах, — сказал ои, усаживаясь возле стола и кладя перед собой толстую папку. — Видите, стал, как начальиик, ездить с толстым портфелем.

Он вытащнл нз папки докумеит н протянул мие. Это был перечень требоваиий самого Бориса к иачальнику стройкн. Красный карандаш жирио подчеркиул фразы, в которых упоминались суммы расходов, колнчество людей. Через весь список бежалн строчки: «Утверждаю. Е. Мостовой».

— Видите? Ннчего не жалеет. Обманул меня товарищ Мостовой. Только н дал один месяц поработать иа экскаваторе.

Потом Борис начал в лицах представлять, как действовал ои в совиархозах.

— Я с секретаршами теперь дружбу вожу, они мие из архивов разные бумажки достают. Начальиики мие говорят «иет!», а я им — бумажку, их же прежнее решеиие. Вот так — все надо с хитростью делать...

— Ты это серьезно?

— Вполие. Простачком жить не стоит.

— Это слова не твон! — резко заметила я.

Борис смотрел иа меня долго н пристально.

— Все-такн верите мне? — в голосе его было иапряжение. — Вернте? Тогда скажнте, что же мне

делать? Ведь не выпустит меня из своих лап начальник строительства. «Ты хорошо себя показал Павленко, у тебя талант, тебе надо этой дороги держаться»... А я не хочу этой дороги! Не моя она! — крикнул он.— Не хочу! И если останусь на ней, скачусь в болото. Понятно?

Он через стол схватил мою руку:

— Послушайте, вы обещали помочь. Помните? Теперь самое время. Ну, напишите в своей газете хоть несколько слов, чтобы отстали от меня с этими командировками. Ведь я от бригады совсем отошел. У нас и разговор теперь, как между чужими. Что же мне делать, уехать со стройки? Бросить бригаду? Но я не могу без своих хлопцев. Нет, я хочу, чтобы меня на этой стройке уважали! Я хочу доказать всем, что не оторвался от них, что не гонюсь я за легким рублем. — Борис побледнел от волнения. — Стыдно мне просить помощи у вас. Но я прошу. Я вас другом считаю.

XI

Незадолго до Бориса приходил ко мне в редакцию известный экскаваторщик с другой днепровской стройки. Пожилой человек с лицом, изрытым оспой, долго не мог начать разговора. Наконец, сказал, с трудом подбирая слова:

— Для меня моя машина — радость. Я привык день кончать трудовой победой. Привык знать, что день не пропал даром. А мерка у меня одна — кубометры вынутого грунта. За то я и орден получил. А теперь для меня на новой стройке настоящего дела не находится. Я буд-

то в запасе. То на одно дело бросают, то на другое. Говорят, нет для моей машины запасных частей. Не может быть такого! И в запас мне рано!

Статья, которую я написала, называлась «Их место на передовой». Я писала ее и видела взволнованное лицо Бориса, слышала глухой голос старого экскаваторщика. Передо мной проходили люди, для которых труд — дело славы, доблести и геройства.

И еще в те часы, когда писалась статья, я видела перед собой Мостового, его протянутую руку, скрепляющую слова: «Даю вам слово, Павленко больше в командировки не поедет».

Евгений Аристархович легко нарушил свое слово. Тогда он, видимо, просто хотел избежать неприятного разговора. Сейчас, будто продолжая тот разговор, я писала: «Вернуть Павленко на экскаватор! Спустить в забой машину Головатого!»

Статью опубликовали в дни, когда Мостовой был в Москве на совещании. Я с нетерпением ждала встречи с ним, хотела поговорить. Но прошел день, другой, а Евгений Аристархович не звонил.

Может быть, не читал статьи? Или пробежал равнодушным взглядом, поморщился, как от зубной боли, и не сделал выводов? Вряд ли это возможно. Нашу газету внимательно читали в министерстве и на строительных площадках. Резкая статья в адрес руководителя с обвинением в неумении по-настоящему использовать кадры не могла пройти мимо его внимания. Даже если Мостовой не заметил ее, ему обязательно бы показали номер газеты те же работники министерства, делегаты совещания. Так почему же он не звонит?

Я решила ждать. Если не Мостовой, так Борис напишет мне о том, какой отклик получила статья на

стройке. Но только через месяц получила я от него письмо. Затем письма стали приходить одно за другим.

«Не писал потому, что сам хотел разобраться в своем положении. Статья застала меня врасплох, хотя я сам просил вас о помощи. Прочитал ее в командировке и ехал домой в тревожном состоянии. Не то, чтобы боялся, бояться мне нечего, прав на все сто, но как-то неясно все было впереди, а туман я не перевариваю.

Приехал, сразу прибежали мои хлопцы. Они, конечно, тоже прочитали статью. Вообще ее многие читали у нас, и мнения самые разные. Одни говорят — «хорошо», другие — «плохо», а третьи делают вывод — «Павленко влип». Ну, моя бригада придерживается первого мнения. Виктор, как только вошел в комнату, сразу сказал: «Ну вот теперь — порядок! Теперь ты опять, Борис, в настоящее русло войдешь».

Понятно, он про вас слова́ всякие хорошие говорил, я их пересказывать не стану. А что касается других ребят, так они от чистого сердца радость высказывали. Я их понимаю, без меня бригаду затирали, потом неприятно было насмешки сносить насчет «гуляющего» бригадира. Таить нечего, на стройке, в коллективе, обо мне последнее время мнение было неважное.

Разговор с хлопцами хоть и успокоил меня немного, но в глубине души тревога осталась. Ведь утром мне надо было шагать к Евгению Аристарховичу. Во-первых, отчет ему сделать о командировке, он сам всегда его выслушивал, а потом услыхать решение своей судьбы. Очень рано я встал наутро, ходил на плотину, в забой, смотрел на реку. Потом отправился в контору.

Смех да и только! Вот так всегда: волнуется человек, заранее представляет, как оно все получится, гото-

вит слова для ответа, примеряет их так и этак, а на деле все получается по-иному. Как только я открыл дверь в приемную к Мостовому, секретарша сразу из-за стола выбежала ко мне:

— Товарищ Павленко! (Вот как! Официально!) Вам надо обратиться по всем вопросам к главному инженеру.

Мог я ее отодвинуть и в кабинет к Евгению Аристарховичу войти. Но почему-то накатилась на меня ужасная пассивность, ничего я ей не ответил, повернулся и пошел к главному инженеру. Иванов очень спокойно сказал мне:

— Отчет сдашь Пирожкову, с завтрашнего дня садись на экскаватор.

И ни одного вопроса. Да и от меня, видно, вопросов не ждал.

Вот уже три недели работаю на экскаваторе. Первые дни уставал очень. Сейчас все в норме. Получается неплохо. В семье порядок.

На днях разбирал я свой письменный стол. И нашел копию того письма, что мы когда-то посылали в министерство с предложением сократить сроки строительства нашей ГЭС. Помните? Я вам тоже посылал его. Тогда мне Мостовой на партбюро очень обстоятельно разъяснил, почему наше предложение принято не может быть. Но вот что удивительно, на днях прочел я в областной газете, что руководители нашего строительства выдвигают эту идею как вполне зрелую. Что есть у них план, как этого добиться и утереть нос всем тем, кто говорит, будто ГЭС невозможно возвести в короткие сроки.

Вы сами понимаете, как я обрадовался, прочитав такие слова. Ведь это же здорово! Ведь это мысли нашей бригады воплощение получат!

Когда я прочел эти строчки, сразу хотел бежать в партийный комитет и в Управление, бежать и кричать: «Спасибо, что учли наше пожелание! Мы теперь всем коллективом включимся в это дело, себя не пожалеем, а добьемся результата».

Я уже стал было переодеваться, а Сима вдруг говорит:

— Почему ты, Боря, решил, что это по вашему предложению? Дай-ка я перечитаю статью.

И прочитала. Покачала головой:

— Лучше бы ты, Боря, к Старицкому сходил».

Но Виктор сам пришел к Борису.

Прочитав статью, он тоже в первое мгновение обрадованно хлопнул ладонью по газетному листу.

— Здòрово! Вот хлопцы обрадуются!

Но перечитав ее еще раз, задумчиво прошелся по комнате.

По дороге к Павленко Виктор встретил диспетчера Коржикова. С того памятного разговора в постройкоме Коржиков особенно вежливо стал здороваться со Старицким, каждый раз внимательно оглядывая его невысокую, ладную фигуру. На этот раз, увидев в руках Виктора газету, Коржиков спросил:

— Что-нибудь новенькое? Я еще сегодня в газету не заглядывал.

— Новенькое, — коротко ответил Старицкий и уже хотел пройти мимо, но вдруг решительным жестом протянул газету диспетчеру. — Прочти вот тут, — указал на подчеркнутые места. И, дождавшись, когда Коржиков пробежит глазами статью, спросил: — Ну, как твое мнение? Уложимся?

— Да ведь это ваша бригада предлагала в прошлом году! — удивленно проговорил тот. — Я был на партий-

ном бюро, когда Мостовой уверял всех, что это коллективу не под силу. Еще к Борису тогда обращался. Так ведь?

— Так, — резко ответил Старицкий. И, повернувшись, быстро ушел.

Сима делала вид, что усиленно читает школьные сочинения, а сама прислушивалась через открытую дверь «кабинетика» к разговору Бориса и Виктора.

— Так что? — спрашивал Борис, медленно расставляя слова. — Идти мне к Мостовому или нет?

— Непонятно как-то все получается,— раздумчиво отвечал Виктор. — С одной стороны, все правильно. Мы с тобой и хлопцы считали, что сроки надо сокращать. Теперь с этим согласились. Надо разворачивать соревнование за быстрейший пуск, и нам с тобой, Борька, как коммунистам, себя не жалеть, а быть примером. Это с одной стороны. А с другой...

Борис перебил.

— Ты меня не агитируй. Понял? Я сам могу кого угодно наглядным примером сагитировать. Я тебя про другое спрашиваю. Я тебя спрашиваю, напомнить мне Евгению Аристарховичу о том, как он на партийном бюро нам лекцию читал о разных точках зрения, или не напоминать? Ведь он со мной теперь, после того как я перестал в командировки ездить, не разговаривает вовсе. При встречах голову отворачивает, чтобы не здороваться. Так как? Жду твоего совета.

Старицкий долго молчал. Потом встал, зачем-то потрогал газовый кран у плиты и, поглаживая выбритую щеку, сказал, глядя на Бориса:

— Не напоминай.

— А почему? — взвился Борис. — Я ведь не за себя, за всю бригаду пойду говорить!

— Не ходи, — еще более решительно сказал Виктор. — Мостовой не станет с тобой как с человеком разговаривать, только упрекнет в личной заинтересованности. Чего добьешься этим разговором? Чего ждешь от него? Чтобы признали нашу инициативу? Так не в этом дело. Главное — знать, что мы думали правильно, в точку тогда били.

— Э-эх! — возглас Бориса был не то сожалеющим, не то обрадованным. — Ну, черт с тобой, так и быть — не пойду.

Услыхав, как щелкнул замок входной двери, Сима выскочила в коридор. Старицкого уже не было. Борис стоял в распахнутых дверях один.

— Ты куда, Боря?

Борис обернулся, обнял жену, погладил ее светлые, мягкие волосы.

— Права, ты всегда права. Про нас ничего не сказано в предложении руководства. Занимайся, занимайся своим делом. Я скоро вернусь, пойду прогуляюсь немного. Голова заболела...

Ни в партком, ни к Мостовому Борис не пошел. А мне писал:

«Здравствуйте!

Получили вы письмо, в котором я посылал копию нашего заявления и предложения? Не знаю, как лучше их назвать, одним словом, бумагу, которую мы когда-то посылали в министерство. Начинают эти предложения в жизнь проводиться. Помните, мы предлагали закончить

стройку на год раньше, предлагали передать строительству буровзрывные работы, просили применить новые методы взрыва, перенести карьер в другое место и объединить управления. Правильно? Оказывается, это все не только возможно, но и дóлжно! Весь коллектив обсуждает новые обязательства. Только теперь это предложения руководства.

Хлопцы мои равновесие потеряли. Особенно Володя и Алексей. Дня не проходит, чтобы они мне глаза не кололи:

— Все твои поездки виноваты!

Разговаривать с Евгением Аристарховичем по этому поводу я категорически отказался. И такой скандал в бригаде идет, просто беда. Может, все же надо мне сходить и поговорить? Может, вся эта ерунда из-за моей гордости получается, оттого, что я до сих пор с Мостовым не говорил? Как вы думаете?

Но, с другой стороны, он сам при всяком случае показывает, что не желает со мной никаких бесед вести. Вот и вчера опять так было. Пришел он к нам в забой. Со всеми здоровается, всем руку подает, а мне — нет. Словно и не замечает. Конечно, наплевать, но все-таки обидно.

Ваш Борис».

Потом пришли еще письма, рассказывающие о разговорах Бориса с Заболотным, Петровым и главным инженером Ивановым, о странных делах, происходивших в городке строителей.

«Или я совсем представление о жизни потерял, или... — писал он в последнем письме. — *Что же это происходит? Ничего не понимаю! И это когда? После того*

как с культом личности мы покончили, когда во главе всего должно стоять не единовластие одного человека, а трезвый расчет и польза для государства. Правильно я говорю? Но вы, наверное, ничего не понимаете? Сейчас я вам все разъясню.

Помните, у нас в городке возле коттеджей, в которых живут служащие и начальство, стояли заборчики деревянные? Такой незавидный штакетник. Ну вот, иду я на днях вечером мимо тех коттеджей и вижу — людей там видимо-невидимо, под светом прожектора заборы рушат, ломают. «Что такое? — спрашиваю. — Какая такая срочность?» А мне отвечают: «Не твое дело. Приказано все поломать и новые заборы поставить!» — «Какие?» — «Камышито-бетонные». Вижу, и правда машины одна за другой подъезжают и сваливают плиты. Вы, может быть, видели, их у нас возле завода бетонного целые кучи навалены. Мы зимой ими тепляки на ГЭС прикрывали.

Постоял я, посмотрел. Вижу, и вправду деревянные заборы валят, а другие, из плит, устанавливают.

Утром, когда шел на работу, нарочно крюк сделал к коттеджам. Смотрю, новые заборы уже стоя́т, а старых словно и не было. Даже землю притоптали и дерном засадили. «Удивительное дело, — думаю, — сколько дел на стройке, а тут вдруг заборы». И так меня это заинтересовало, что решил после смены обязательно в постройком сходить и выяснить.

Только мы начали работать, смотрю, бежит парень из постройкома: «После смены,— кричит,— домой не расходиться! Прямо на митинг идите к конторе. Из Киева начальство большое приехало. Насчет досрочного пуска».

Тут как раз самосвалы задержались, вылез я из машины, отвел парня в сторону и спрашиваю: «Что за

начальство и кто за ним ездил?» А парень отвечает: «Наш начальник их встречал, в своей машине вез и велел шоферу мимо коттеджей ехать». — «Это зачем? — спрашиваю. — Ведь дорога совсем в другую сторону лежит?» А парень смеется: «Новые заборы им показывали. Честное слово! Шофер Василий прямо со смеху сдох. Говорит: «Мне что? Раз велели, я и начал кружить вокруг коттеджей». Так и докружился. Начальник главный увидал заборы и спрашивает: «Это у вас, товарищ Мостовой, бетонные заборы поставлены?» Наш-то и глазом не моргнул: «Нет, — говорит, — не бетонные, а камышито-бетонные». — «Очень любопытно,— говорит приезжий. Камышитом и в Москве интересуются. Остановите машину, пожалуйста, я погляжу поближе». Ну, остановились. Наш начальник вылез первый и стал ходить возле заборов, словно гусак. За ним гость вылез, спрашивает: «Во сколько обошелся вам один кубометр этого материала?»

Ну, Василий не расслышал цену, только и услыхал, как наш начальник ответил: «...не кубометр, а все звено». «Вот это замечательно,— сказал приезжий.— Об этом надо в Москву написать. А я,— говорит,— и не знал, что у вас, товарищ Мостовой, изобретательская жилка имеется»... Смех да и только!» — заключил парень и побежал дальше.

А мне словно камнем в голову ударили: так стало обидно, так больно стало. «Ну, — думаю, — пойду я на тот митинг и все выскажу. Что же это такое творится?»

Но говорить мне не пришлось. Никому на митинге слова не дали. Гость наш выступил, сообщил, что деньги под быстрейшее окончание строительства ГЭС непременно будут отпущены. Похвалил коллектив и нашего начальника за инициативу.

Ответное слово держал Мостовой. А потом митинг закрыли. Я было хотел слова попросить. Но на меня кругом зашикали. Евгений Аристархович приметил это и пальцем мне погрозил. Плюнул я, вылез из толпы и пошел домой.

Нет, вы мне ответ дайте: что происходит? Почему такая показуха? Ведь это неуважение и к нам, и к тому человеку, который приезжал».

Я привыкла доверять Борису, но это письмо вызвало сомнение. К тому же Борис ссылался не на свои собственные впечатления, а на болтовню какого-то неизвестного мне парня. Я собралась написать Павленко резкое письмо.

Но как раз в эти дни из Киева приехал знакомый фотокорреспондент и разложил на столе фотографии камышито-бетонных заборов, внушительно выглядевших на фоне утопающих в зелени коттеджей.

— Предлагаю напечатать в вашей газете, — сказал он, — не ошибетесь. Перспективная вещица. Одобрена большим начальством. Вовремя руководители Днепровской стройки их поставили, как раз перед приездом главного.

Он противно засмеялся.

— Не будем мы печатать ваши фотографии, — сказала я сердито, — и перестаньте болтать глупости.

Ничего не ответила я Борису на то письмо. Вскоре пришла от него новая весточка.

«Хоть и ушел я с митинга, но сердце мое кипело. Решил я с товарищем Мостовым поговорить начистоту, как коммунист с коммунистом. И насчет заборов, и насчет статьи вашей. Словом, большой разговор дол-

жен был быть. Решил ждать его возле коттеджей хоть до утра.

Дождался. Поговорили мы с ним. Только не такой, как хотелось, разговор у нас получился. А вот какой.

Увидел он меня возле своего дома, остановился.

— Чего ты от меня, Павленко, хочешь? — спрашивает.— Чего добиваешься? Я ведь все сделал, как ты и твои товарищи требовали. Вернул тебя на экскаватор.

— За что обижаетесь? — говорю.

— Обижаются на друзей. А ты мне никто. Ты воображаешь, что ты личность. А ты — никто. Понял?

Надо же такое глупое слово сказать — «никто». Крепко я разволновался. Стал поперек дорожки и говорю:

— Хотел я с вами побеседовать о многом. И насчет заборов тоже. Только вижу я: говорить нам не о чем. Маленький вы человек, Евгений Аристархович!

Видно, крепко я его задел. Он как вспыхнет: «Надоел ты мне, Павленко, вот что я тебе скажу. Надоел! Все-то ты лезешь, куда не надо. Уходи!»

Вот и весь наш разговор. Он на крыльцо влетел, а я пошел домой. Очень разнервничался. Остановился прикурить. А спичку никак не зажгу, руки дрожат. И вдруг слышу Ларин голос: «Борис! Подождите!»

Этого еще не хватало!

Не стал оборачиваться. Ушел.

В ту ночь постучал я к Старицкому. Открыл он мне, на счастье, сам. Ничего не спросил. Потихоньку провел в столовую, принес подушку, одеяло. Подождал, пока я лег, одеяло подоткнул, как маленькому. Потом вышел. И снова пришел, стопку водки принес: «Выпей, — говорит, — скорее уснешь». Раза два за ночь входил, прислу-

шивался. Только я лежал тихо и дышал ровно. Разговор тогда ни к чему был. Да это и Виктор понял.

С тех пор прошла неделя, а я хожу все еще как потерянный».

Я попыталась вызвать Бориса по телефону. После долгих переговоров с телефонисткой и каким-то незнакомым человеком я, наконец, услыхала голос Симы.

— А Бори нет дома. Здравствуйте. Он уехал на охоту. Как живем? Ничего вроде. Боря работает. Случайно вы его не застали, он ведь все вечера теперь дома проводит. Я передам ему, что вы звонили.

Я хотела спросить Симу о настроении Бориса, но голосок ее постепенно отдалился, трубка щелкнула, и телефонистка сказала: «Разговор окончен».

Как же быть? Поговорить с Мостовым? Ведь не может быть такого непонимания между людьми. И потом — опять Лара! Зачем она появилась в Днепровске?

Вспомнив, что Лара когда-то оставляла мне свой московский телефон, я полистала настольный календарь и набрала номер.

— Я слушаю...

Голос усталый, приглушенный.

— Это я, Лара. Мне нужно поговорить с вами.

— Да?! — было непонятно, радуется она или огорчена. — Пожалуйста. Когда мы встретимся? Где?

— Если можно, сегодня.

— Я нездорова, не выхожу из дому. Может быть, вы приедете?

И вот мы сидим в ее комнате, Лариса на тахте, я в низеньком кресле. Между нами трехногий столик, на нем две чашки с черным кофе. Лара курит. Неумело, роняя пепел. Говорит и морщится, как от зубной боли.

...Она приезжала на стройку, чтобы увидеться с Борисом. После того как расстались они под Свердловском, много было ею передумано.

Когда там, на шоссе, Борис открыл перед ней дверцу машины, Лариса не сказала ему ни слова. Всю дорогу она сидела очень прямо, сжав на коленях руки и мысленно вела разговор с Борисом. Разговор оскорбительный и холодный. Но легче не становилось. В гостинице долго сидела у окна, смотрела на серое, словно вылинявшее небо. Только под утро легла спать. Уснула сразу, без сновидений, словно провалилась в темную яму.

На следующий день быстро закончила свои дела и вечером была уже на аэродроме.

В Москве Лариса прежде всего позвонила Косте Веселову. Он примчался немедленно, и она, холодея от ненависти к себе, к Борису, рассказала ему, как неожиданно в Свердловске встретила Павленко, как ходила с ним по городу, ездила в лес. Говорила и в то же время думала: «Зачем это делаю? Гадко все, гадко!» Но что-то заставляло ее придумывать подробности, морщить лоб, кривить презрительно губы:

— Нет, вы понимаете, Костя, этот экскаваторщик вообразил, что я в него влюблена! Какая наглость!

Костя сидел в том же низком кресле, где сегодня сидела я, положив нога на ногу и обхватив колени руками.

— Борис нахал, — сказал он. — Он всегда был нахалом. Я помню, как... — и Костя принялся рассказывать Ларисе историю Бориса с Филатовым, как из-за нелепой выдумки пропал весь труд его, Кости Веселова. И как после того он пошел к Борису, а Павленко выгнал его, Костю, из дому.

«И он такой же подлый, как я, — думала Лара, слушая Веселова. — Он тоже врет, как только что врала я.

То, что он говорит, только полуправда. Но она еще хуже лжи».

И она прогнала Костю. Но потом встретилась снова, несколько раз ходила с ним в театр, в Дом журналиста. Ей не было с ним весело, он раздражал ее суетливостью, хвастовством. Но и одна в те дни она оставаться не могла.

Затем на смену горячке первых дней пришло спокойствие. Лара еще и еще раз перебирала в уме все встречи с Борисом и, наконец, пришла к выводу: он прав. Именно тогда она решила поехать на стройку, чтобы сказать Борису это короткое и такое многозначительное слово: «Прав».

Повод для поездки был. Она не видела отца уже два месяца, и Евгений Аристархович упорно звал ее погостить. В Москву приехать он не мог. В коротких письмах к дочери сдержанно намекал на предстоящие большие события здесь, на стройке.

Мостовой встретил Лару на вокзале, ввел в дом, нежно поцеловав в лоб, сказал:

— Хозяйничай, дорогая, у меня здесь все на холостую ногу. Если нужно, звони в контору. — У двери он остановился и добавил неуверенно: — Впрочем, вряд ли я там сегодня буду. Потом все расскажу. Ну, пока...

Но вечером им поговорить опять не пришлось. Вечером Лариса, заслышав шаги отца, притаилась за входной дверью, задумав по старой детской привычке неожиданно броситься отцу на шею. Так она стала свидетельницей разговора Мостового и Павленко.

Потом она выбежала с черного хода вдогонку за Борисом, а вернувшись домой, на цыпочках прошла в свою комнату, повалилась на кровать и отчаянно заплакала.

Утром, тщательио умывшнсь холодной водой н слегка напудрив помятое от ночных слез лицо, Лара вошла в комнату отца. Евгенний Арнстархович брнлся. Мягко жужжала электробрнтва, н Мостовой внимательио следил за тем, как лезвня скользилн по коже.

— Отец, я должна с тобой поговорить.

Евгеиий Аристарховнч помахал свободиой рукой, показывая, что он занят.

— Нет, сейчас!

Что-то в голосе Лары заставило Мостового опустнть брнтву н внимательно посмотрегь на дочь.

— Что-ннбудь случнлось?

— Я слышала вчера твой разговор с Павлеико... Как ты мог?

— Ах, вот оно что! — Евгенний Арнстарховнч положил брнтву на столик и подошел к дочерн. — Мне тоже давно надо поговорить с тобой, Лара, на эту тему. Давио. Еще с тех пор, как ты прислала ему записку и мие, иачальнику стронтельства, прншлось служить этому парню посыльиым.

Лариса побледиела.

— Я хочу тебя спроснть, — продолжала оиа, справившнсь с собой. — Почему ты неиавидишь его? И ие говори мне, что нз-за той записки, из-за меня. Я зиаю, ты неиавндншь его за то, что он раиьше тебя выдвииул предложение о досрочиом пуске ГЭС, что...

Лариса не договорнла. Ей показалось, что вот сейчас, сию миииуту отец подинмет руку н ударит ее. Но ои пересилил себя.

— Действительно, Лара, иам нужио поговорить, — спокойио сказал ои. — Садись. Я через иесколько мниут освобожусь. Нельзя же вестн серьезную беседу с недобрнтой щекой! — Он даже улыбнулся.

«Пытается шутить, — машинально отметила Лариса и с удивлением спросила себя: — А зачем?» Но промолчав, села возле стола. Евгений Аристархович закончил бритье, аккуратно вложил бритву в футляр, освежил лицо лосьоном, причесался и только тогда сел напротив Ларисы, нарочито медленно закуривая папиросу.

— Ну-с, с чего начнем? — словно советуясь, спросил он. А впрочем, я тебе хочу сначала рассказать о приезде к нам, на стройку...

— Почему Павленко говорил с тобой так? — перебила его Лариса. — Почему?

— Да потому что он глупый, дерзкий парень, — вспыхнул Мостовой. — Потому что он избалован на прежней стройке...

— Папа!

Евгений Аристархович принялся раскуривать вторую папиросу.

— Ты сбиваешь, меня, Лара, не даешь развить мысль. Я хотел тебе рассказать о том, что добился, наконец, разрешения ускорить строительство ГЭС. Это было нелегко. Пришлось многое сделать, может быть и не все хотелось делать. Но ведь это ради одной большой цели, девочка!

— Ты был груб с Павленко, папа!

— А ты упряма, — Евгений Аристархович протянул через стул руку и погладил руку Лары, — и жестока. Впрочем, это давно известно: жесток ребенок в своем неведении, жесток юноша в своей чистоте, и только люди, умудренные опытом, могут понять и простить ошибки... Кажется, так сказал один большой писатель, Лара?

Мостовой замолчал и задумчиво посмотрел на потухшую папиросу.

— Все не так просто, Лара, как кажется, — вздохнул он, — совсем не просто. Но поверь мне, дочка, поверь, строить коммунизм нелегко.

Лара вздрогнула и быстро глянула на отца. Он сидел в кресле с утомленным видом. Лицо, несмотря на недавнее бритье, казалось несвежим, старым.

— Мы слуги эпохи, Лара! — продолжал он. — На нас возложена задача, которая посильна лишь гигантам, мы должны возвести здание будущего. Ты думаешь, это можно сделать мягкими руками? Таскать кирпичи, связывать их раствором, возводить здание и при этом иметь мягкие руки? Если ты так думаешь, то жестоко заблуждаешься.

Мостовой поднялся со стула и пружинистой походкой прошелся по комнате. Затем остановился рядом с дочерью и, глядя на нее сверху вниз, твердо повторил:

— Мы чернорабочие эпохи, нам надо выжимать все из окружающих, чтобы создавать, говоря высоким стилем, материальную базу коммунизма. Используя и хорошее, и плохое. Да, да, и плохое. Иногда эти свойства человеческого характера тоже могут принести пользу общему делу. А твой Павленко, и ты, и многие другие не хотят понимать этого. Вы хотите, чтобы с вами нянчились, растили вас...

Евгений Аристархович произнес последнюю фразу с издевкой.

— Подожди, папа, — Лариса провела ладонью по лбу, собираясь с мыслями. — Что ты сказал? Почему плохое? Я не понимаю, как плохое может служить хорошему?

— Не думаешь ли ты, — взгляд Мостового был снисходителен, — что честолюбие, стремление всегда и во всем быть впереди других — качества положительные?

Нет? Ну и отлично. Так вот, все эти качества имеются в избытке у Павленко. А я их поставил на службу строительству. Да, я сознательно посылал его в командировки доставать материалы, зная, что там эти качества расцветут пышным цветом. Это было нужно для стройки. Да, я предвидел, что это вызовет осложнения в его отношениях с бригадой. Но почему я должен был его щадить? — вдруг закричал Евгений Аристархович. — Почему? Меня же никто не щадит! Ты, может быть, полагаешь, что мне было приятно создавать эту потемкинскую деревню, возводить за одну ночь заборы из камышито-бетона? Ошибаешься! Мне было это отвратительно! Но я знал, что это привлечет к нам внимание, и я решился! Думаешь, для своей выгоды? Глупости. Я делал это для строительства. Так почему я должен себя приносить в жертву, а твой Павленко не должен?

— Но ведь ты мог сломить человека! — крикнула Лариса.

— Ну и пусть ломается! Мне-то что за дело? Он кирпич. А у кирпича бывает бой. Это неизбежно. И это результат именно прежнего инфантильного воспитания на той, прежней стройке. Подумаешь, какие нежные!

Лариса посмотрела на отца с жалостью.

— Ты не прав. Нельзя создавать только здания, надо создавать одновременно и тех, кто будет жить в этих зданиях. Я убеждена в этом. Надо создавать и тех, кто будет жить в будущем. Нет, отец, — она провела руками по щекам и медленно встала со стула, — нет, плохое не нужно пускать в дело, не нужно. Только хорошее! Павленко честолюбив, да, он хочет быть всегда первым. Эти качества можно использовать, но не так, как это сделал ты, не так! А так, как это делали на Волжской стройке, где на кабине его машины вывели двадцать звезд, где

он был первым из первых на работе, где он получил право уважать самого себя. Я слушала тебя внимательно, выслушай и ты меня. Все неправильно, что ты говорил. И ты сам знаешь, что это так.

Теперь они стояли друг против друга, отец и дочь, и одинаково жестко смотрели друг на друга.

Громко зазвонил телефон. Евгений Аристархович снял трубку:

— Да. Хорошо. Скоро буду.

Положил трубку на рычаг. Пригладил волосы

— Ну вот, мне пора на работу.

Привычным жестом пощупал карманы — положил ли папиросы, спички — и вышел из комнаты. Лара видела через окно, как он тяжело сходил со ступенек коттеджа, как, не оборачиваясь, прошел по дорожке. Хлопнула калитка

— А я в тот же день уехала в Москву, — закончила она свой рассказ.— С отцом мы еще не встречались. Вероятно, он приедет через месяц на совещание. Может быть, мне удастся к тому времени уехать в командировку.

XII

Письма Бориса того времени были сначала недоумевающими, потом горькими и, наконец, отчаянными. Сейчас, перечитывая их в той последовательности, как они приходили, я отчетливо вижу, как недоброжелательство Мостового сказывалось и на отношении к Павленко окружающих.

«...Не знаю, с чего начать. Был избран на районную партийную конференцию. Выступил там с инициативой

включиться всему району в соревнование за право участвовать в перекрытии Днепра. Коммунисты меня поддержали. А вернулся домой, секретарь нашего парткома Петров говорит: «Инициатива твоя хороша, но нет нужды упоминать твою фамилию». Почему же так?

Дела в бригаде средние. Разве это норма — сто шестьдесят кубов? Да и те порой недобираем. То машин не хватает, то запасных частей. Комплексные бригады ведь, по существу, распались. На днях в бригаде большой скандал вышел. Кто-то из наших припрятал запасные цепи, и молчок. А у соседнего бригадира цепи оборвались. На складе нет их, и ему приходится стоять. Я погоревал об этом, а один из наших хлопцев засмеялся: «Хорошо, что мы запасливые. У нас такого конфуза неприятного не получится».— «Как, что такое?» — спрашиваю. Ну, он сначала на попятную, а потом признался: «Я успел припрятать». — «Ах вы, сукины дети, — говорю. — Да чтоб сейчас цепи были у соседей!»

Думаете, сразу к согласию пришли? Нет! Мнения раскололись. И что такое происходит? Ведь одно дело делаем, сообща!

Мостовой ездил в Киев. Вернулся героем. Каждый день проходят собрания, заседания по поводу досрочного пуска. Вот бы сейчас соревнование начать! Но придерживают. Почему?»

«...Совсем не пойму, что такое творится? Все вокруг рушится. Слух пошел: «Кто таков Павленко?» Говорят, что я с Волжской стройки неправильную справку привез о среднем заработке. Да разве я ее составлял? Ведь нам тогда на всю бригаду выдавали. Послали туда запрос. Просили подтвердить. И характеристику тоже. Ведь это позор! Мне стыдно людям в глаза смотреть!

Некоторые шепчут, что все это делается от обиды за вашу статью. Но я этому не верю.

Просто голова идет кругом. Ездил я в командировки, от меня коллектив отворачивался. Вернулся на экскаватор, коллектив доволен, хвалит (меня избрали членом постройкома, делегатом партийной конференции). Кажется, чего еще желать, жми, Борька, вкалывай! Так нет!..»

«Помните, вы мне читали изречение? Кажется, так: «Человек еще не достиг совершенства, он еще грешен, однако это не отнимает у него права иметь высокие идеалы и стремиться к ним». Это про меня.

Дочка пошла вчера в первый класс. Приходит, лопочет что-то, а я думаю: «Для вас все делается, для вас. Пусть мы еще не всегда можем как следует жить, но для вас-то жизнь мы построим!»

Все, кажется, сейчас тихо и мирно в моей жизни. Кляузы кончились. Жена и дети рядом, довольны, заработки неплохие. Любой человек может позавидовать. А на душе у меня серо. Ничего не радует. Словно телега меня переехала. Видали вы, как по дороге лягушка ползет, колесом передавленная? Так вот и я живу.

Напишите, где сейчас есть самые ударные стройки. Чем дальше, тем лучше. Затосковал я окончательно. С виду такой же, как был, гладкий, все говорят, что отпуск пошел мне на пользу, а внутри у меня пусто. Трухлявый стал. Такие деревья пасечники любят. Пустят в дупляк пчел, вот он опять людям пользу и приносит. А где же мои пчелы? Скажу честно: выпивать начал».

После такого письма оставаться спокойной я не могла. Приближался срок, назначенный для совещания строителей, и я решила там встретиться с Мостовым, поговорить с ним о Борисе.

В первый же перерыв между заседаниями сразу увидала Евгения Аристарховича. Он стоял у окна и что-то пристально разглядывал. Прежде чем я успела окликнуть его, подойти, Мостовой внезапно обернулся, увидел меня и стремительно, почти скользя по паркету, двинулся навстречу. Он не пожимал, он гладил мою руку, восклицая:

— Я так рад вас видеть! Мне необходимо с вами поговорить. Я совсем не ожидал, что меня пригласят в президиум этого совещания. Вы слышали, как председатель огласил мою фамилию? Это было перед самым перерывом. А я и не знал, что вы тоже вхожи в эти места. Нам обязательно надо встретиться. Безусловно, для нашей стройки начинается новая эра. Помните, я вам говорил, как важно выступить своевременно в печати? Сейчас мне уже заказали статью. Главное, вовремя вскочить в тележку...

— Евгений Аристархович, я хочу поговорить с вами о судьбе одного человека.

— О ком? — голос Мостового прозвучал напряженно.

— О судьбе Бориса Павленко.

— Вот как, о судьбе! Я, знаете ли, в судьбу мало верю, — попытался он пошутить. — А что, собственно, с ним стряслось? Работает на экскаваторе, в командировки не ездит. Что же еще?

Я хотела ответить, но тут раздался звонок. Мостовой, казалось, только и ждал его.

— Смотрите, не прозевайте интересный материал, — поспешно уходя, сказал он. — К нам на площадку скоро опять гости приедут.— В голосе его прозвучали многозначительные нотки.

...Что же делать? Чем помочь Борису? Посоветовать переехать на другую стройку? Но разве перемена места может стереть недовольство собой, заполнить образовав-

шуюся в душе пустоту, заменить исчезнувшую уверенность в своих силах?

Правда, в глубине души я была уверена, что Борис в конце концов справится с собой, со своими настроениями. Уж очень сильна в нем любовь к жизни, неистребима жажда зримого, осязаемого труда. Вспомнились слова Комазова, который сказал мне однажды: «Если меня спросить, как начал бы я свой жизненный путь заново, я ответил бы — пошел бы той же самой тропой, которую уже однажды проложил. Спать у костра в необжитом месте, видеть перед собой голую, мертвую степь и знать, что пройдет несколько лет, и все, что появится здесь; заводы, огни домов, раскрытые окна школ, голоса детей и звон трамваев, — это все частица твоего труда, труда строителя. Что может быть прекраснее этого!»

Борис никогда не говорил таких слов. Когда я спрашивала его, почему он любит свою профессию, отвечал:

— Не знаю. Люблю, и все! Может, потому, что движение в ней есть, а может, потому, что уж очень все наглядно получается: не было ничего — и вдруг есть!

И он замолкал, посматривая искоса, покусывая спичку или травинку. В конечном итоге и в словах Комазова, и в словах Павленко была заложена одна мысль.

Я верила, Борис сумеет справиться с собой. И все-таки на сердце у меня была тревога.

Утром в редакцию пришел Виктор Старицкий. И опять, как тогда, на Днепровской пристани, он заговорил так, словно в его появлении не было ничего удивительного. Сидел спокойно, не осматриваясь в незнакомой обстановке, не привлекая к себе внимания. Никто из

моих коллег так и не заподозрил, что в комнату вошел не привычный посетитель, а гость издалека.

— Я вам письмо привез от Бориса. При мне он его писал, спешно. Только вы не принимайте его близко к сердцу. Нет, — поднял Виктор руку, останавливая вопрос, готовый сорваться с моих губ, — трудно ему и сейчас, но это уже от переживаний. А главное — беда позади. Я вам все расскажу, подробно, только не здесь. Ладно? Может, выйдем, прогуляемся, посидим на скверике? Вам можно оставить редакцию на часок?

Виктор спрашивал деловито. Чувствовалось, он уважает не только свой труд, но и труд других.

— Да, да... — ответила я, разрывая конверт письма.

«...Я — на дне! Говорю это вам искренне и бесповоротно. Понял это. В жилах кровь течет горячая, сил много, горы готов свернуть, а в действительности...»

Я растерянно опустила письмо на стол.

— Так говорю же вам — не беспокойтесь! — слова Виктора вернули меня к действительности. — Пойдемте, все расскажу.

...Утром того дня, приоткрыв дверь в комнату, где спал на диване Борис, Виктор увидел его одетым. Павленко стоял возле окна спиной к двери.

— Уже собрался? — спросил Виктор, словно не замечая осунувшегося за ночь лица друга. — Тогда пошли на кухню, выпьем кофейку — и в забой...

Они шли рядом молча, дымя папиросами, Борис искоса поглядывал на Виктора, видимо, ждал вопроса. Но тот молчал. Они уже спускались с бугра, когда Борис внезапно остановился:

— Ты не подумай чего, я вчера пришел не с гулянки.

— Понимаю, — ответил Виктор.

— Сима будет спрашивать, придумай что-нибудь, — опять сказал Борис. — Не хочу я пока ее расстраивать. И ты меня ни о чем не спрашивай.

— Ладно, — согласился Виктор.

— Я, может, на другую стройку подамся, — голос Бориса прозвучал устало.

Виктор, будто не слыша, заметил:

— Сегодня собрание в бригаде надо провести. Обсудить новые обязательства.

— Не будет сегодня собрания, — резко ответил Борис. И почти бегом спустился в забой.

Всю смену Павленко ожесточенно работал. В перекур не сел, как обычно, рядом с хлопцами, а отошел в сторонку и, вытянувшись на земле, лежал с закрытыми глазами.

— Наш бригадир, видно, вчера хлебнул крепко, — сказал Белин, пожимая плечами.

— Не болтай, — одернул его Старицкий. — Заболел он.

В этот день самосвалы не поспевали отвозить вынутый экскаватором грунт, и Борис, высунувшись из кабины, громко и зло ругал водителей. Завидев начальника участка, проходившего невдалеке, вылез из кабины, решительно зашагал ему навстречу. Старицкий видел, как они стояли друг против друга — высокий Борис и маленький сутулый начальник участка, — как махали руками, видимо, о чем-то споря. Голосов не было слышно, но и без того Старицкий понимал, что разговор идет крепкий.

Потом Борис опять сел за рычаги и уже до конца смены не произнес ни слова. Домой ушел сумрачный, злой.

Вечером Виктор заглянул к Павленко. Бориса дома не оказалось. Сима сидела на диване, опустив руки. Видно было — недавно плакала.

— Что с Борей? — спросила она.

— А что? — попытался слукавить Старицкий.

Но Сима покачала головой.

— Не надо, Виктор, не надо. Мы слишком давно знаем друг друга. Что случилось с Борисом?

А Старицкий и сам толком не знал, что произошло. Он видел только, что Борис все время расстроен, вроде потерял равновесие... Но почему? Что могло так подкосить друга?

Он встал, помедлил у порога и вышел.

Не пришлось ему поговорить откровенно с Борисом ни назавтра, ни в последующие дни. Павленко словно отгородился от бригады, и на лбу его легла широкая продольная морщина.

Потом настал день, когда Борис не вышел на работу. Володя первым вызвался сбегать в поселок, узнать, что случилось. Он прибежал взволнованный и сказал обступившей его бригаде:

— Здоров. Сам открыл дверь. Жена, видно, в школе. Посмотрел на меня, как на пустое место. Говорит: «Работайте сами». И захлопнул дверь.

Хлопцы недоуменно пожали плечами. А Анатолий Белин плюнул:

— Отвык Борька от рычагов. Руки, видно, заболели.

Старицкий схватил Анатолия за плечи:

— Ты что мелешь? С ума сошел?!

— Да не слушай его, Виктор, — зашумели остальные. — Только все время норовит клинья подбить. Придет бригадир — потребуем у него объяснения.

Но и на следующий день Борис ие появился в забое. На этот раз бригада решила не посылать гонцов. Не хотел идти к нему и Старицкий. Но сидеть спокойно дома тоже не мог. И пошел. На оглушительный звоиок у двери вышла Сима. Губы ее дрожали.

— Боря пьян, — всхлипнула она. — И еще принес бутылку.

Небритый, в расстегнутой рубахе, с всклокоченным чубом Борис лежа приветствовал Виктора.

— Появился? Пришел посмотреть, как погибает Павленко? Смотри! Может, спасать пришел?

Вместо ответа Виктор взял со стола чуть начатую бутылку водки и с размаху швырнул ее в раскрытое окно, выходящее в поле.

— Побрейся, дурак! — голос его прозвучал сухо. — Сима, открой кран в ванной, холодную воду пусти. А ну, вставай, живо! — он встал напротив Бориса, широко расставив ноги. — Сопляк несчастный!

Виктор ждал, что Борис набросится на него. Но тот неожиданно улыбнулся. Блаженная, счастливая улыбка растекалась по его лицу, делая его по-детски беспомощным.

— Значит, нужен я тебе? Требуюсь? — проговорил он, продолжая улыбаться.

Встал, пошатываясь, прошел по комнате, стукнулся плечом о притолоку двери, оглянулся:

— Значит, все-таки нужен?

Виктор, внезапно ослабев, сел на стул, слушал шум льющейся в ванной воды.

— Вот чертушка, — пробормотал он, — вот чертушка...

Сима принесла холодный квас, отдающий мятой. Борис пил жадно, прямо из кувшина, не вытирая капель с подбородка.

Затем сел к столу, подпер подбородок рукой и, глядя в упор на Старицкого, стал говорить.

— Он рассказал мне все. Все! И про заборы те окаянные, и про попытку встретиться с Мостовым, и про их разговор ночной. И для меня все стало понятным. Как мог я раньше все это в одно не свести? Ведь и наша вина, бригадная, в этом деле велика. Обидно, очень обидно, что мы чуть человека не упустили. И какого человека!

Странно было слушать взволнованные слова Старицкого здесь, на шумной Петровке, под пестрыми зонтиками открытого кафе. Рядом сидели люди с покупками. Кто-то обсуждал расцветку новой кофточки. Официантки недовольно поглядывали на нас, занявших так надолго столик.

С уважением смотрела я на своего собеседника. Вот он сидит передо мной, один из друзей Бориса, скромный, внешне неприметный, уже не очень молодой человек. И слова, которыми он выражает свои мысли, не особенно выразительны. Но сколько за ними большого, неподдельного чувства, уверенности в своем праве взять на себя заботу о человеке, попавшем в беду!

Мне хотелось бы сказать ему то, о чем я думала. Но я почему-то промолчала. А Старицкий продолжал говорить, чуть улыбаясь:

— Ну и ругал я в тот вечер Бориса! «Да как ты,— говорю,— посмел сомневаться в бригаде? Откуда у тебя это взялось?» А он головой затряс, совсем как ребенок, растерянно отвечает: «Не знаю. Наверно, от слов Мостового. Ведь он сказал, что я — никто! Понимаешь, Виктор,— никто! Я и на работу не вышел вчера, потому что надеялся — придете вы, скажете: «Брось, Борька, дурить!» А вы не пришли. Вот я и окончательно пал духом:

«Значит, верно,— думаю,— сказал Мостовой, значит, вправду я никому не нужный». Я, Виктор, пока лежал тут один, все передумал. Всю жизнь свою разложил перед собой. Помнишь Волжскую стройку? Помнишь, как я выводы делал из своей жизни? А тут только на себя понадеялся. Вот такое и получилось. Нет, ты не маши рукой, давай начистоту говорить. Ты понимал, что поездки мне эти во вред? — «Понимал и, помнишь, говорил тебе! Но плохого про тебя никто не думал»,— только и ответил я ему. Не мог тогда по-другому сказать. Ведь это все равно, что хлыстом ударить, когда человек с земли поднимается. А сам про себя решил: «Ты только соберись с силами, уж потом мы тебя всем гуртом пропесочим».

— Долго мы сидели с ним в тот вечер. Очень долго. А назавтра, после работы, собрались все у Бориса и поговорили спокойно. Каждый высказал, что у него на сердце накопилось. Павленко слушал мирно, только желваки на щеках ходили. Целый коробок спичек искусал он в тот вечер. Вы же знаете его привычку: когда нервничает, обязательно что-нибудь в рот тянет. И все-таки, даже после такого разговора, сердце у него не очень расслабло. Все еще ходил невеселый, в глаза людям не смотрел открыто. А на днях сказал нам:

— Все-таки, хлопцы, мне после всей этой истории здесь работать не с руки. Наверное, уехать надо, может, в Сибирь, а может, еще куда...

Бригада, конечно, взволновалась. Мнения были разные у людей. Но большинство высказалось так:

— Оставайся, Борис. Не ломай бригаду. Скоро перекрытие будет. И руки наши очень пригодятся стройке.

Я тоже такого мнения придерживался. Борис посветлел лицом после наших слов.

— Спасибо всем вам, — сказал. — Только прав я. Не хочу тень класть на бригаду. Начальник мне все равно того разговора ночного не простит.

Я тогда Борису не ответил. Но знаю твердо — нельзя его дело без последствий оставить. Затем и приехал. Бригада уполномочила меня ехать в Москву. В министерство. Рассказать обо всем.

По тому, как упрямо наклонил Виктор голову, я поняла, что никакая сила не удержит его от принятого решения.

— Ну что ж, желаю успеха, — сказала я.

Перед отъездом из Москвы Виктор снова зашел в редакцию.

— Был я везде, — сказал он. — Сначала в главке. Там меня слушать толком не стали. Один сказ: «Чего вы с такими пустяками под ногами путаетесь? План ваша стройка делает. С начальника спрашивают строго. Да и что такого случилось с вашим бригадиром? Мы вот вчера сводку получили с площадки, так его бригада самую высокую выработку дает. А психологией сейчас заниматься не время».

— Что возразишь на такие слова? — развел руками Старицкий. — Со стороны послушать — все правильно. А все-таки записался я на прием к министру. Его, правда, в тот день не было, и принял меня заместитель министра. Ипполит Харитонович его зовут, фамилию запамятовал, пожилой такой. Выслушал он меня внимательно, спрашивает: «Это тот самый Павленко, который письмо присылал в министерство насчет сроков строительства? Я читал письмо. Ваш начальник в то время тоже был здесь. Вы, товарищ Старицкий, поезжайте домой спокойно. Работайте. И Павленко скажите, пусть дурака не валяет. Ни на какую другую стройку ему,

уезжать не требуется. И пусть успокоится. Все будет в норме. А вам спасибо, — посмотрел на меня весело: — Значит, дружите с Павленко? Дружба человеку нужна очень». Руку пожал мне крепко. Счастливого пути пожелал.

— Вот и все мои успехи. Теперь на площадку возвращаюсь. Надеюсь, не останется все без последствий. Будем держать вас в курсе событий. Я-то писать не мастак, но Борис без писем к вам уже не может.

XIII

Вот так и плетется нить жизни. Достаточно следовать за ней с документальной строгостью, и получается такой увлекательный сюжет, который только может пожелать человеческое воображение. Вскоре Павленко сообщил мне о новом повороте своей жизни.

«У нас большое событие. На стройку приезжал Комаров с иностранной делегацией. Прибыл неожиданно. Мне говорили, что его дома — в Советском Союзе — нет. И как только узнал я о его приезде, мы с хлопцами решили непременно с ним повидаться. Собрались всей бригадой и пошли в контору. Понятное дело, нас не пустили в кабинет, где он с гостями и нашими начальниками разговор вел. Решили тогда выйти на улицу и дожидаться там. Но вдруг дверь кабинета Мостового открылась и оттуда вышел Иван Васильевич. Понятное дело, не один, вместе с арабами, но я видел только его. И он меня увидел. Да как закричит:

— Борис, сынок, иди сюда!

Я подбежал. Он меня обнял, поцеловал. Вы не можете представить, сколько радости было в моем сердце. Хлопцы мои тоже от радости как дети стали. Я с этого момента совсем вроде переродился. От слов его, от ласки душевной опять себя человеком почувствовал. Вы понимаете — че-ло-ве-ком!

Два дня у нас гостила делегация, а потом поехала в Харьков на машинах. Хотелось Комазову показать гостям хоть часть земли нашей. Вот и пришла мне в голову мысль побыть с Иваном Васильевичем подольше. Набрался смелости, подогнал свою машину к крыльцу Управления, и, как только стали гости выходить, подрулил к подъезду, открыл дверцу и говорю:

— Пожалуйста.

Евгений Аристархович даже в лице изменился, а Комазов засмеялся и стал приглашать в мою машину арабов. Потом и сам сел рядом со мной. Так мы и уехали.

На мое счастье, в Харькове пришлось долго ждать поезда на Москву и удалось мне откровенно побеседовать с Иваном Васильевичем. Все я ему рассказал, и все он понял. Конечно, никого не обвинил, кроме меня самого. И я знаю: ругать меня, конечно, требуется.

Во время этой поездки арабские специалисты меня сначала за шофера приняли, а когда узнали, что я экскаваторщик, закидали разными вопросами: сколько мне лет, есть ли дети, какой заработок.

Иван Васильевич рассказал им, что я на Волге ГЭС строил и там во время перекрытия бросил добрый кусок скалы с надписью: «Привет волжским судакам!» Гости смеялись, а один говорит: «Может, господин Павленко при таких же обстоятельствах бросит и в нашу родную реку глыбу? Только у нас судаки не водятся. Придется написать: «Привет нильским окуням!»

— Можно и так, — согласился я.

На том разговор и кончился, а когда прощались, гости меня спрашивают: «Нет ли у вас желания поехать в Асуан поработать?» Я посмотрел на Комазова — что ответить? А Иван Васильевич, словно нарочно, равнодушно сказал:

— Решай сам, не маленький!

— Ну, раз так, — протянул я руку египетскому гостю, — согласен я.

Потом, когда мы с Иваном Васильевичем один на один беседовали, он мне сказал:

— Асуану нужны хорошие хлопцы! Правильно сделал, что согласился. Как только дело начнет разворачиваться с плотиной, мы тебя вызовем.

Но вы думаете, для меня этот вызов важен? Честное слово даю, другое: я теперь себя снова человеком чувствую!»

Борис всегда чувствовал себя хозяином своей земли, своей страны. Оторвавшись на какое-то время от любимой работы, в которой он черпал и вдохновение, и убежденность в своей значимости, он это чувство утерял. Но теперь снова дышал полной грудью, снова окунулся в работу, и голос его в письмах звучал бодро.

«...Если ты научился чему-то хорошему, полезному, но оставил это «при себе», не поделился с товарищами, какой же ты, к черту, передовой рабочий? Как ваше мнение? Я снова поднял вопрос о комплексных бригадах. Они ведь у нас почти сошли на нет. И еще есть предложение перейти на хозрасчет с прогрессивно-премиальной оплатой за экономию. Механизаторы меня поддержали.

Настроение у меня бодрое. Даже не верится, что это я, Борис Павленко, находился в таком упадке. Хотя и не знаю зачем, но клянусь: чист я перед партией, перед народом. А тем, кто помог мне не сбиться с правильного пути, большое спасибо!

Сейчас полностью включился в работу, бегаю, шумлю, организовываю. Экскаватор мой, словно конь боевой, почуял хозяина и рвется вперед. Сейчас норму выполняем иногда на двести процентов, иногда на триста. Но меньше чем на сто пятьдесят — никогда.

Вы знаете, я очень люблю Островского. Много раз читал его книги. И особенно запомнилась мне мысль его, что в нашей стране быть героем — долг каждого человека. Вот я этот долг и стараюсь выполнить.

Расскажу вам о своих дальнейших планах. То, что меня приглашали на Асуан, еще дело неясное, да, по правде сказать, и совсем не в том дело, чтобы ехать туда. Я уже писал, что главное для меня тогда было в том, что Комазов мне по-прежнему верит и тем самым меня заставил поверить в самого себя. Плохо я, наверно, свою мысль выразил, но вы поймете. Так вот, про планы мои дальнейшие: как только закончим здесь скальные работы, буду просить перевести меня на новую стройку, куда-нибудь подальше, чтобы опять начинать все сначала.

Приезжайте, пишите».

«Простить себе не могу, что потерял столько времени. Сейчас решил наверстывать. Сдал экзамены в техникум. Сижу за уроками, голова трещит. Сима, конечно, помогает, все требует делать, как положено. Но я вам все свои переживания по поводу учебы напишу подробнее потом. А пока хочу сообщить о делах на стройке.

Ох, и поработали мы в котловане перед пуском и перекрытием. Классически! Люди не уходили с рабочего места по трое суток! Но зато какое это великолепное чувство — видеть, как труд твой сегодня, сейчас дает зримые результаты! Да я готов так работать месяцами!

Наверно, вы скажете, что я не прав, но мне кажется, что в нашем строительном деле, как и всюду, надо, чтобы перед людьми была поставлена твердая цель, и пусть знает человек: сохранил, скажем, без поломок свою машину в течение десяти лет, выбрал столько-то миллионов грунта на ней — получай народное всесоюзное признание. И еще, по-моему, надо так поставить дело, чтобы и руководители, и рабочие были материально заинтересованы в применении лучшего, наиболее прогрессивного. Пусть какая-то часть экономии, полученной в результате внедрения нового, пойдет на премирование тех, кто особенно в этом отличился. Честное слово, деньги зря не пропадут!

Что-то я в последнее время стал размышлять о разном. Может, это к старости?

Приедете вы к нам или нет? Зайцев много развелось, только вот на охоту сходить некогда. Как выпадет свободное время, приходится за книжки и тетрадки садиться. Сима строгая! Ты, говорит, меня не позорь. Взялся учиться, так учись! Но я и сам понимаю, как не хватает мне знаний. Буду догонять.

Борис.

А все-таки приезжайте. Вырвемся на охоту как-нибудь».

«...Ну, все! Заперли мы Днепр! Чувствую себя замечательно. С двумя реками управился, теперь надо поду-

мать о третьей. Я просил узнать, где есть наиболее трудная и далекая стройка. Но ответа пока не получил. А решение мое принято. Уеду. И знаете, со мной опять бригада собирается в поход двигаться. Когда мне об этом хлопцы сказали, у меня даже дух захватило от радости. Значит, по-прежнему доверяют, считают своим. Ох, и замечательная штука все-таки жизнь!

А вот с Симой немного поспорили, и сейчас мне немного обидно. Неужели и в ней появилась зараза, которую я всем сердцем не терплю, — боязнь расстаться с насиженным местом? Ведь мы, строители, — кочевники двадцатого века, нам все время положено быть в пути. И жене строителя надо привыкать быстро собирать барахло перед новой дорогой. А моя испугалась: «Сына надо музыке учить. Пианино покупать. Зачем ты мне шубы да наряды всякие навез? Мне их на новом месте и надеть будет некуда. Опять степь, опять пустыня. Устала, хочу жить, как все люди живут...»

Я сначала подумал, она шутит. А потом вижу, у нее на глазах слезы. «Глупая моя, — думаю, — ты, видно, ошиблась в жизни, не того полюбила». Что любит она меня, я твердо знаю, и знаю, что поедет за мной хоть на край света. Вот потому жаль мне, когда вижу, как мучается она душевно. Плохо человеку, когда он душевно страдает, это я по себе знаю. Никакая боль другая с этой не сравнится. Но и себя переделать я не могу. Не привязать меня к одному месту.

Сел я с ней рядом, поцеловал в пробор, спрашиваю: «Значит, хочешь остаться здесь навсегда?» Она прижалась ко мне, головой кивает, а глаза прячет. «А чем же мне заниматься, — снова спрашиваю, — когда строительство кончится? Может, в заготовительную контору поступить?»

Тут она, видно, в моем голосе насмешку учуяла, подняла голову, глаза сердитые. «Не смей надо мной смеяться. Думаешь, я не понимаю, к чему ты клонишь?» И вдруг кинулась, обхватила руками: «Ладно, Боря, едем! Поедем, куда хочешь. И на Ледовитом океане люди живут. Вырастут и там наши дети».

Вот так закончился наш разговор. А на душе у меня какой-то осадок остался, да и у Симы, видно, тоже, потому вот уже неделя прошла после того разговора, а я все в ее глазах иногда тень подмечаю.

Такие у меня дела. Но все это переживем. Легко я себя сейчас чувствую. Словно после длинной и пыльной дороги в горячей бане попарился. А от Комазова пока нет никакого слуха. Где он сейчас, хоть бы вы написали. А то уедем на новое место, он и знать не будет, где я, так и расстанемся.

Борис».

И внизу приписка другим карандашом, видимо, сделанная в последнюю минуту:

«Посылаю вам номер нашей многотиражки, посвященной подготовке к перекрытию Днепра. Посмотрите внимательно, там карандашом отчеркнуто все, что о нашей бригаде сказано».

Не успела я порадоваться этому письму, а уж почта принесла новую весточку.

«Иван Васильевич, однако, не забыл про свое обещание. Я только что вернулся из кабинета нашего начальника стройки. Интересный у нас с ним разговор получился. Вы ведь знаете, я пуганый. И недаром говорят: «Обжегшись на молоке, дуют и на воду». И я дуть

начал. Вошел в кабинет и стал возле стенки. «Собирайся, Павленко, в дальнюю дорогу»,— говорит мне Евгений Аристархович без всяких предисловий, а сам читает какую-то бумажку. «Ну,— думаю,— шалишь, я так просто тебе теперь в руки не дамся». Однако и кидаться в драку сразу не захотел. Молчу. Молчит и он. Потом спрашивает, опять головы не поднимая: «Слыхал?» — «Слыхал,— отвечаю.— Только в какую дорогу вы меня посылаете? Опять толкачом?»

Тут он бумажку отложил и на меня посмотрел насмешливо. «А ты все такой же ершистый. Если не хочешь, можешь не ехать. Не я тебя посылаю, а министерство вызывает, вернее, не министерство, а твой любимый Комазов. Ну, так как?» Спрашивает, а сам откинулся в кресле, пальцами по столу барабанит.

Досадно стало мне, что не выдержал я, раньше времени вопрос задал. Но делать нечего. «Покажите вызов»,— шагнул я к столу. Читаю, черным по белому написано: «Откомандировать экскаваторщика Павленко сроком на два месяца в Свердловск, на завод «Уралмаш», для отгрузки экскаваторов, предназначенных для отправки на строительство Асуанской плотины».

Два раза перечитал я эту бумагу. Вот это да! Как жизнь-то поворачивается. И так обрадовался, что забыл, где нахожусь, забыл про все. Но Евгений Аристархович напомнил: «Вижу, Павленко, согласен ты. А я, знаешь, могу тебя задержать и другую кандидатуру предложить. Могу, но не буду. Поезжай».

Вышел я из конторы, остановился посреди тротуара, глянул вокруг. И до чего же хорошо мне показалось все! Стоит наш городок строителей на берегу Днепра, словно умытый. Рядом с тротуаром по ниточкам тянутся, вьются настурции. Только сегодня я их заметил. Пришел

домой, рассказал Симе, а она смеется: «Да их уже третий год высаживают!»

Жена моя довольна очень. Этот вызов несколько отодвинул переезд на новую стройку, а у нее к Сибири, видно, душа не лежит. Ну, а когда хозяйка веселая, весь дом радуется.

Прежде чем попасть на Урал, мне непременно надо в Москву заехать. Так и в вызове сказано. Потом у меня сразу мысль появилась: негоже мне в Свердловске на заводе одному крутиться, надо обязательно часть бригады туда вытаскивать. Вдруг нам придется не только готовые экскаваторы отгружать, но и принимать участие в их сборке? Думаю, что это для нас всех очень полезно. Тогда мы новую машину будем знать, как свою жену, а в Асуане это нам пригодилось бы.

И еще у меня в министерстве дело есть. Хочу я познакомиться с теми, кто составляет списки на запасные части для экскаваторов. Там, в Египте, жара страшнейшая, в Асуане этом. Я знаю. За последнее время все книжки прочел об Египте, какие были в нашей библиотеке. Теперь кое-какое понятие имею о стране. Особенно интересной показалась мне книга «Фараон». Понятно, все, что там описано, дела́ давно минувших дней, преданья старины глубокой. Но тем интереснее с теперешним будет сравнивать. Так вот насчет скалы. Во всех книгах сказано, что скала в Асуане, как драконов зуб. И притом климат — жара. Так что с зубьями будет очень напряженно. Вот я и хочу подсказать в министерстве, что нормы запасных частей, которые существуют здесь, там не годятся...»

Письмо было на редкость длинное. Борис обстоятельно перечислял необходимые запасные части для экска-

ваторов, особенно напирая на тросы. Видимо, когда писал письмо, ему казалось, что перед ним тот самый работник министерства, которому надлежит втолковать все особенности «коварной Асуанской скалы». Впрочем, так с Борисом бывало нередко. Увлеченный какой-либо идеей, он отдавался ей целиком. Предстоящая поездка в Свердловск, которую он справедливо рассматривал, как преддверие более дальней поездки, взволновала его. Это я почувствовала при встрече.

Он приехал в Москву вслед за своим письмом. И тут же позвонил, прямо с вокзала. Правда, зашел только через несколько дней, и не в редакцию, а поздно вечером домой. Но звонил ежедневно.

Разговоры были предельно кратки.

— Корабль штормует, — кричал Борис в трубку после приветствия. — Жду команды капитана. Сигнал подам своевременно.

Или:

— Настаиваю на пополнении команды. Обещают бурю. Держусь крепко. Все.

Еще:

— Небо проясняется. Ребятам на стройку послана телеграмма. Сам сижу по-прежнему в приемной. В какой? Расскажу после.

Войдя в нашу квартиру, Борис сразу запросился под душ. Фыркал и плескался в ванной, как морж, а затем с мокрой головой, в расстегнутой рубашке долго, с наслаждением пил чай и рассказывал.

Рассказывал все. Подробно. Только и осталось непонятным, почему для разговоров со мной по телефону был избран такой код. Но сколько я ни настаивала на разъяснении, Борис крутил головой и таинственно шептал:

— Так требовалось. Политика.

Но мальчишество Павленко проявилось только в этом. В остальном он действовал обдуманно, уверенно и напористо.

За несколько дней пребывания в Москве Борис успел «провернуть» кучу дел. Доказал в министерстве необходимость посылки в Свердловск нескольких экскаваторщиков из своей бригады. Успокоился лишь после того, как убедился, что вновь назначенный заместитель Комазова по Асуану подписал телеграмму, вызывавшую их. Получил разрешение ознакомиться со списком запасных частей для египетской стройки.

— А заместитель Комазова, оказывается, вас знает,— заметил он мне удивленно.— И что это за теснота такая в мире, везде и всюду натыкаешься на знакомых.

— Да ты-то здесь при чем?

— То есть как при чем? — искренне удивился Борис. — Раз он ваш знакомый, значит, и мой.

Я не стала спорить.

— Вот он у меня, этот список запасных частей, — продолжал Борис, — в кармане. Я этот список за ночь изучу, как свои пять пальцев. Ведь это не шуточное дело — такое строительство! По нашим экскаваторам, по нашей работе в Асуане, за границей, может быть, станут судить о всей нашей стране, о всей нашей технике. Как вы думаете?

Я думала точно так же. Получив поддержку, Борис горячо продолжал говорить.

За окном была глубокая ночь, когда я, оставив его, ушла спать. Так и не пришлось мне узнать, сомкнул ли он в ту ночь глаза или просидел до рассвета над документами. Проснувшись утром, я уже не застала Павленко. На кухонном столе, рядом с пустой бутылкой из-под

кефира, лежала его записка: *«Надо до министерства побывать на заводе. Я помню, там получал добрые тросы. Зайду еще непременно. Борис».*

Однако он не зашел ни в этот день, ни в последующие. Не было от него и телефонного звонка. «Видимо, улетел в Свердловск», — решила я.

Так и оказалось.

XIV

«...Виноват, что не зашел перед отъездом. Но вы поймете и не обидитесь. Так получилось, что мне необходимо было вылететь из Москвы в тот же день. Узнал, что хлопцы вылетели с Днепра в Свердловск, и поспешил им навстречу. Как же они там одни будут? Ведь ни города не знают, ни завода...»

Прочитав эти строчки письма, я невольно рассмеялась. В них был весь Борис, с его заботой о друзьях, с убежденностью, что он самый сильный, что именно он, а не кто другой должен оказывать «хлопцам» поддержку.

Дальше без всякого перехода Борис сообщал:

«Здесь, в Свердловске, у нас сразу дела пошли хорошо. Первый день — на устройство, второй — на знакомство с чертежами и схемами. Одним словом, с теорией. Уральцы — прекрасные люди! Что мне в них особенно нравится, это организованность и собранность. И немногословность. Терпеть не могу болтунов, а, между прочим, сам этим делом немного заражен.

Мы с хлопцами решили, пока здесь находимся, прослушать и закончить с отличными отметками курсы переквалификации экскаваторщиков. Чем плохо, если у нас к отъезду будут книжки-аттестаты высшего класса? Как ваше мнение?

Что курсы мы окончим, я не сомневаюсь, а вот в части отгрузки экскаваторов получается пока неладно. Мне ведь всегда в колеса спицы попадают. Дело в том, что Харьковский завод задерживает поставку электрооборудования для этих экскаваторов. Я звонил в Москву по телефону, разговаривал с Комазовым. Предложил 15 февраля отправить механическую часть экскаваторов в Египет. Пока машины дойдут до Одессы, а затем до Александрии, наступит май. Это точно! А за это время харьковчане изготовят электрическую часть. Она ведь нужна в самом конце монтажа. Ее можно дослать в Асуан более быстрым путем, хотя бы самолетом. Мне кажется, это намного ускорит дело. На словах по телефону Иван Васильевич со мной согласился, а вот подтверждающего документа еще не прислал.

Идею насчет постепенной отгрузки я высказал и на совещании у главного конструктора завода. Все единогласно одобрили. Значит, разумно? Говорю им — отгружайте! Но тут вступает в силу законный порядок. «Пишите разрешение, — отвечают, — будем отгружать». Но ведь у меня нет полномочий разрешения подписывать. Что делать? Я уже три раза звонил в министерство. Комазов куда-то уехал, а его заместитель не решается на себя такое взять. Вы ведь с ним знакомы, сходите к нему, поговорите, докажите, что не спешка моя, не горячность, а здравый смысл подсказывает решение.

Знаете, что? Я еще подожду немного ответа, а если его не будет, честное слово, возьму да и подмахну раз-

решение на отгрузку машин. Ничего, поторопятся с электрооборудованием, дошлют вовремя. Можно в Харьков кого-нибудь из моей бригады послать для поддержки и уговора заводских ребят. Я знаю, какое это влияние оказывает. А впрочем, и в министерстве работников хватит для такой поездки. Всыплют мне, конечно, за самоуправство, знаю. Может быть, даже за это не пошлют на египетскую стройку. Ну и пусть. Зато экскаваторы будут своевременно в забое, зато мы в грязь лицом перед разными странами не ударим. Я ведь понимаю, как злятся на нас капиталисты за то, что мы взялись такую большую и нужную работу делать. Они, наверно, так и следят за каждым нашим шагом. Возьмут и напечатают статейку под заглавием «Ползут, как черепахи» или еще что-нибудь похуже! Нет, я этого допустить не могу. Не пошлют меня, ну и что же такого, все равно мой вклад в этой плотине останется. А работать и у нас можно великолепно.

Согласны вы со мной? Привет вам от всей нашей бригады».

В душе я была согласна с Павленко, но письмо его меня испугало не на шутку. Что, если Борис в пылу организаторской горячки, побуждаемый лучшими намерениями, начнет и в самом деле отправлять оборудование? Ведь это к чему может привести? Словом, ровно через полчаса я была на Центральном телеграфе и послала Борису ругательную телеграмму. А наутро пошла в министерство к заместителю Комазова — Бухареву.

В кабинете толпились люди, то и дело звонили телефоны, секретарша подносила толстые папки с делами. Встреча была короткой. Я еще не успела задать вопрос

о свердловских делах, как Бухарев разложил передо мной несколько бумаг, только что принесенных ему на подпись.

— Толковый парень этот Павленко, — сказал он. — Я рад, что он едет в Асуан. Только очень уж горяч! Но пока все, что предлагает, дельно. Смотрите, по его предложению двух экскаваторщиков из его бригады мы направляем в Одессу проследить за отгрузкой экскаваторов. Только что подписал командировку нашему работнику в Харьков, на завод электрооборудования. Сам Павленко начнет отгружать машины с «Уралмаша». Мы ему уже сообщили о своем согласии.

Через несколько дней пришло письмо от Бориса.

«...Ну вот, а вы отругали меня за самоуправство, за дерзость! Значит, у меня голова не совсем дурная. Письмо из министерства я получил и уже отгружаю машины. Пусть теперь посмеют империалисты злорадствовать!

А какие здесь замечательные люди работают, на «Уралмаше»! До чего уважительно относятся они к рабочему человеку. У меня уже несколько задушевных бесед было с конструкторами. Я ведь прошлый раз, когда был в Свердловске, рассказал им о своих мыслях по поводу экскаватора на болотных гусеницах. Только тогда этот разговор я вел «насухую». А теперь показал некоторые свои наброски. Они заинтересовались, высказали свои замечания. Однако сейчас мне недосуг этим заниматься. Сейчас у меня в голове Асуан. Я здесь, в заводской библиотеке, достал книжки про Египет и все читаю про эту страну. До чего это увлекательно! С охотой бы весь свет объехал. Ну, это тоже после. Сейчас нам нужно Асуан построить, арабам помочь».

Перебирая эти письма, перечитывая их, я отчетливо вижу, как по-хозяйски воспринимал Павленко свое поручение, какую ответственность чувствовал за него.

«...Нашел я подходящего человека на должность механика для Асуана. Замечательный работник. Руки золотые. Работает он на «Уралмаше». Я с ним уже беседу вел. В принципе ехать согласен. Только говорит: «Меня не отпустят с завода, и к тому же в министерстве вашем про меня и слыхом не слыхали. Кто этот вопрос поднимет, кто будет ходатайствовать за меня?»

Правильно, конечно. Я подумал и говорю: «Я буду ходатайствовать». Он засмеялся: «А кто тебя послушает?» — «Попробую!» — отвечаю. И начал действовать. Прежде всего пошел в обком партии, к первому секретарю. Говорю ему: человека я нашел для стройки самого подходящего. А секретарь смотрит на меня, улыбается:

— А кто вас, товарищ Павленко, на такие поиски уполномочил?

— Совесть рабочая и ответственность, — отвечаю.

— Вот как? — посмотрел он на меня с интересом. — Что ж, это понятно. Ну, ладно, рассказывайте, чем механик ваш такой примечательный.

Поговорили мы с секретарем обкома обстоятельно. И очень мне понравился этот человек. Вдумчивый, уважительный. И ведь занят до крайности: секретарь к нему раза три входила, все намеки ему делала, чтобы трубку он взял телефонную. Но он ответил ей хоть и вежливо, но строго:

— Анна Ивановна, я занят. У меня разговор серьезный. Не соединяйте меня ни с кем, пожалуйста.

Когда же разговор наш окончился и я прощаться стал, он мне говорит:

— Вот вы о совести рабочей говорили, товарищ Павленко. Хорошо, что вы ее так понимаете.

— Я ведь коммунист, — отвечаю. — И хлопочу для общего дела.

— Правильно, товарищ Павленко, рассуждаете. Что ж, пишите в свое министерство ходатайство, а мы его поддержим.

Руку пожал крепко. И все беспокоился, как с отправкой машин, все ли в порядке? Сказал: «В случае заминки какой, приходите, не стесняйтесь».

С тем мы и расстались. Доволен я был этим разговором очень. В Москву написал все, как он мне посоветовал. Теперь жду ответа.

Дела идут замечательно. Курсы заканчиваем. Скоро аттестация будет. Днем на заводе кручусь. По вечерам или занимаюсь, или книжки читаю про Египет. Хлопцы мои даже смеяться начали: «Ты, наверное, Борис, решил туда совсем перебраться?» Но я этого не желаю. Я только хочу на Нил поглядеть и реку эту строптивую на место поставить. Разве это мыслимо, столько воды сбрасывать, а людям есть нечего от засухи? В одной книге прочитал, что египтяне этой реке поклонялись, человеческие жертвы приносили — девушек в воду бросали! Все молили Нил принести урожай. Да, надо непременно там плотину поставить! Инженер тут мне рассказывал, что высотная Асуанская плотина должна намного увеличить посевную площадь страны. Прибавится 2 миллиона федданов (это у них вместо гектаров, мера земли так называется). С орошаемых полей три урожая будут снимать.

Вот и все пока. Скоро приеду в Москву, тогда обо всем поговорим. Есть у меня к вам некоторые вопросы, но в письме всего не расскажешь».

Радовалась я за Бориса, читая эти строки. Вот как раскрылся человек! Что же это за народ в моей стране живет удивительный! И думала: «Ведь это все сделала Советская власть. Она, эта власть, вырастила совершенно новое поколение рабочих людей, для которых всякое дело по плечу».

Скоро пришла открытка: *«Все в порядке. Днями буду в Москве. Привет от рабочего класса всем знакомым!»*

Я ждала. Но опять случилось невероятное. Мне позвонил Комазов. Голос его, обычно резкий и ясный, сейчас звучал глухо.

— Бориса не берут в Асуан. Я очень огорчен. Он хороший, настоящий парень. Борис, вероятно, придет к вам. Я хочу, чтобы вы были подготовлены. Успокойте его. Решение исходит сверху.

Я перебила Комазова:

— Решение уже состоялось? Кто вам об этом сообщил? А может быть, надо обратиться в министерство? Вы были там, говорили?

— Нет, я не ходил. И вряд ли пойду. Мое ходатайство в данном случае не поможет...

— О! — только и смогла выговорить я. И, делая вид, что ничего не разобрала, заговорила: — Конечно, вы расскажете о Борисе. Я уверена, если вы поговорите, все будет хорошо.

Теперь перебил меня Комазов:

— Видимо, вы не поняли меня. Вы переоцениваете мои возможности. Да, наконец, это не совсем и удобно. Потому не обещаю. — И повесил трубку.

Вечером в редакцию зашел Борис. Ожесточенно разминая в руках кепку, рассказывал:

— Ехал с чистым сердцем в Москву. Все дела сделал по совести. Экскаваторы отгрузили. Курсы закончи-

ли. Вот аттестат, — он вытащил из кармана красную книжечку, развернул. Я мельком взглянула на отличные оценки. — Пришел в министерство, зашел в отдел кадров. «Когда меня будете оформлять? — спрашиваю. — Другие ребята уже документы получают». Спрашиваю, а у самого и мысли нет, что невпопад говорю. Только вижу, начальник отдела кадров жмется: «Ты, Павленко, не торопись. Мы с тобой позднее поговорим». И опять мне невдомек, почему. «Что это он сегодня какой неразговорчивый?» — спрашиваю у сотрудницы. Есть там такая женщина пожилая, очень симпатичная. А она мне отвечает: «Думаете, это радость, когда из списка человека вычеркнуть придется?» — «Кого же это?» — спрашиваю. А она тихо так, словно смущаясь, говорит: «По-моему, это о вас речь сегодня шла».

Борис потерянно смотрел на меня. Напрасно я убеждала его, что в министерстве еще могут решить иначе, что непременно запросят партком стройки, начальника.

Сказала я последнюю фразу и осеклась. Сразу представила, как раздастся в кабинете Мостового телефонный звонок из Москвы, как возьмет он трубку. «Павленко? — переспросит. — Есть такой. Работник хороший, это бесспорно. Но характер!..»

Я вижу, как складываются в брезгливую гримасу губы Евгения Аристарховича: «Да, было, — говорит он, — это произошло во время конгресса. Любит, любит прихвастнуть... — Мостовой сдержанно смеется в трубку и снова, уже сочувственно: — Не берусь судить. По-моему, он может и за рубежом сорваться».

И представив себе все это, я, сердясь на себя, на весь мир, сказала:

— Билет у тебя домой есть? Ну и уезжай. И выбрось из головы эту поездку. Выбрось!

Много раз замечала я, что именно тогда, когда кто-нибудь из близких людей начинал терять почву под ногами, переставал владеть собой, Борис, наоборот, становился сильнее. Так получилось и на этот раз. Почувствовав мое волнение, он, казалось мне, стал как-то спокойнее.

— Вы не волнуйтесь, — крепко пожал он мне руку.— Просто я, видно, сейчас сижу, как запасной игрок на лавочке. Конечно, понимающий тренер не даст засидеться игрокам. До свидания!

Он пошел к выходу. Я посмотрела вслед. Борис шел не спеша, шагал широко и уверенно.

С дороги Павленко прислал телеграмму: «Держусь. Желаю вам океан счастья». Телеграмма была нелепой, но я поняла, какие чувства владели им.

Утро третьего после отъезда Бориса дня было наполнено деловыми звонками. И когда в очередной раз, подняв трубку, я услыхала вместо приветствия или вопроса фразу: «Был. Все в порядке», — я никак не могла связать эти слова ни с Борисом, ни с Комазовым. Но это был голос Ивана Васильевича.

— Павленко надо немедленно явиться в министерство. С ним будут разговаривать. Он едет в Асуан.

— Вы замечательный человек! — закричала я.— Вы...

— Не говорите ерунды, — бас Комазова был резок.— Где Борис? В министерстве его нет.

— Уехал три дня назад домой. На стройку.

— Хорошо, мы его вызовем, — спокойно сказал Комазов.

А БЕРЕЗКА РАСТЕТ...

Не-ет, он шагал недаром
В ногу с тревожным веком.
И пусть он не комиссаром.
Достаточно —
Че-ло-ве-ком!

И. Уткин

I

ривет из далекого Египта!

Так я и уехал, не попрощавшись. Как всегда, спешил. Наверно, и умирать буду срочно. Но это, я считаю, к лучшему.

Прибыл я в Каир в понедельник. В Асуане был в пятницу. Каир — город красивый. Асуан — тоже. Но красота и грязь здесь неотделимы. Хотя, может, это я еще не пригляделся?

Экскаваторы наши пришли своевременно. Мы их собрали. Не зря я стремился в Свердловске научиться их собирать «по науке». Здесь это очень пригодилось.

В Асуане еще раньше меня собралась хорошая компания экскаваторщиков с других советских строек. Один Василий Клемаков чего стоит! Искуснейший экскаваторщик. Когда мы работали на Волге у Комазова, Иван Васильевич любил говорить про Клемакова: «Рассыпь перед ним килограмм гороху, он этот килограмм своим четырехкубовым ковшом по одной горошине соберет». Вот как Комазов ценил Василия Михайловича!

И еще здесь Слепуха, Гриша Дудик. Одним словом, ребята — высший класс!

При дележке машин мне из первой партии машина не досталась. Поручили пока другую работу. Я, так сказать, временно исполняю должность механика. Ничего. Подожду следующей партии экскаваторов.

Пока приглядываюсь к скале: опасная она очень, для нее зубьев понадобится бессчетное количество. Я уже говорил заместителю Комазова, что надо в Москву писать, в министерство, насчет запасных зубьев и тросов. Он принял это во внимание.

Ивана Васильевича все нет. Он на Родине. А как хочется мне с ним побеседовать. Очень хочется!

Местный рабочий класс к нам, советским людям, относится хорошо. Тянется к нам. Но что меня удивляет, так это терпеливость местных рабочих ко всякому неуважению со стороны своих начальников. Непривычно такое. Мне лично не стерпеть бы никогда. А они терпят. Но, как видно, для этого есть причины. Столько лет народ был угнетенным, забитым, что не скоро еще почувствует свои права.

Смешно да и только! Когда мы с Бухаревым приезжаем на сборочную площадку, арабские рабочие смотрят на меня тоже как на начальника. Это у них от привычки.

Только теперь я понял, какая разница между нашей страной, нашей властью и всеми другими. Понял я и то, что ни в какой другой стране жить не смогу. Сейчас, конечно, дело другое. Мы тут серьезную работу выполняем, и я понимаю, что надо себя в руках держать. Ничего, выдержим!

А кругом солнце палящее, камни, песок. Купаться негде, в Ниле нельзя. Это не Днепр.

Напишу вам подробнее позже. Расскажу про товарищей. Я живу в одной комнате с Гришей Дудиком. Парень хороший, свой, настоящий.

Жду ваших писем. Пришлите конвертов и марок. Привет всем, кто меня знает.

Жму ваши руки. Борис».

Потом писем долго не было. Асуан далеко, и почта оттуда идет медленно. Пока я получила новую весточку от Бориса, написанную его ужасными каракулями, с Асуанской плотины прилетели в Москву живые свидетели жизни Павленко на чужой земле.

Первым появился экскаваторщик Дудик. Он пришел в редакцию, сунул мне небольшой пакетик, перевязанный бечевкой, и уселся напротив, дожидаясь, пока я познакомлюсь с содержимым маленькой посылочки. Григорий Дудик сразу показался мне человеком обстоятельным, не способным на бурные эмоции, скорее даже скептиком.

Я развернула пакет. На стол вывалилась записная книжка Бориса и короткая записка: *«Елена Николаевна! Прошу сохранить блокнот. Адреса́ держу в голове. Привет всем. Жду письма. Борис».*

Книжка была маленькая, обтрепанная, без корешка. Я не стала внимательно рассматривать ее в присутствии Дудика. Однако успела прочитать на первой странице несколько фамилий, поставленных одна под другой. Запись была сделана чернилами поверх стершихся карандашных следов.

«1. — Татренко.
2. — Старицкий.
3. — Попов.
4. — Белин».

Под этим шла жирная черта и внизу было написано: *«Еще Лукьянов».*

Дудик проследил за моим взглядом и деликатно сказал:

— Это список бригады Бориса. Павленко ведь в Асуане и начальству, и нам все уши прожужжал насчет скорейшего вызова этих ребят. Он и в книжку записал перед моим отъездом их фамилии для вас, чтобы вы сразу заинтересовались. И сказал: «Если прочтет при тебе, расскажи ей, в чем тут дело. Может, сходит она в министерство, подтолкнет. А прямо к ней обращаться я больше не могу, и так надоел со своими просьбами».

— Да? Так и сказал? — удивилась я. — Это что-то новое в Боре. Рассказывайте, рассказывайте, Григорий, как вы там все, как Борис? Вы, кажется, живете с ним в одной комнате?

— А березка-то растет, — сказал неожиданно Дудик.

— Какая березка?

— Да разве он вам не писал? Березка, которую он выкопал, когда на Внуковский аэродром ехал. И с чего это ему пришло в голову, не понимаю! Только мороку лишнюю себе создал. Там ведь, в Асуане, жара страшная. А он посадил свою березку в кадку, возле «кондишки» (так мы аппарат искусственного климата называем), и уверяет: «Раз русский человек может здесь жить, значит, и березка выживет». Ухаживает за ней, поливает, прямо дышит на нее. И березка растет. Ей-богу, растет! Я сам сантиметром замерял. А так ничего, живем дружно, — продолжал Дудик. — Парень Борис хороший, товарищ настоящий, у него что хочешь попроси, не пожалеет.

— А вам Борис хотел подарок прислать, — неожиданно вспомнил он и засмеялся. — Крокодиленка хотел

он мне навязать! Я его спрашиваю: «Зачем ей твой крокодил? Что она делать с ним будет? И потом как я эту тварь хищную повезу?» А он хохочет: «Да крокодил-то маленький, детеныш. Я его в ванну положу и водой залью. Летчиков уговорю, ты не бойся. А крокодиленок в Москве — это здорово! Его в ванну пустить можно». Еле отбился я от такого подарка. Надо же придумать!..

Дудик продолжал свой скупой рассказ об их делах и жизни в Асуане, а передо мной отчетливо вырисовывалась картина:

...Такси стремительно неслось по Ленинскому проспекту. Промелькнула выездная арка, деревенька, приютившаяся в овраге, и вот уже шины скользят по блестящему асфальту мимо лесов в нежном весеннем наряде, мимо гипсового оленя, выбежавшего на опушку, чтобы посмотреть удивленными глазами на мчащиеся мимо машины. Еще несколько минут, и автомобиль свернет вправо, к огням аэродрома.

Борис, сидя рядом с шофером, куря одну за другой папиросы, пристально смотрел через ветровое стекло на набегающую дорогу. Молчал. Шофер с любопытством поглядывал на пассажира. Куда собрался лететь этот рослый парень, не по сезону одетый в летнее пальто, без головного убора, с одним небольшим чемоданом? Кто он? Шоферы любят скрадывать путь беседой. Каждый человек, словно окно в другой мир, не похожий на твой собственный. Но пассажир молчал. И вдруг, почти на самом повороте, повернулся к водителю:

— Останови машину! Держи к кювету!

Скрипнули тормоза, машина встала.

— Подожди минутку!

Борис вылез из машины и под недоуменным взглядом водителя вошел в лес. Вылез за ним и шофер.

Прищурившись, смотрел, как Борис сделал несколько шагов сиачала в одну сторону, потом кинулся в другую, иагнулся н начал торопливо что-то выкапывать.

Любопытство разбирало шофера. Как жаль, что иельзя оставить машииу, пойти посмотреть, что делает необычиый пассажир. Но тот уже шел иазад. «Господи! — мысленно ахнул водитель. — Березку выкопал, маленькую березку!» А Борис, бережио положив крохотиое деревце на обочину дороги, уже вытаскивал чемодан, выбрасывал нз него вещи, что-то ища н не иаходя в сумраке вечера. Наконец, вытащил целлофаиовый пакет с иовой рубашкой.

— На, возьми, — протянул ои вкоиец растерявшемуся шоферу рубаху, — подержи пакет. Я в иего березку засуну. Ведь не пропустят на таможие, если увидят. А мне без этой березки лететь нельзя!

Машина тронулась. Теперь Борис стал бурио говорлив.

— ...В Египет, брат, лечу, — говорнл он и улыбался. — Слыхал про такую страну? Пирамиды там, фараоны былн всякие. Вот я и еду туда, ие один, конечно, миого нас едет, будем плотину строить, Нил покорять... Вот такое дело. А сам я экскаваторщик.

— А березка-то вам зачем? — удивлениo спросил шофер.

— Березка? Березка миогое зиачит. — Голос Борнса стал мечтательным. — Березка — это все равно, что родиая земля. Зиаешь иебось, что солдаты раиьше, уходя иа войну, в ладанку свою землю зашивалн? На шее ту ладанку носили вместе с крестом. А я в бога не верую! Я коммуиист. Но родную землю хочу при себе иметь. Вот, брат, к чему мне березка. Поиял?

Огии аэропорта стремительно иеслись иавстречу, захватывалн машииу в кольцо света.

— Прощай,— Борис сунул в руку шофера бумажку и, заметив его удивленный жест, торопливо добавил: — Бери, друг, бери, мне не надо. Там деньги другие. Купи что-нибудь на память...

— Чудной он, Борис, — продолжал Дудик, — парнишку безродного пригрел. Кормит, к машине приучает.

— Какого парнишку?

— Обыкновенного. Египетского. На площадке вертелся, местным рабочим помогал. Никто, по правде сказать, на него и внимания не обращал. Думали, сын чей-нибудь или племянник. А Борису до всего дело! Узнал, что хлопец безродный, и говорит: «Я беру над парнем шефство. У меня у самого дети есть. Я не могу, чтобы ребенок скитался, я понимаю...» — Дудик усмехнулся, покачал головой и добавил с недоумением: — Борька с бухгалтерией договорился, чтобы парню этому из его зарплаты деньги выплачивали. Не знаю, сколько, у Павленко такое не выспросишь.

Похоже было, что рассудительный Дудик явно не всегда одобрял поступки Бориса. А я из его слов с радостью узнавала, что и на чужой стороне Павленко оставался самим собой: отзывчивым к чужой беде, к чужому горю, страстно любящим свою Родину и... озорным мальчишкой, способным на сумасбродную выходку.

Много воды унес Нил в Средиземное море с тех пор, как первый советский строитель ступил на землю Египта. Изменился разительно и город Асуан: много новых просторных, светлых жилых зданий, Дворец культуры, великолепные магазины, современные гостиницы, бассейн, где в прозрачной голубой воде так хорошо смотрятся коричневые тела пловцов. Здесь возведен учебно-

технический центр, система зданий, где размещены лаборатории, оснащенные невиданными здесь ранее аппаратами, инструментами, машинами. И, конечно, самое замечательное — Садд Эль-Алли — так называется поарабски высотная Асуанская плотина.

А Борис Павленко после сутолоки Каира, после пестроты и блеска его парадных улиц, мраморных дворцов и ни на что не похожих пригородов, где копошились худые, в лохмотьях люди, после ослепительного блеска песков, по которым, захлебываясь от жары, двигался первый грузовой транспорт советских машин, увидел другой Асуан.

Глинобитные безоконные домики-крепости выставляли прохожим глухие стены. Нигде ни капли тени. Борис широко шагал по узким улочкам, и ему казалось, что плечи его задевают стены. И все время чудились чьи-то глаза, острые, наблюдающие за каждым шагом. Он оглядывался, но кругом по-прежнему стояли молчаливые стены, потрескавшиеся от жары и песчаного ветра.

Хорошо было в доме, где разместились советские рабочие и специалисты. Хорошо было в комнате, где под кондиционным аппаратом росла в кадке березка. Обычно Борис первым выскакивал из машины, привозившей их после смены с монтажной площадки, и стремительно бежал в свою комнату. Забыв про жажду, про пыль, набившуюся, кажется, во все поры разгоряченного тела, он поливал свою березку, считал ее побледневшие листья, с трепетом ждал появления нового побега.

— Не вынесет твоя березка здешнего климата, — говорил Дудик, входя в комнату и с ожесточением сдирая с себя спецовку. — Зря время тратишь. Шел бы скорее под душ. Да и есть хочется.

Но Борис упрямо отвечал:

— Выдержит. Раз я и ты, и другие наши ребята выдерживают, значит, и березка выдержит!

Постепенно привыкал Борис к необычным условиям. По ночам вместе с Дудиком забирался на плоскую крышу здания и, лежа на спине, закинув руки под голову, подолгу смотрел в усыпанное звездами небо.

— Спать пора, — Дудик зевал протяжно, сладко. — Завтра опять с утра солнце. А может быть, нам внести предложение, как ты думаешь, Боря, может, нам ночь перевернуть на день? Все-таки ночью полегче.

Сняв рубаху, Григорий вытирал мокрую от пота грудь.

— Хоть бы ветерок подул, — ворчал он. — Так нет — па́рит и па̀рит...

Борис молчал. Взгляд его скользил по темной, угрюмой гряде скал за Нилом. Скалы, словно забор, охраняли реку от дыхания Аравийской пустыни. А думал он в это время о доме. Казалось Борису, что светят над ним украинские звезды, а под луной серебрится не желтый, тяжелый Нил, а голубая река Днепр.

— Так что ты насчет моего предложения думаешь? — спрашивал опять Дудик и, рассердившись, кричал: — И чего ты молчишь, как дуб?

— Я про скалу думаю, — отвечал Борис. — И про хлопцев своих думаю. Надо их сюда вытребовать, непременно. И как это смогли на такое место людей подобрать, которые о скале понятия не имеют!

Утро всегда было жарким. Борис и Дудик вбегали в столовую. Повар-араб никак не мог приспособиться к вкусам русских экскаваторщиков. В яичницу он умудрялся наложить какой-то ядовито-зеленой травы со специфическим запахом водорослей. Бекон казался соленым и сухим. Даже чай отдавал пустыней.

После завтрака Борис стоял иа крыльце дома и с завнстью смотрел, как Дуднк н другие машиинсты усаживаются в раскаленный автобус. Машниа трогалась. Взметались тучи желтого песка. А Борис нехотя шел к конторе. До тех пор, пока ие прибудет иовая партия экскаваторов, прндется ему ездить иа монтажиую площадку вместе с заместителем Комазова.

Бухарев одобрнтельно смотрел иа отутюженные брюки Бориса, иадевал пробковый шлем, и оии садилнсь в легковую машиiу.

Дни проходили в иапряжеиной работе. На площадку прибылн рабочие-арабы. Это былн славиые парнн, но ннкто из инх никогда не видал механизмов. Они умели класть кирпичиые и камеиные стены, ваять, обтесывать камии. Но сварочный аппарат, экскаватор, бурильиая машниа были для инх загадкой.

Учнтелей хватало: русскне экскаваторщнки окоичили «педагогические институты» еще на Волге и других русских реках. Там оии обучили иемало людей. Но как преподавать здесь, ие зная языка? Переводчиков пока было мало. Не хватало необходимых пособий. Но ждать, пока все это появится, тоже было иельзя. Занятня шлн под открытым иебом. Вместо парт — глыбы гранита, вместо школьиых досок — отполированная скала нлн песок. Вместо пособий — настоящне детали... Пока приехалн переводчики, большая группа арабов успешно сдала экзамены н получила право воднть самосвалы и автокраны. Сказка? Нет — быль. Через два месяца шестнадцать молодых арабов сталн самостоятельио управлять днзельнымн и электрическнмн экскаваторамн с малым ковшом.

Борнс работал на монтажной площадке. Он бегал от одиой машииы к другой, объяснял, показывал, ругал самого себя за то, что ие знает арабского языка, за то,

что не может объяснить людям так, чтобы они поняли сразу. Сам лез под машииы.

Работы хватало всем. Асуанский граиит со времен фараоиов не утратил славы крепчайшего камня Востока. Эта была та самая скала, потрудиться над которой Борис мечтал еще иа Диепре. Но оиа же создавала и иеизбежиое напряжеиие в работе. Еще ие вся иеобходимая техника прибыла на площадку, еще не все экскаваторщики вот так, сразу, изучили приемы борьбы с «коварной» скалой. Но самолеты продолжали доставлять из Москвы зубья, бурильные коронки, и работа шла без простоев.

— Надо мою бригаду с Диепра вызвать, — молил Борис. — Надо сюда людей, зиакомых со скалой. У нас на Днепре, коиечно, скала помягче, ио все-таки не песок, как иа Волге. Требуйте от миинстерства мою бригаду.

Бухарев ждал приезда Комазова. Разворот стройки порождал все новые и новые заботы. Сутки стали короткими, в иих не умещалась и половииа дел, с которыми иадо было справляться ежедиевио. Бухареву некогда было объясняться с Павлеико, ои только кивал согласио головой и виовь погружался в свои заботы.

Смуглые худые люди, которых Борис и другие механики старались обучить управлеиию машинами, тянулись к русским парням, но побеседовать с иими было невозможио. Разве только прижать руку к груди, поклониться, показать на сердце. Борису, привыкшему шумио жить среди друзей, бывало тоскливо. Имеиио в одну из таких мииут ои заметил Рамодаиа.

Мальчишка сидел прямо на песке и внимательио смотрел, как рабочий Макбули сосредоточеиио жует лепешку. Был обедеииый перерыв, и русские рабочие уехали на автобусах в столовую. Арабы обедали в тени навеса.

Борис подошел ближе. На голой груди мальчика от худобы можно было пересчитать ребра. Ноги, торчащие из широких и длинных штанов, были тонки и малы. «Лет двенадцать, наверное, — подумал Борис. — И зачем его отец притащил на стройку?» В этот момент Макбули отломил кусочек лепешки и бросил парнишке. Тот, поймав на лету, жадно вцепился в нее зубами. Черные его глаза с голубыми белками испуганно остановились на Борисе.

— Твой? — спросил Борис рабочего.

Тот отрицательно замотал головой. Развел руками, давая понять, что ничего не понимает.

Через несколько минут Борис привел переводчика.

— Чужой этот парень ему, — сказал переводчик, — зовут Рамоданом. Прибился откуда-то. Таких тут немало.

— Значит, чужой? — переспросил Борис и потянулся, хотел погладить голову паренька. Но тот отшатнулся, затем склонился в низком поклоне. — Забитый, — вздохнул Борис. — А спроси ты его, есть у него родные где-нибудь и зачем он приплелся сюда?

— Родных нет, — ответил переводчик, выслушав гортанную речь Рамодана. — А пришел в надежде получить хоть какую-нибудь работу. Он понимает, что его на стройку не возьмут — мал, но он рассчитывает помогать рабочим и надеется, что они за это будут давать ему еду. Сегодня он помогал Макбули перетирать части машин. Но у Макбули на обед только одна лепешка. Может быть, завтра принесет больше. Мальчишка и так благодарен ему. «И пусть белый начальник,— просит Макбули,— не прогоняет Рамодана, он никому не помешает».

Пока переводчик говорил, Рамодан, сжавшись в комок, по-прежнему испуганно смотрел на Бориса. Насторожились и сидевшие поблизости рабочие-арабы.

Борис слушал молча, покусывая спичку. Потом, ничего не сказав, пошел к конторке, где Бухарев уже на ходу отдавал последние указания. Увидав Бориса, удивился:

— Я думал, ты давно уехал! Обедать поедешь?

Экскаваторщики, уже заканчивающие обед, с удивлением наблюдали, как Борис, вместо того чтобы сесть за стол обедать, пошел на кухню, вынес оттуда вареное мясо, рис, овощи и все это с хлебом завернул в бумагу.

— Что это ты задумал? — спросил Дудик.

Борис не ответил, махнул рукой, пошел в гараж. Там вскочил в кузов грузовой машины, направлявшейся на площадку, примостился среди ящиков. Сверток с едой для Макбули и Рамодана лежал у него на коленях.

Так началась дружба Павленко с маленьким арабом. И прав был Дудик, говоря, что Борис занимается с ним, показывает устройство машины. Павленко решил обучить Рамодана работе на экскаваторе. В бухгалтерии Борис просил часть заработанных им денег отдавать Рамодану.

— Нельзя парню жить на подачках, — сказал он, — обидно это человеку. Пусть думает, что и ему жалованье платят. Я не обедняю. С меня хватит.

А когда товарищи спрашивали: «А что тебе жена скажет на то, что ты своими кровными деньгами разбрасываешься?» — Борис только усмехнулся: «Вы мою Симу не знаете. Она бы этому парнишке раньше меня помогла. Она бы его усыновила сразу. Такая у меня Сима».

Мне Борис о Рамодане не рассказывал ничего. В письмах его волновало другое:

«Привет с берегов Нила!

Не могу я смотреть равнодушно, сердце болит, кровь в голову кидается, когда вижу несправедливость. Мне

вот совершенно не нравится, непонятно мне, почему на стройке труд арабских рабочих оплачивается повременно. Надо их перевести на сдельщину.

Сейчас не известно никому, кто из них как успевает, как работает. Сами рабочие свою профессиональную цену не знают. А вот когда их станут оплачивать сдельно, тогда весь труд, весь человек на виду будет. И потом — это же стимул, это лестно! Тогда можно будет и соревнование между ними развернуть. Как вы считаете? Соревнование в работе каждому трудовому человеку понятно независимо от национальности.

Думаю, что вы одобрите такое мое предложение и инициативу. Начинаю действовать.

А так в остальном все ничего. Трудимся!

Борис».

Вскоре в Москву с Асуана приехал заместитель Комазова. Он принес в редакцию свои записи о первых месяцах работы советских рабочих на берегах Нила. Мне показалось, что Бухарев хочет рассказать мне что-то, может быть, связанное с Борисом. И действительно, как только мы остались одни в комнате, он подошел ко мне:

— Ваш друг Борис Павленко действительно интересный и очень знающий человек. Он мне помогает, и я привык прислушиваться к его советам. Я обязательно поговорю в министерстве о посылке в Асуан некоторых рабочих из бывшей бригады Павленко. Выполню его просьбу. Но мне бы хотелось, чтобы и он выполнял мои...

Мой собеседник помолчал, видимо, подыскивая нужные слова, затем, словно отвечая на мой молчаливый вопрос, резко заметил:

— Нет у него выдержки. Я бы сказал больше, нет у него желания приспособиться к окружающей нас

среде. Мало того, что он сам то и дело влезает в чужие дела, так еще на партийном собрании все время ставит вопрос о том, чтобы мы вмешивались в отношения местных рабочих и специалистов! Вы понимаете? Уж я ему втолковывал, втолковывал, ничего не понимает и слушать не хочет. Твердит одно: «Их рабочий класс имеет право на уважение»... Месяц носился с предложением перевести рабочих-арабов, не только экскаваторщиков, но и рабочих других специальностей, на сдельную оплату труда.

— Что-нибудь получилось из этого? — оживилась я.

— Представьте, получилось, — пожал плечами Бухарев. — Ведь Павленко просто житья всем нам не давал. Пришлось идти в дирекцию строительства, убеждать...

— Значит, у рабочих-арабов поднялись заработки?

— Конечно, поднялись, само собой. И производительность труда возросла. Тут ведь прямая зависимость.

Я улыбнулась.

— Конечно, инициатива Павленко была полезной, — сказал Бухарев, заметив мою улыбку. — Но все равно он не прав. Вы знаете, до чего дошел? Обвинил меня в том, что я перенимаю чужие порядки...

Бухарев даже покраснел от негодования и потянулся к моим папиросам.

— Вы стали курить?

— Да нет, это я так, машинально, — повертел он незажженную папиросу в пальцах. — Но с таким, как Павленко, пожалуй, закуришь. Я ведь не знаю, что завтра взбредет ему в голову. Он совершенно не хочет понимать, что мы работаем под пристальным взглядом представителей фирм самых различных стран мира. То и дело в зарубежной печати о нас пишут клеветнические статейки.

— Но, может, именно поэтому нашим людям и надлежит твердо отстаивать право человека на уважение? — спросила я осторожно. И добавила: — Мне трудно, не зная обстановки, судить о ваших делах. Одно могу сказать наверняка: Борис Павленко может быть настоящим, преданным другом. Такой друг нужен везде.

Через несколько дней после разговора с Бухаревым пришло письмо от Бориса. В нем он подробно рассказывал то, о чем заместитель Комазова говорил недомолвками:

«Здравствуйте! Привет вам с берегов желтого Нила и из горячей пустыни! Жду от вас писем и никак не дождусь. Какая жизнь моя коварная или сам я виноват, только и здесь я не могу себе найти покоя, не могу смириться с тем, что вижу, как это делают некоторые, не хочу называть фамилии. Между прочим, он мне сначала понравился своей человечностью, Бухарев. Только вижу, поторопился я с выводами. Потому что ваш знакомый ни во что не хочет вмешиваться.

Вот послушайте, какой случай у нас произошел, и рассудите, кто прав, кто виноват.

Приехали мы с Бухаревым на площадку (я все еще при нем нахожусь в должности механика), и вижу, как Макбули взвалил на плечи головной болт от крана и собирается его на себе тащить в город. Я вам уже писал про этого араба. При нем находился мальчик Рамодан. С тех пор мы с этим Макбули подружились. Я его даже по-русски научил говорить — «здравствуй», «товарищ» и еще другие слова. Но это сейчас к делу не относится.

Так вот, смотрю я, как он под тяжестью детали гнется, — а она без малого два пуда весит, — и думаю: упадет человек на дороге. Спрашиваю переводчика, зачем

он деталь на себя взгромоздил? Оказывается, Макбули вчера своевременно не выключил подъемную лебедку. Стокилограммовый крюк грохнулся на головные болты и, понятно, разбил их. Конечно, это плохо, очень плохо. Но ведь Макбули только учится с машиной управляться, он этой техники никогда и в глаза не видал. Так можно ли с него так строго взыскивать? У него, видно, и так в сердце большой страх живет. Подумал Макбули, что его за поломку с работы выгонят, и решил сам все исправлять, на свои деньги. А у него и денег-то никаких нет. Ему за ремонт этих деталей в мастерской частной надо, может, двухмесячную зарплату отдать. Одну деталь этот Макбули на своем горбу ночью в частную мастерскую уже оттащил. Рамодан ему помогал. А вторую не успел, вот и решил утром тащить. Вы только подумайте, до мастерской-то несколько километров, да этакая жара!

Спросил я Макбули, сколько заплатил за ремонт одной детали. На пальцах показывает: «Много!» — «А за вторую?» — «Еще больше, — отвечает за него переводчик, — в ней сварки больше».

Кинулся я к Бухареву.

— Давайте возьмем болт в свою мастерскую. Жаль человека, да и кран зря будет стоять, пока он там станет чухаться.

— Что ты, что ты! — замахал он на меня руками. — Это не наше дело.

Такое меня зло взяло, вы себе и представить не можете. И подумал я почему-то про Ленина: неужели он мне тоже сказал бы, что не мое дело помочь рабочему, хотя он из чужой страны? Думаю, он так бы не ответил.

В это время разгонная машина проезжала недалеко.

— Стой, — крикнул я шоферу, — стой!

А сам доволок деталь — и в машину.

— Гони в нашу мастерскую!

Ну и картина, скажу вам, получилась. Бухарев издали рукой машет, кричит: «Ты куда? Остановись!» А Макбули схватился руками за голову и сел на землю. Это у них первое дело — так чувства выражать. Но мы уехали. Потом, конечно, у меня неприятности были. Разговор с начальством крупный получился. Вызвал меня Бухарев к себе вечером и давай выговаривать: «Ты и такой и сякой... Если ты, Павленко, свой характер в карман не спрячешь, мы тебя можем домой отправить».

Нет, вы понимаете, он хотел меня Родиной запугать! Да ведь я так люблю народ свой, страну свою, что когда приеду, буду каждый день целовать землю родную.

Как услыхал я такие слова, сразу меня словно холодной водой окатили. Тут я Бухареву и ответил:

— Родиной не пугают. Родиной вдохновляют!

Понял он, конечно, что не те слова сказал. Помолчал немного и потом уже совсем другим голосом:

— Спокойной ночи, Павленко. Подумай над всем сам.

В общем, расстались холодно. Поднялся я в свою комнату, думал, может, письмо пришло, но писем нет и нет. Только и радость мне в тот вечер была, что березка моя еще один новый листок народила».

Вскоре пришло еще одно письмо, очень короткое, взволнованное.

«Почему не едете к нам? Были на стройке наши журналисты, были киношники, фамилий я их не запомнил. Один из журналистов разместился в нашей комнате (Дудик как раз был в отъезде) и очень на березку мою удивлялся. Вообще он слишком много мне внимания уделил. Может, потому, что жили вместе и разговарива-

ли по целым ночам, а может, по другой какой причине, но чувствую, что мы друзьями стали. Ну, а вы почему же не приедете? Неужели нашей газете неинтересно, как здесь дела подвигаются?

Ох, нужно вам здесь побывать, просто необходимо мне с вами посоветоваться. Интересные вопросы возникают.

Приехал, наконец, Иван Васильевич. Хотел я с ним обстоятельно поговорить о том, что наболело, но не пришлось. Должность у него теперь подвижная. Пришлось ему сразу в Каир ехать, к руководству местному.

Приезжайте! Хочется мне с родным человеком побеседовать. От моих из дому письма пришли. Сима не особенно стремится сюда, хотя я прошу ее об этом в каждом письме. Скучаю без нее ужасно. Может, разлюбила она меня? Другого нашла? Она у меня красавица, умница. Ее всякий мужчина за честь будет считать женой назвать. Письма она мне пишет ласковые, а сердце почему-то ноет. Может, вы что-либо знаете? Скажите.

Борис».

Потом пришла открытка. На голубом лубочном небе четко вырисовываются силуэты пирамид. Художник тщательно выписал осыпи на крутых боках гробниц, верблюда, покорно ожидающего, пока его хозяин закончит молитву, коричневое лицо человека и желтый сыпучий песок, к которому он приник. Безносый сфинкс равнодушно смотрит незрячими глазами в вечность.

«Это чудовище смотрит равнодушно на людей, — писал Борис. — Не нравится мне эта древность. Не по душе. Не хотел посылать открытку, но затем решил: пусть останется вам на память. Посмотрите и подумаете: вот где Павленко живет.

Борис».

И еще одно письмо есть у меня от тех дней.

«...Наконец-то мы с Иваном Васильевичем поговорили по-настоящему. Прямо скажу, трудно нам всем здесь приходится. Очень уж ненавистьюют на нас всякие империалисты за то, что арабы пригласили возводить плотину нас, а не их. Всякое лыко нам в строку ставят.

Иван Васильевич показал мне газету, «Таймс» называется. Я, конечно, не понял, но он карандашом обвел статейку, где про нас всякое вранье сказано. И главное, ссылаются-то на арабов! Те, понятно, ничего такого не говорили, а теперь ходят к Ивану Васильевичу объясняться. И чего только тем газетчикам надо? Впрочем, Иван Васильевич объяснил мне все как надо. Какой он человек все-таки, с ним я всегда себя чувствую легко, разговариваем с ним, как ровни. Все это оттого, что Иван Васильевич никому в глаза не тычет свое образование. Он просто говорит с человеком. А ведь как бывает?

Я помню, однажды в Москве такой разговор услыхал нечаянно. Шел сзади двух женщин, одна другую спрашивает:

— Ну, как у вас отношения с приятельницей?

А та в ответ:

— Вы знаете, ей трудно со мной дружить. Ведь она понимает, что у меня высшее образование, а у нее только семь классов. Она это всегда чувствует.

Нет, вы понимаете, она чувствует! А почему чувствует? Не потому ли, что эта дамочка все время ей напоминает об этом, да еще, наверное, задирается: «Я мол, с тобой дружу, но ты чувствуй!»

Я от тех слов чуть не подпрыгнул. Нарочно вперед забежал, а потом пошел им навстречу. Хотелось мнг в

лицо посмотреть «образованной». Представьте себе, лицо нормальное, даже симпатичное. Вот ведь как в человеке ошибиться можно!

К чему я это вспомнил? Наверное, потому, что Иван Васильевич совсем другой человек. Поговорили мы о многом. И о том, как надо себя здесь держать. Понятно, не шуметь, как я. А по-другому. Что касается моей бригады, то он ответил: «В этом я не хозяин. Это решают в министерстве. Мое дело — просить. Ты знаешь, я просил. И недавно запрашивал Бухарева телеграммой. Он сообщил, что, кажется, дело решится положительно».

Жду не дождусь, когда мои хлопцы приедут. Мы тогда сильно дела вперед двинем. А Иван Васильевич особенно волнуется о бурильных станках. Он говорит, что когда был в Москве, докладывал о нашей технике, и там приняли решение выпустить новую серию станков. Очень я переживаю все. Мне кажется, что мы, маленькая горсточка людей советских, здесь не только плотину строим, но и всю страну свою, все свои достижения показываем. Ведь оно и в самом деле так. И еще я, когда вечером сижу на крыше, смотрю на пустыню и звезды чужие, думаю: «Какая честь тебе, Борис, выпала — помогать арабскому народу новую жизнь строить. Ведь можно этим гордиться?» Плотину мы построим, я в этом уверен. Построим на века.

Подумаешь, пирамиды! Что-то они на меня не подействовали. А вот когда плотина поднимется, и Нил работать начнет на людей как следует, это памятник будет настоящий. Смотрю я в такую минуту на свои руки, и так и этак их переверну, вот инструмент замечательный! Я ведь вам уже писал, я теперь уже на экскаваторе работаю. И настроение другое, и вообще... Не пригоден я для руководства, я вам уже об этом говорил.

А Рамодан возле меня по-прежнему крутится. Я его к машине приучаю. Честное слово, получится из него толк, станет машинистом! Жаль мне этого парня. Как подумаю, что у него нет ни отца, ни матери, так и вспомню о своем сынишке. Живет Колька дома, под крылышком мамы, а если что и случится с его родителями, разве он будет так скитаться? Да никогда! Его государство на ноги поставит. Вот так я тут наглядно прохожу политграмоту.

Хочу сказать вам от всего сердца: я лично могу жить только на своей Родине, только в Советском Союзе. Выполнять задание Родины — это, конечно, одно дело, по заданию партии я могу работать (временно, конечно) хоть на Марсе, но жить я могу только в своей стране.

А вы все-таки зря не приезжаете сюда. Вам тоже нужно посмотреть, как тут люди живут. Вот, например, какой случай недавно был у меня.

Балкончик моей комнаты выходит на улицу, как раз напротив чьей-то крыши. И вот мы с Дудиком как-то стали фотографировать с того балкона общий вид. Вдруг замечаю, на крыше появилась черная фигура. Это у них женщины в такую жару во все черное заматываются. Стоит эта фигура и смотрит на нас из-под покрывала. Ну, я, конечно, догадался, что этой женщине интересно сфотографироваться. Стал ей жестами объяснять, откинь, мол, покрывало, открой лицо, а то непонятно будет — ты на карточке или кто другой.

Но объяснить я ей это не успел. Выбежал на крышу мужчина и, знаете, прямо тычками прогнал ее вниз. А потом стал нам с Дудиком кулаками грозить. Ну, разве это дело?

Я потом этого человека на улице встретил. Он, оказывается, на нашей стройке работает. Так он на меня

просто зверем глянул. И больше того, наверное, наговорил глупости нашему бухгалтеру. Тот мне как-то сказал: «Смотри, Борис, осторожнее, тут с женским вопросом сложно».

Я даже плюнул от злости. Вот у людей какие мысли пакостные. А между прочим, арабы не против и анекдотики насчет женщин рассказать и даже... Ну, что там говорить, есть еще у них такие дома страшные, где совсем униженные женщины собой торгуют. Эх, много еще на свете несправедливости. Сколько иные люди еще горя и стыда принимают за свою жизнь!

Жду ваших писем.

Борис».

Было еще несколько писем от Павленко, по существу, повторяющих мотивы первых. Он тосковал по Родине, по дому. Как хотелось мне увидеть его, посмотреть на его упрямый лоб, поговорить по душам. Ведь в письмах многого не скажешь. Но приходилось ждать. Только через год мог Борис получить отпуск и приехать на Родину.

Я поддерживала переписку с женой Бориса. Она попрежнему учительствовала, очень тосковала по мужу. Однако в Асуан, куда звал ее Борис и куда уже уехали жены других рабочих, Симе ехать не хотелось. Но Павленко звал настойчиво, непрерывно, и она, договорившись с родными о том, что оставит у них на некоторое время детей, стала собираться в дорогу.

Узнала я, что нескольких человек из бывшей бригады Бориса решено отправить на работу в Асуан. Среди них были Татренко, Старицкий, Попов. Всех я их знала по Днепровской стройке и Волжску и была уверена, что приехав в Москву, они зайдут ко мне, и мы поговорим о Борисе, об их планах. С ними я надеялась передать Павленко большое письмо и посылку.

II

Приехали днепровские экскаваторщики в Москву 17 августа — я навсегда запомнила этот день — и, побывав в министерстве, сразу пришли ко мне в редакцию. Сели у стола, кружком. Большие, шумные, загорелые, задымили папиросами, и сразу комната стала похожа на прорабскую.

Самый старший из них, Татренко, и самый молодой, Попов, перебивая друг друга, доказывали, что Павленко и в Асуане — «известный человек».

— У Бориса особый талант на людей, — говорил Татренко, — я всегда стремлюсь подражать ему, но, к сожалению, получается плохо. Я с некоторыми людьми только из уважения к ним беседую, а не от души. Бывает, что и помогаю только из чувства долга. Но, видно, такое не скроешь. Люди об этом догадываются, и настоящего контакта между нами не получается. А Борис с каждым человеком говорит из интереса. У него на людей жадность ужасная. Он в каждом находит что-то прекрасное. И помогает, как самому себе, потому что иначе не может. И что это за характер у человека! Вот ведь и говорят про него разное, и в самом деле Борька — не ангел, но есть в нем что-то такое, что каждого человека за душу берет. Как же смогут арабы против него устоять? Да никогда в жизни. Нам уже Дудик кое-что рассказывал про жизнь Бориса, и мы сразу поняли, как там все происходит...

— Да иначе и быть не может, — вставил Попов. — Арабы от Бориса прямо без ума! Вы посмотрите на карточку, мне Дудик дал, — он протянул мне любительскую фотографию. — Видите, Борис посредине идет, а вокруг

него арабские рабочие? Ведь он у них словно поводырь. А все потому, что Борис не смотрит, какой чин у человека, он в душу ему заглядывает и по душе ценит. И еще, Борис с себя рубашку для другого снимет. Это точно!

— Да, с таким бригадиром, как Павленко, — степенно сказал Татренко, — и в Асуане, как за каменной стеной. Мы очень рады, что вместе с ним туда полетим.

— Вместе?!

— А вы разве не в курсе? — в свою очередь удивился Татренко. — Борис уже вылетел из Каира сюда, в Москву, нас встретить. Нам об этом только что в министерстве сказали.

— Ну, не только нас встречать, — поправил его Старицкий, — ему и другие дела надо в Москве сделать, и супругу свою захватить. Сима уже получила вызов. Это очень хорошо, что вместе полетим.

Зазвонил телефон. Улыбаясь этим наивным, искренним словам, радуясь неожиданной скорой встрече с Борисом, я подняла трубку. Услышав мой крик, увидев, как опустилась трубка мимо рычага, прямо на стол, все вскочили.

— Что случилось? — крикнул Попов.

— Борис... — с трудом выговорила я.

Но он уже все понял, побледнел и дрожащим голосом закричал:

— Этого не может быть! Это ошибка! Ошибка! Кто говорил с вами? Кто?

— Иван Васильевич Комазов, — сказала я тихо. — Ему только что позвонили с аэродрома. Самолет разбился под Киевом...

Мы вышли из редакции вместе. Торопились прохожие. В высоком уже по-осеннему холодном небе проплывали

легкие облачка. Светило неяркое солнце. Но мне и моим друзьям показалось, что день бесцветен. Как размытая бумага, на которой стерты все письмена.

На углу мы молча пожали друг другу руки и расстались. А через несколько часов «хлопцы» приехали ко мне домой.

— Извините, — сказал Старицкий, входя в комнату. — Тяжело нам очень. Знаем, что и вам плохо. Посидим вместе. Может, станет легче...

Мы сидели тесно за столом и говорили о Борисе. Говорили тихо, вполголоса, словно он был где-то рядом и мог услышать каждое слово. В тот день ни я, ни кто другой не могли узнать, как погиб Борис. Да и сейчас, когда собраны воедино все сведения, никто не может сказать точно, что происходило в самолете в тот страшный час. Дежуривший на московском аэродроме диспетчер получил из эфира тревожное сообщение: «Терпим аварию, терпим аварию... Разрешите передать на землю последние слова пассажиров. Разрешите...» И потом другой голос, тревожный, чуть хрипловатый: «Товарищи, прощайте! Берегите Советскую власть! Нет на земле ничего лучше Родины...» Затем радио замолчало.

Колхозники, убиравшие в поле хлеб, увидели, как высоко в небе самолет прочертил кривую и с ревом пошел к земле. Вспыхнул столб пламени. Когда запыхавшиеся люди прибежали на место катастрофы, их встретили только клубы дыма.

Все это я узнала значительно позже. А в тот вечер мы, друзья Бориса, говорили о нем, как о живом. Только как о живом, хотя у каждого сердце сжималось от тяжести непоправимой утраты.

Через десять дней я проводила членов бригады Павленко в Асуан.

С тех пор прошли годы. На могиле Павленко на днепровском берегу цветут осенние астры. На памятнике — его портрет. Смотрят на людей широко открытые глаза, вьется над упрямым широким лбом кудрявый чуб, ласково улыбаются губы.

«...Верный сын народа». Это слова из надписи под фотографией. Он действительно был верным сыном своей Родины, Борис! Он был одним из тех, кто творит историю великой страны, наш современник, один из тех, о ком с восторгом и восхищением будут говорить потомки.

Много событий призошло за минувшее время. Завершен более чем десятилетний труд в Асуане. Сбылась давняя мечта. Народ Объединенной Арабской Республики торжественно отметил завершение строительства гидротехнического комплекса в Асуане. Борис не был на этом торжестве. Но в том, что воды Нила начали свое неудержимое наступление на пустыню, и в огнях нильской гидростанции есть частица труда Бориса Павленко, его мыслей, его мечты.

Многое я проверяю меркой Бориса. А как бы он поступил? Как оценил бы то или иное событие? Я знаю, тщеславие и мальчишеское хвастовство его — только шелуха, под которой находилось необычайной чистоты и крепости ядро. Борис Павленко был настоящим человеком, героем наших дней, ибо его отношение к труду, к людям, его вера в право человека переделывать мир, делать его лучшим — подлинно коммунистические черты.

Еще и еще раз я перебираю растрепанную записную книжку Павленко, присланную из Египта. Чьи телефоны берег Борис? С кем дружил, кому звонил?

Разные города, разные фамилии... Одесса, София, Куйбышев, Киев, Свердловск. Телефоны партийных работников, журналистов, редакторов, кинорежиссеров,

инженеров. Да разве перечислишь фамилии и имена, которые берег в своей книжке и памяти Борис!

А вот поперек размашистая пометка: «Запасные части взять на заводе 13-го». И на обороте, видно, полюбившийся отрывок стихотворения:

Устав таскаться
По чужим пределам,
Вернулся я
В родимый дом.
Зеленокосая
В юбчонке белой
Стоит береза над прудом.

С. Есенин

Еще записи: «Живи чисто, береги совесть», «Чем выше гора, тем легче дышится», «Один прутик легко сломать, а веник и силач не одолеет...»

Потом снова стихи:

И больные думы растревожив,
Вдруг поймешь, что сам всему виной...
Хочется быть чистым и хорошим
Нашей тихой северной весной.

И, наконец, на последней странице: «Только тот тебе настоящий друг, кто знает о тебе все и по-прежнему любит тебя».

Я бережно заворачиваю записную книжку Бориса и его письма в бумагу. Мне кажется, я разговаривала с ним, слышала его голос, видела живым. Ты для нас жив, Борис!

ОТ АВТОРА

Прошло пять лет с тех пор, как эта книга была выпущена. Настало время раскрыть настоящие имена главных ее героев: бригадира экскаваторщиков Бориса Коваленко, названного в повести Павленко, начальника строительства Комзина, названного Комазовым...

Помнится, вскоре после выхода книги в свет я получила письмо от Виктора Старикова (в книге — Старицкий). Он писал: «...и напрасно вы изменили фамилии, Елена Николаевна. Конечно, вы, писатели, лучше знаете, как вам поступать, но хотелось бы, чтобы люди знали имена и хороших, и плохих людей. Тогда меньше было бы зла на нашей земле. А впрочем, каждый в этой правдивой книге все равно узнал себя. И Борис стоит, как живой! Однако, если придется вам переиздавать книгу, поставьте имена настоящие».

А недавно я снова получила письмо от Виктора. И в нем снова о Борисе: «...я любил этого парня за его необыкновенную душевную чистоту. И должен вам сказать, хотя его и нет в живых, но мы, его товарищи, работая на разных стройках, считаем себя коваленковской бригадой. И звание это не теряем. Все мы теперь награждены правительственными наградами. Борис — «Знаком Почета», я — орденом Трудового Красного Знамени, Сердюков и Харкин за работу на Асуанской плотине получили ордена Ленина, Татаренко — орден Трудового Красного Знамени, Чеволдаев —

тоже. И хоть награждали нас за разные дела и в разное время, а все это означает, что мы все как один трудились на благо своей Родины. И так будем трудиться дальше.

И еще хочу сказать, Елена Николаевна, про наш экскаватор «Уралец». Помните, еще на Куйбышевской ГЭС, когда работы стали подходить к концу, Борис задумал перевезти наш экскаватор на новую стройку. Вы и в книге это описывали. А когда Борис уехал с Днепра на Нил и хлопцы уехали — меня врачи не пропустили, — то решил я с этим «Уральцем» не расставаться. Перебрался я на стройку Киевской ГЭС и машину за собой увез. По Борисовым следам пошел. Работал я на этой машине долго. И машина была в сохранности. А сейчас земляные работы уменьшились, и решили передать наш «Уралец» вместе с его боевыми звездами в Армению, на новую стройку. Я сам поеду туда, сам смонтирую машину в четвертый раз и из рук в руки передам ее новой бригаде, как славный трудовой трофей коваленковской бригады. Может, настанет время, когда эту машину поставят в музей трудовой славы? А что, может быть такое? Подумать только, больше десяти лет работает наш «Уралец»! Вот вам и срок технической эксплуатации! До свидания, ваш Виктор».

Вот так в делах и людях живет память о Борисе Коваленко. Он и не думал никогда, что может стать примером для других. Он жил просто, и поступки его были продиктованы любовью к Родине, гражданской совестью. Но именно поэтому и стал рабочий парень из села Гребенки маяком для многих людей, даже тех, кто никогда прежде его не знал, стал символом трудовой доблести комсомольцев.

Осенью 1968 года получила я из города Тольятти экземпляр газеты «Гидростроитель». Это орган партийного комитета управления и объединенного постройкома ордена Ленина Куйбышевгидростроя. На первой полосе этой газеты увидела крупный заголовок: «Как Борис Коваленко»! Что такое? Почему? И только прочитав полосу, поняла, и сердце наполнилось гордостью за своего друга.

В этот день строители-комсомольцы города Тольятти рапортовали о своей готовности быть достойными героев комсомола. В газете были опубликованы рапорты рабочих бригад под лозунгами: «За Зою Космодемьянскую!», «Сделали за себя и за Павку!», «Наши корчагинцы!» И рядом с этими героическими именами стояло имя Бориса Коваленко. Вот что писалось в газете: «Ветераны Куйбышевгидростроя хорошо помнят кареглазого украинского парня Бориса Коваленко, который в годы строительства Волжской ГЭС имени В. И. Ленина на экскаваторе «Уралец» добивался со своими друзьями рекордных выработок. Короткой, но яркой судьбой своей он утверждал: «В жизни всегда есть место подвигу». Вот почему в день юбилейной вахты в честь 50-летия комсомола комсомольцы сделали имя Бориса своим знаменем. Особенно дорого оно молодым механизаторам. 25 октября шестьдесят три комсомольско-молодежных экипажа работали с таким же упорством, как Борис Коваленко».

А затем имя Коваленко прозвучало на третьем съезде художников. С трибуны этого высокого собрания мастеров искусства электросварщик дважды Герой Социалистического Труда Алексей Улесов сказал: «...и в искусстве, и в жизни можно бессмысленно рассеять силы, чувства, но можно закалить в труде и борьбе сердце, чувства, ум, мастерство»... И он привел в пример жизнь Бориса Коваленко, имя которого теперь присваивают лучшим бригадам. Это он, Борис, прославился как экскаваторщик-рационализатор, как человек, наделенный блестящими организаторскими способностями. В память о нем, о мастере Борисе, арабы посадили в Асуане дерево. «Такие люди, настоящие герои нашей жизни, должны стать героями советского искусства», — закончил Улесов.

В этой посмертной славе Коваленко для меня нет ничего удивительного. Я не случайно назвала свою книгу «Ты жив, Борис». Я знала, он будет жить в памяти друзей, близких, товарищей, в делах рук своих. Для меня Борис всегда был олицетворением передового советского рабочего. И дело не только в его профессио-

нальном мастерстве. В любой стране мира есть рабочие, столь же совершенно владеющие своей специальностью. Но не один из них не обладает чувством, которое было органически присуще Борису Коваленко — чувством хозяина своей страны; убежденного в своем праве, неотъемлемом праве решать дела государственные и отвечать за них. Именно эта характерная черта Бориса привлекала к нему сердца людей. Сотни писем читателей книги подтверждают это. Вот некоторые строки из писем:

«..прочитаешь о таком человеке и самой хочется скорее приняться за дела, которых еще так много»;

«...короткая жизнь этого человека может и должна служить образцом для нашей молодежи»;

«...узнав Бориса, я над многим задумалась, в моей жизни как будто что-то изменилось. Какой замечательный, настоящий советский человек был Борис!»

Только после смерти Бориса я узнала, каким он был заботливым сыном и нежным братом. Узнала из письма его матери Ульяны Ивановны Коваленко:

«...Пишу вам, Елена Николаевна, потому что вы знали Борю. Он был заступником и моим старателем. Осталась я вдовой с тремя детьми. Старший сын на войне погиб, дочь была совсем маленькая, только Боря и был нашей опорой».

А несколько позже пришло письмо и от его сестры, Ольги: «...Я работаю и учусь в институте. Мама вам очень благодарна. Она всем говорит: «Вот какой у меня сын, Боря, каких друзей имел настоящих! А почему? Потому что сам для каждого был другом!» Вы уж извините нашу маму. Для нее нет на свете человека лучше ее сына. Ей кажется, что он еще живой».

Жив Борис и для своей семьи. Жена Фима живет по-прежнему в поселке Кременчугской ГЭС, работает в школе. Каждый день по утрам чистит, моет машину, которую незадолго до поездки в Асуан купил Борис. Ей все кажется: вот Борис откроет гараж, сядет за руль и повезет ее, счастливую, молодую по поселку, в по-

ля, рощи... Разве прикажешь забыть сердцу, в котором одна-единственная любовь?

Впрочем, наверное, скоро голубой «Москвич» Бориса Коваленко появится на дорогах Кременчуга. Ведь его сын Коля уже учится в десятом классе. А маленькая Наташа, которой отец так любовно выбирал в Москве подарки, теперь уже стала студенткой. Она учится в Тольятти, в городе, где живет память об ее отце.

...Вот и все, что я хотела сказать. Теперь, когда книга о Борисе Коваленко выходит в новом издании, я рада, что те, кто прочтет ее, будут знать, что память о моем герое жива в его детях, друзьях, что образ его стал символом образа рабочего-коммуниста.

Елена Микулина

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТИ ЖИЗНИ 3
ПЕРЕВАЛЫ 75
А БЕРЕЗКА РАСТЕТ... 221
ОТ АВТОРА 251

Издательство ВЦСПС Профиздат —
ул. Кирова, 13.

Микулина Елена Николаевна
ТЫ ЖИВ, БОРИС. М., Профиздат, 1971.
256 стр. (Повести о героях труда.)
32С5

Редактор Д. М. Хвостова
Худ. редактор А. П. Ерасов
Художник А. Е. Скородумов
Техн. редактор Н. Д. Коробова

Подп. к печати 13/IV 1971 г. А 09553.
Бумага тип. № 3 70×108[1]/32=8 п. л.
(усл. 11,20 л.) Уч.-изд. 10,11 л.
Тираж 50 000 экз. Цена 41 коп. Зак. 974.
Объявлено в Плане выпуска литературы
Профиздата на 1971 год, № 151

1-я тип. Профиздата,
Москва, Крутицкий вал, 18.

13.01.2019.

Цена 41 коп.

ПРОФИЗДАТ · 1971

ПОВЕСТИ О ГЕРОЯХ ТРУДА